

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

Издается с 2007 г.
(до 2017 г. – под названием
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

1

2024

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор   **РУБАНОВ А. В.** – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: sociology@bsu.by

**Заместители
главного
редактора**   **ЛЕГЧИЛИН А. А.** – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: liahchylin@bsu.by
ФУРМАНОВ И. А. – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: fourmigog@gmail.com

**Ответственный
секретарь**   **ДОБРОРОДНИЙ Д. Г.** – кандидат философских наук, доцент; директор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета, Минск, Беларусь.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Агилера М.* Малагский университет, Малага, Испания.
Андрющенко В. П. Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
Бабосов Е. М. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Безнюк Д. К. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Водопьянов П. А. Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.
Вольферт П. Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.
Гигин В. Ф. Национальная библиотека Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Го Шухун Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.
Данилов А. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Журавлев А. Л. Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Зеленков А. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Иванич П. Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Карамушка Л. Н. Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.
Кирвель Ч. С. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Козловский В. В. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
Королева И. Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.
Купченко В. Е. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.
Лазаревич А. А. Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Лаптёнок А. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Мазилев В. А. Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.
Порус В. Н. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
Ротман Д. Г. Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Румянцева Т. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Сайганова В. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Слепович Е. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Стелинговска Б. Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Шатравский С. И. Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Якубовска В. Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Янчук В. А. Независимый исследователь, Минск, Беларусь.
Яскевич Я. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief   **RUBANAU A. V.**, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: sociology@bsu.by

Deputy editors-in-chief   **LIAHCHYLIN A. A.**, PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: liahchylin@bsu.by

FOURMANOV I. A., doctor of science (psychology), full professor; head of the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: fourmigor@gmail.com

Executive secretary   **DABRARODNI D. G.**, PhD (philosophy), docent; director of the Institute of Social and Humanities Education, Belarus State Economic University, Minsk, Belarus.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Aguilera M.** University of Malaga, Malaga, Spain.
Andryushchenko V. P. National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
Babosov Y. M. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Beznyuk D. K. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Danilov A. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Hihin V. F. National Library of Belarus, Minsk, Belarus.
Guo Shuhong Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
Ivanic P. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Jakubovská V. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Karamushka L. M. N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Kirvel C. S. Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
Koroleva I. Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
Kozlovski V. V. Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Kupchenko V. E. Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
Laptenok A. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lazarevich A. A. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Mazilov V. A. Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
Porus V. N. National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
Rotman D. H. Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Rumyantseva T. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Sayganova V. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Shatrauski S. I. Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyrill of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Slepovich E. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Stelingowska B. Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Vodopyanov P. A. Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
Wolfert P. University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
Yanchuk V. A. Independent researcher, Minsk, Belarus.
Yaskevich Y. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhuravlev A. L. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Zelenkov A. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 1(091)

МУДРОСТЬ М. МОНТЕНЯ В КНИГЕ «ОПЫТЫ»

А. В. РУБАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследована реконструкция представлений о мудрости жизни М. Монтеня. Проанализированы представления философа о счастливой жизни и путях ее достижения, а также его мысли о разумной стратегии и тактике жизни. Представлена характеристика ведущих стремлений и страстей человека. Выделены размышления о нравственных проблемах, в центре которых находятся суждения о добре, совести и способах приближения к добродетельной жизни. Показано, что рассуждения философа на тему свободы человека тесно связаны с вопросами морали. Скептицизм рассмотрен как метод познания, характерный для М. Монтеня.

Ключевые слова: личность; смысл жизни; счастье; мудрость; добродетели; скептицизм как метод познания.

THE WISDOM OF M. MONTAIGNE IN THE BOOK «ESSAIS»

A. V. RUBANAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The subject of this article is the reconstruction of ideas about the wisdom of life of M. Montaigne. It analyses Montaigne's ideas about a happy life and ways to achieve it, his thoughts about reasonable strategy and tactics of life. The characteristics of the leading aspirations and passions of a person are given. Reflections on moral problems are highlighted, at the epicenter of which are judgments about goodness, conscience and ways of approaching a virtuous life. It is shown that his reasoning on the topic of human freedom is closely related to issues of morality. Skepticism is considered as a method of cognition characteristic of M. Montaigne.

Keywords: personality; meaning of life; happiness; wisdom; virtues; skepticism as a method of knowledge.

Образец цитирования:

Рубанов АВ. Мудрость М. Монтеня в книге «Опыты». Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2024;1:4–15.
EDN: RVZBKJ

For citation:

Rubanau AV. The wisdom of M. Montaigne in the book «Essais». Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2024;1:4–15. Russian.
EDN: RVZBKJ

Автор:

Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
rubanov.bsu@gmail.com

Работу над трудом «Опыты» М. Монтень начал, когда изучал науку самопознания, «которая должна... научить хорошо жить и хорошо умереть» [1, кн. 2, с. 481]. В этой книге он хотел «изобразить... собственный портрет» [1, кн. 2, с. 453]. Объясняя логику построения, содержательное наполнение и предназначение книги, философ выделял несколько основных моментов: «У меня нет другого связующего звена при изложении моих мыслей, кроме случайности. Я излагаю свои мысли по мере того, как они у меня появляются... Я хочу, чтобы виден был естественный и обычный ход их, во всех зигзагах» [1, кн. 2, с. 480–481]; «...мои писания – не более чем протокол, регистрирующий всевозможные... иногда и противоречащие друг другу фантазии, то ли потому, что я сам становлюсь другим, то ли потому, что постигаю предметы при других обстоятельствах и с других точек зрения. Вот и получается, что иногда я противоречу себе самому, но истине... я не противоречу никогда» [1, кн. 3, с. 25]; «Я отнюдь не поучаю, я только рассказываю» [1, кн. 3, с. 27]. Говоря о личностном значении рассматриваемого произведения, М. Монтень писал: «Моя книга в такой же мере создана мной, в какой я сам создан моей книгой. Это – книга, неотделимая от своего автора» [1, кн. 2, с. 803]. К этому следует добавить, что он на примере французского общества XVI в. представил панораму людских нравов и сформулировал набор правил поведения, актуальных для любого исторического времени.

Исходя из собственного примера, М. Монтень сформулировал смысл человеческой жизни в трех кратких, но предельно четких и тесно взаимосвязанных тезисах: «Я живу со дня на день и, говоря по совести, живу лишь для себя» [1, кн. 3, с. 59]; «Сосредоточим на себе и на своем собственном благе все наши помыслы и намерения» [1, кн. 3, с. 294–295]; «Наше счастье или несчастье зависит только от нас самих» [1, кн. 1, с. 361].

Достичь собственного блага и счастливой жизни человеку помогает мудрость – «умение владеть своей душой, которой она руководит осмотрительно, с тактом и с чувством ответственности за нее» [1, кн. 2, с. 412]. Философ подчеркивал, что «отличный признак мудрости – это неизменно радостное восприятие жизни» [1, кн. 1, с. 199].

Усилия М. Монтеня сосредоточены на раскрытии понятия счастливой жизни и путей ее достижения. Исходным в его рассуждениях можно считать следующий постулат: «“Он прожил в полной бездеятельности”, – говорим мы. “Я сегодня ничего не совершил”. Как? А разве ты не жил? Просто жить – не только самое главное, но и самое замечательное из твоих дел. “Если бы мне дали возможность участвовать в больших делах, я показал бы, на что способен”. А сумел ты обдумать свою повседневную жизнь и пользоваться ею как следует? Если да, то ты уже совершил величайшее дело. Природа не нуждается в какой-либо особо счастливой доле, чтобы показать себя и проявиться

в деяниях. Она одна и та же на любом уровне бытия, одна и та же за завесой и без нее. Надо... наводить порядок и устанавливать мир в обычных жизненных обстоятельствах. Лучшее наше творение – жить согласно разуму. Все прочее – царствовать, накапливать богатства, строить – все это, самое большее, дополнения и довески» [1, кн. 3, с. 424].

В русле такого оптимистичного и ответственного взгляда на жизнь М. Монтень рассматривал вопрос о наслаждениях (удовольствиях). Он писал: «Все в этом мире твердо убеждены, что наша конечная цель – удовольствие, и спор идет лишь о том, каким образом достигнуть его» [1, кн. 1, с. 96]. По поводу себя он добавлял: «Нет у меня иной цели, как жить и радоваться» [1, кн. 3, с. 78], а когда «время благоприятствует, я не хочу, чтобы оно просто проходило, я хочу овладеть им, задержать его» [1, кн. 3, с. 428]. М. Монтень развивал эту мысль следующим образом: «Мудрость человеческая поступает весьма глупо, пытается ограничить количество и сладость предоставленных нам удовольствий» [1, кн. 1, с. 247]. О своем жизненном опыте он говорил: «Я обсуждаю сам с собою каждое удовольствие, я не скользя по его поверхности, а проникаю до самой сердцевины и заставляю свой унылый и уже ко всему равнодушный разум познать его до конца» [1, кн. 3, с. 429].

Кроме того, философ выделял и комментировал разные виды удовольствия. Прежде всего он рассуждал о соотношении телесных и духовных наслаждений, ссылаясь на высказывания самых авторитетных античных авторов: Сократ «...ценит, как должно, плотское наслаждение, но предпочитает духовное, ибо в нем больше силы, постоянства, легкости, разнообразия, благородства. И отнюдь не в том смысле, что оно – единственное (Сократ не такой чудаки), а лишь в том, что ему отводится первое место» [1, кн. 3, с. 431]; «Платон опасается нашей склонности предаваться всем своим существом страданию и наслаждению, потому что она слишком подчиняет душу нашему телу и привязывает ее к нему. Что до меня, то я опасаясь скорее обратного, а именно, что она отрывает и отдаляет их друг от друга» [1, кн. 1, с. 67].

По поводу других, более конкретных видов жизненных удовольствий, включая добродетель, и умения их ощущать М. Монтень писал так: «...иные ощущают сладость удовольствия – сладость благополучия. Я ощущаю то же самое, но не потому, что она проносится и ускользает. Сладость эту надо познавать, смаковать, обдумывать, чтобы ощущение наше стало достойным того, что ее породило» [1, кн. 3, с. 429]; «...я завидую счастью тех, кто умеет радоваться делам рук своих и испытывать от этого приятное удовлетворение. Ведь это весьма легкий способ доставлять себе удовольствие, ибо его извлекаешь из себя самого, в особенности если обладаешь известным упорством в своих оценках» [1, кн. 2, с. 766]; «...даже в самой добродетели конечная цель – наслаждение...

Становясь более живым, острым, сильным и мужественным, такое наслаждение делается от этого лишь более сладостным» [1, кн. 1, с. 318–319].

Философ выделял и анализировал своеобразную диалектику удовольствий: условия и факторы их возникновения, неоднозначный характер протекания, причины пресыщения и т. д. Он тесно связывал их с душевными силами, разумом и здоровьем человека: «Для наслаждения и счастья необходимы и душевные силы, и разум... каковы бы ни были блага, дарованные нам судьбой, надо еще обладать способностью ощущать их прелесть» [1, кн. 1, с. 96]; «Самый ценный плод здоровья – возможность получать удовольствие» [1, кн. 3, с. 418]. «Что до этого более низменного наслаждения... Я нахожу, что этот вид наслаждения еще более, чем добродетель, сопряжен с неприятностями и лишениями всякого рода... Мы глубоко заблуждаемся, считая, что эти трудности и помехи обостряют также наслаждение и придают ему особую пряность... но в не меньшее заблуждение мы впадаем, когда, переходя к добродетели, говорим, что сопряженные с нею трудности и невзгоды превращают ее в бремя для нас, делают чем-то бесконечно суровым и недоступным, ибо тут гораздо больше, чем в сравнении с выше-названным наслаждением, они облагораживают, обостряют и усиливают божественное и совершенное удовольствие, которое добродетель дарует нам» [1, кн. 1, с. 96–97]; «Погоня за всеми известными нам удовольствиями сама по себе вызывает в нас приятное чувство. Само стремление порождает в нас желанный образ, а ведь в нем содержится добрая доля того, к чему должны привести наши действия, и представление о вещи едино с ее образом по своей сущности. Блаженство и счастье, которыми светится добродетель, заливают ярким сиянием все имеющее к ней отношение, начиная с преддверия и кончая последним ее пределом» [1, кн. 1, с. 97]; «Наши желания презирают и отвергают все находящееся в нашем распоряжении; они гонятся лишь за тем, чего нет... Запретить нам что-либо – значит придать ему в наших глазах заманчивость... предоставить же его сразу – значит заронить в нас к нему презрение. И отсутствие, и обилие действуют на нас одинаково» [1, кн. 2, с. 736–737]; «Нет, естественно, ничего столь противоположного нашему вкусу, как пресыщение удовольствиями, и ничего столь для него привлекательного, как то, что редко и мало доступно» [1, кн. 2, с. 735].

Особая тема размышлений М. Монтеня – пределы наслаждений и действия, которые следует предпринимать во избежание такого развития жизненных событий: «Мудрецы затратили немало усилий, чтобы предостеречь нас от ловушек наших страстей и научить отличать истинные, полновесные удовольствия от таких, к которым примешиваются заботы и которые омрачены ими. Ибо большинство удовольствий, по их словам, щекочет и увлекает нас лишь для

того, чтобы задушить до смерти» [1, кн. 1, с. 299–300]; «Занимаетесь ли вы хозяйством, науками, охотой или чем-либо иным, вы должны отдаваться этому не дальше предела, где кончается удовольствие... Нужно предаваться занятиям и заботам лишь настолько, насколько это необходимо, чтобы сохранять бодрость и обезопасить себя от неприятностей, порождаемых противоположною крайностью, а именно вялым и сонным бездельем» [1, кн. 1, с. 300].

По мнению Сократа, «воздержание не противостоит удовольствиям, а удерживает их в известных границах» (цит. по [1, кн. 3, с. 431]).

Как указывал М. Монтень, правильный жизненный путь укрепляет душу человека и помогает ей сосредоточиться «на определенных и строго ограниченных размышлениях, таких, где она сможет находить для себя уладу и, познав, наконец, истинные блага, наслаждение которыми усиливается по мере познания их, удовольствоваться всем этим» [1, кн. 1, с. 303].

Чем бы ни наслаждались люди, они все время чувствуют неудовлетворение и стремятся «к будущему, к неизведанному, так как настоящее не может... насытить: не потому... что в нем нет ничего, могущего... насытить, а потому, что сами способы насыщения... нездоровые и беспорядочные» [1, кн. 1, с. 368].

Человеческое желание «неустойчиво и ненадежно: оно не способно ничего удержать, не способно дать... чем-либо насладиться по-настоящему». Когда человек думает, что недостаток находится в самих вещах, он «начинает вкушать и поглощать другие вещи, которых... доселе не знал, с которыми еще не ознакомился; к ним устремляет он свои желания и надежды» [1, кн. 1, с. 369].

К сказанному о пределах удовольствий философ добавлял следующий тезис: человек должен ясно осознавать, что наслаждения находятся в тесной взаимосвязи со страданиями, а люди в ситуации выбора между достижением наслаждения и избавлением от страдания достаточно часто выбирают последнее. Он писал о том, что «...страдание тоже должно занимать свое место в жизни человека. Человек не всегда должен избегать боли и не всегда должен стремиться к наслаждению» [1, кн. 2, с. 582]. Из удовольствий и благ, доступных человечеству, нет «ни одного, которое было бы свободно от примеси неприятного и стеснительного» [1, кн. 2, с. 812]. По мнению М. Монтеня, «глубокая радость заключает в себе больше суровости, чем веселья, крайнее и полное удовлетворение – больше успокоения, чем удовольствия» [1, кн. 2, с. 813]. Наличие хорошего самочувствия «...означает лишь отсутствие страдания. Вот почему та философская школа, которая особенно превозносила наслаждение, рассматривала его как отсутствие страдания» [1, кн. 2, с. 581]. «В страдании... есть нечто, чего не следует избегать, и в наслаждении... есть нечто, чего избежать можно». Платон связывал эти понятия, «...полагая, что сила духа должна про-

тивостоять как страданию, так и чрезмерной, чарующей прелести наслаждения. Это два источника, благо тому, кто черпает из них где, когда и сколько ему надо, будь то город, человек или зверь. Из первого надо пить для врачевания, по мере необходимости и не часто, из второго следует утолять жажду, однако так, чтобы не охмелеть» [1, кн. 3, с. 427–428]. Люди устроены так, что им «приходится больше думать о том, как избегать страданий, чем о том, как лучше радоваться, и самая ничтожная боль ощущается нами острее, чем самое сильное наслаждение» [1, кн. 2, с. 580].

Стремление человека к счастливой жизни должно конкретизироваться в целях: «Душа, не имеющая заранее установленной цели, обрекает себя на гибель, ибо, как говорится, кто везде, тот нигде» [1, кн. 1, с. 36].

Ставя перед собой жизненные цели, человек ради их достижения должен руководствоваться рядом соображений. Прежде всего ему нужно четко определить эти цели. Данную мысль, включая указания на последствия подобной линии поведения, М. Монтень повторял в различных вариациях: «Среди показателей нашей слабости нельзя забывать и того, что даже при всем желании человек не умеет определить, что ему нужно» [1, кн. 2, с. 689]; «Мы колеблемся между различными планами: в наших желаниях никогда нет постоянства» [1, кн. 2, с. 395]; «Никто не строит цельных планов на всю жизнь; мы обдумываем эти планы лишь по частям. Нет попутного ветра для того, кто не знает, в какую гавань он хочет приплыть» [1, кн. 2, с. 400]; «Мы обычно следуем за нашими склонностями направо и налево, вверх и вниз, туда, куда влечет нас вихрь случайностей. Мы думаем о том, чего мы хотим, лишь в тот момент, когда мы этого хотим... Мы отвергаем только что принятое решение, потом опять возвращаемся к оставленному пути; это какое-то непрерывное колебание и непостоянство» [1, кн. 2, с. 395]; «Приступив к нашим делам, мы на первых порах управляем ими и держим их в своей воле, но позднее, когда они уже сдвинуты с места, они управляют нами и тащат нас за собой, так что нам только и остается, что идти следом» [1, кн. 3, с. 312]; «Мы плывем по течению, а повернуть в обратную сторону и возвратиться к себе – дело исключительно трудное» [1, кн. 3, с. 290].

При определении жизненных целей важно соотносить их с собственными потребностями и возможностями, предварительно познав те и другие. М. Монтень упоминал заповедь, которую часто приводил Платон: «Делай свое дело и познай самого себя», – и писал о том, что «...каждая из обеих половин этой заповеди включает в себя и вторую половину ее и, таким образом, охватывает весь круг наших обязанностей. Всякий, кому предстоит делать дело, увидит, что прежде всего он должен познать, что он такое и на что он способен» [1, кн. 1, с. 15–16]. Все существующее «познает самого себя и в соответствии со своими потребностями устанавливает пределы

своим трудам и своим желаниям» [1, кн. 3, с. 290]. «Было бы желательнее установить более разумное соотношение между требуемым и выполнимым; ведь цель, достигнуть которой невозможно, и поставлена, очевидно, неправильно» [1, кн. 3, с. 274]. Философ подчеркивал, что помощь благоразумия «...драгоценна... для того, чьи желания и возможности оно приводит в соответствие между собой! Нет науки полезнее этой! “По мере сил” было излюбленным выражением и присловьем Сократа, и это его выражение исполнено глубочайшего смысла» [1, кн. 3, с. 46].

М. Монтень предлагал и другие идеи по поводу того, что должен предвидеть, учитывать и реализовать человек в своих практических действиях. По мнению философа, «всякое благородное дело сопряжено с риском» [1, кн. 1, с. 158]. Он писал о том, что «напряженность и неукротимость желаний скорее препятствуют, чем способствуют достижению поставленной цели: они вселяют в нас нетерпение, если события развиваются медленнее, чем мы рассчитывали, и вопреки нашим предположениям, а также недоверие и подозрительность в отношении тех, с кем нам приходится иметь дело» [1, кн. 3, с. 297]. Разум приказывает человеку «идти все одним и тем же путем, но не всегда с одинаковой быстротой; и, хотя мудрый человек не должен позволять страстям своим отклонять его от правого пути, он может, не поступаясь долгом, разрешить им то убыстрять, то умерять его шаг» [1, кн. 1, с. 327]. Если человек уже отправился в путь, то ему «нужно идти до последнего вздоха» [1, кн. 3, с. 313].

Кроме того, философ советовал держаться разумной гармонии в отношении к настоящему и будущему, не увлекаться сверх меры какой-либо одной из этих составляющих человеческой жизни. Тот, кто вменяет «людям в вину их всегдашнее влечение к будущему», учит братья «за блага, даруемые... настоящим, и ни о чем больше не помышлять», потому что человек менее властен над будущим, чем над прошлым, затрагивает «одно из наиболее распространенных человеческих заблуждений» [1, кн. 1, с. 15]. Все опасения, желания и надежды приводят к будущему и лишают способности «воспринимать и понимать то, что есть, поглощая нас тем, что будет хотя бы даже тогда, когда нас самих больше не будет» [1, кн. 1, с. 15]. Те, кто просто проводят время, «пренебрегают настоящим, пренебрегают тем, чем владеют, ради каких-то чаяний, ради смутных и тщетных образов, рисующихся в их воображении» [1, кн. 3, с. 429–430].

Важно уметь (а если не умеешь, то учиться) противостоять трудностям, которые встречаются на жизненном пути. Как писал М. Монтень, «самая великая вещь на свете – это владеть собой» [1, кн. 1, с. 295]. «Нужно приучить душу не поддаваться несчастьям и брать верх над ними» [1, кн. 3, с. 74].

Большую роль в душевном состоянии и поведении человека играет то, как он воспринимает происходящее в его жизни. Философ упоминал изречение

Эпиктета о том, что людей мучат не сами вещи, а представления, которые они создали о них [1, кн. 1, с. 56].

М. Монтень давал практические советы о том, как оценивать ситуацию неопределенности, в которой для человека таится некоторая угроза, и как вести себя в ней. Вина людей состоит в том, что они больше думают «о грядущей беде, чем о минувшей» [1, кн. 3, с. 232]. Философ задавался следующим вопросом: «Для чего предвосхищать беду и терять настоящее из страха перед будущим и быть несчастным сейчас, потому что должен стать им со временем?» [1, кн. 3, с. 352]. Ответ на него можно найти в словах мыслителя: «Лучше вооружиться благородною твердостью и приготовить себя ко всему, что может случиться, находя утешение в том, что оно, быть может, все-таки не случится» [1, кн. 1, с. 163]. М. Монтень следовал такому правилу: «Ожидать всего самого худшего и, в случае если это худшее грянет, мужественно переносить его с кротостью и терпением» [1, кн. 2, с. 776]. По его мнению, нужно рассчитывать только на себя, «...довериться... собственным силам, в себе... обрести опору и своими глазами присматривать за собой. Люди же всегда склонны прибегать к чужой помощи, щадя собственные силы» [1, кн. 3, с. 345–346]. Когда человека одолевает сомнение, «какой путь самый короткий», философ советует «предпочитать всегда самый прямой» [1, кн. 1, с. 157]. В тяжелой жизненной ситуации нужно меньше поддаваться негативным эмоциям и горевать об утраченном, а стараться объективно оценивать свои потери, обращая большее внимание на то, что осталось. Кроме того, не менее важно извлекать урок из случившегося.

По мнению М. Монтеня, «...большинство хороших хозяев считают чем-то ужасным жить в... неопределенности; но, во-первых, они упускают из виду, что большинство людей живет именно таким образом. <...> Во-вторых, эти хорошие хозяева забывают также о том, что обеспеченность, на которую они хотят опереться, столь же неустойчива и столь же подвержена разного рода случайностям, как и сам случай» [1, кн. 1, с. 75]. Сам мыслитель, «прежде чем сожалеть о своей горькой участи» старается разобраться не столько в том, что у него отнято, сколько в том, что у него (и внешне, и внутренне) сохранилось [1, кн. 3, с. 347]. Он пришел к выводу о том, «...что бедствия бывают полезны. Во-первых, плохих учеников наставляют розгой, когда не помогают увещания... Во-вторых, беда может послужить... для того, чтобы подготовить к еще худшим испытаниям» [1, кн. 3, с. 346].

В некоторых случаях допустим и такой прием поведения, когда люди открыто не противодействуют неприятностям, а просто уходят от них. В этой связи М. Монтень писал о том, что некоторые мудрецы «противопоставляли несчастьям неодолимость своего терпения». Он давал следующее наставление: «Не будем гнаться за этими образцами; нам их все равно не

нагнать... Что до нас, меньших братьев, то нам нужно бежать от грозы, и как можно дальше; нам нужно принимать в расчет нашу чувствительность, а не наше терпение, и нам нужно ускользать от ударов, отразить которые мы не в силах» [1, кн. 3, с. 308].

Философ советовал находить некоторое утешение для сохранения душевного равновесия даже в том, что «в жизни и хорошему, и дурному положен определенный срок» [1, кн. 3, с. 404].

Следуя давней философской традиции, М. Монтень тесно связывал жизнь, ведущую к счастью и наслаждению, с соблюдением правила золотой середины. Он писал: «Я люблю природы умеренные и средние во всех отношениях. Чрезмерность в чем бы то ни было, даже в том, что есть благо, если не оскорбляет меня, то, во всяком случае, удивляет, и я затрудняюсь, каким бы именем ее окрестить» [1, кн. 1, с. 244]. Говоря о том, что «следует держаться между ненавистью к страданию и любовью к наслаждению» [1, кн. 3, с. 291], французский мыслитель ссылаясь на Платона, который советовал «избирать средний жизненный путь между этими двумя чувствами» [1, кн. 3, с. 291].

Аргументируя свою позицию, М. Монтень говорил о том, что душа «считает подлинно великим именно достаточное и возвышенность свою проявляет в том, что средний путь предпочитает лазанью по вершинам». Развивая мысль, он утверждал: «Пусть душа помогает телу, содействует ему и не отказывается участвовать в его естественных утехах, а наслаждается вместе с ним, привнося в них, если обладает мудростью, умеренность, дабы они по опрометчивости человеческого существа не превратились в неудовольствие. Невоздержанность – чума для наслаждения, а воздержанность отнюдь не бич его, а наоборот – украшение» [1, кн. 3, с. 427].

Ссылаясь на авторитет философской традиции, мыслитель писал: «Философия нисколько не ополчается против страстей естественных... ее усилие в борьбе с ними направлены лишь против тех страстей, которые чужды нашей природе и привносимы извне. Она говорит, что побуждения нашего тела не должно усиливать измышлениями ума» [1, кн. 3, с. 145]. М. Монтень на конкретных примерах разъяснял, что философия «мудро предостерегает нас от желания возбуждать в себе голод пресыщением, от желания набить свой живот вместо того, чтобы его наполнить; она увещевает избегать всякого наслаждения, заставляющего нас алкать еще больше, избегать еды и питья, обостряющих наши голод и жажду» [1, кн. 3, с. 145–146].

В контексте путей приближения к умеренности в жизненной практике человека мыслитель отмечал некоторые динамические моменты: «...недобор ближе к умеренности, чем перебор. Второй оправдать гораздо труднее» [1, кн. 3, с. 148]; «...разумное пользование доставляет больше хлопот, нежели воздержание. Умеренность – добродетель более требо-

вательная, чем нужда» [1, кн. 2, с. 884]. М. Монтень, живя в полном достатке, обращался к Богу с просьбой о том, чтобы он наделил его способностью «довольствоваться... собою и благами, порождаемыми... самим» философом [1, кн. 1, с. 297].

В рассуждениях философа на тему умеренности есть еще одно интересное высказывание, касающееся особенностей речи человека: «Я люблю слова, смягчающие смелость наших утверждений и вносящие в них некую умеренность: “может быть”, “по всей вероятности”, “отчасти”, “говорят”, “я думаю” и тому подобные» [1, кн. 3, с. 327].

В духе собственного восприятия умеренности и ее значения для счастливой жизни М. Монтень рассматривал понятия богатства, бедности и их соотношение: «Платон в следующем порядке перечисляет физические и житейские блага человека: здоровье, красота, сила, богатство. И богатство, говорит он, вовсе не слепо; напротив, оно весьма прозорливо, когда его освещает благоразумие» [1, кн. 1, с. 78]. Уточняя сущность и происхождение указанных социально-личностных феноменов, мыслитель ввел понятие «истинные потребности», которые определяют законы природы и законы, внушаемые «нам нашим необузданным воображением» [1, кн. 3, с. 299]. Бедных людей, если исходить из истинных потребностей, «нет и не может быть... и всякий, считающий себя таковым, исходит лишь из собственного суждения» [1, кн. 3, с. 299].

В целом умеренность предполагает, что «область наших желаний должна быть строго очерчена» [1, кн. 3, с. 302]. Их пределом «должно быть некоторое, весьма незначительное количество жизненных благ, обеспечивающих нам насущно необходимое» [1, кн. 3, с. 302]. Кроме того, «желания должны... располагаться не по прямой, конец которой был бы где-то вне нас, а по кругу, смыкаясь крайними точками внутри нас и образуя фигуру небольшого размера» [1, кн. 3, с. 302]. В итоге счастливым будет «тот, кто сумел с такой точностью соразмерять свои нужды, что его средства оказываются достаточными для удовлетворения их, без каких-либо хлопот и стараний с его стороны» [1, кн. 1, с. 80]. Следуя своей манере представления материала, М. Монтень писал о собственном жизненном опыте: «Мои расходы я соразмеряю с доходами; если порой первые превышают вторые, а порой бывает наоборот, то все же большого расхождения между ними я не допускаю. Я живу себе потихоньку и доволен тем, что моего дохода вполне хватает на мои повседневные нужды; что же до нужд непредвиденных, то тут человеку не хватает и богатств всего мира» [1, кн. 1, с. 78]. Анализируя негативные последствия чрезмерного стремления к богатству, он ссылаясь прежде всего на Эпикура, который говорил о том, что «...богатство не облегчает наших забот, но подменяет одни заботы другими. И действительно, не нужда, но скорей изобилие порождает в нас жадность» [1, кн. 1, с. 74]. К сказан-

ному М. Монтень добавлял: «Озабоченный, вечно нуждающийся и занятый по горло делами богач окажется мне еще более жалким, чем тот, кто попросту беден» [1, кн. 1, с. 76].

В своем труде философ обращал внимание на различные моменты, касающиеся материального состояния человека: от потери богатства и перехода к бедности никто не застрахован; богатство в большей мере порождает у человека стремление к обогащению, чем его бедность; потеря богатства переносится тяжелее, чем незнакомство с ним; противоестественным является сокрытие и богатства, и бедности; в своей нужде и сопровождающих ее страданиях человек виноват сам и т. д. По его мнению, «судьбе ничего не стоит пробить сотню брешей в нашем богатстве, открыв тем самым путь нищете, и нередко случается, что она не допускает ничего среднего между величайшим благоденствием и полным крушением» [1, кн. 1, с. 75]. Как и любая другая страсть, жажда обогащения «становится более жгучей, когда человек уже испробовал, что такое богатство, чем тогда, когда он вовсе не знал его» [1, кн. 2, с. 775]. «Нужда столь же часто по разным причинам бывает гостевой как тех, кто обладает значительным состоянием, так и тех, кто не имеет его; и подчас она менее тягостна, когда встречается сама по себе, чем когда мы видим ее бок о бок с богатством» [1, кн. 1, с. 76]. Некоторые люди, имеющие богатство, «прибедняются», а будучи бедными, изображают себя богатыми и не признаются, чем располагают на самом деле, и в этом философ видит смешную и постыдную осторожность [1, кн. 1, с. 77]. Если человеку «жить в нужде плохо», то у него «нет никакой нужды жить в нужде». Тот, кто «долго мучается, виноват в этом сам» [1, кн. 1, с. 80].

Говоря о богатом человеке, мыслитель писал: «Всякий денежный человек, на мой взгляд, – скопидом» [1, кн. 1, с. 78]. Своим происхождением такая черта связана с тем фактом, что уберечь свои деньги труднее, чем добыть их: «Как только вы приучили себя к мысли, что обладаете той или иной суммой, и твердо это запомнили, вы уже больше не властны над ней и вам страшно хоть сколько-нибудь из нее израсходовать» [1, кн. 1, с. 77]. К тому же человек невольно старается увеличить и приумножить накопленное богатство, «не беря из него чего-либо, а прибавляя» вплоть до того, что отказывается «от пользования в свое удовольствие своим же добром», которое он хранит «под спудом, без всякого употребления» [1, кн. 1, с. 77–78].

Особое внимание в своих размышлениях М. Монтень акцентировал на фрагментарности, несвязанности между собой отдельных поступков человека в единое целое и сложности их однозначного толкования. Он считал «крайне затруднительным не только увязывать наши действия одно за другим, но и правильно обозначать каждое из них по одному главному признаку, настолько двусмысленны они

и пестры» [1, кн. 3, с. 384]. В связи с этим при характеристике человеческой личности мыслитель подчеркивал многоликость, непостоянство и изменчивость ее черт: «Изумительно суетное, поистине непостоянное и вечно колеблющееся существо – человек. Нелегко составить себе о нем устойчивое и единообразное представление» [1, кн. 1, с. 9]. По этой причине «величайшая трудность для тех, кто занимается изучением человеческих поступков, состоит в том, чтобы примирить их между собой и дать им единое объяснение», так как обычно действия человека «резко противоречат друг другу, что кажется невероятным, чтобы они исходили из одного и того же источника» [1, кн. 2, с. 393]. Кроме того, М. Монтень утверждал, что лучшие авторы напрасно упорствуют, «...стараясь представить нас постоянными и устойчивыми. Они создают некий обобщенный образ и, исходя затем из него, подгоняют под него и истолковывают все поступки данного лица, а когда его поступки не укладываются в эти рамки, они отмечают все отступления от них» [1, кн. 2, с. 394].

Подобную многоликость человека философ конкретизировал следующим образом: «Нет таких качеств, которые целиком и полностью господствовали бы в нас» [1, кн. 1, с. 287]; «В зависимости от того, как я смотрю на себя, я нахожу в себе и стыдливость, и наглость; и целомудрие, и распутство; и болтливость, и молчаливость; и трудолюбие, и изнеженность; и изобретательность, и тупость; и угрюмость, и добродушие; и лживость, и правдивость; и ученость, и невежество; и щедрость, и скупость, и расточительность» [1, кн. 2, с. 397–398]. Далее он говорил о том, что человеку свойственны «непостоянство, колебания, неуверенность, страдание, суеверие, забота о будущем» и о том, что ждет его после смерти, а также «честолюбие, жадность, ревность, зависть, необузданные, неукротимые и неистовые желания, война, ложь, вероломство, злословие и любопытство» [1, кн. 2, с. 572]. Завершая эту мысль, он указывал на основные причины такой неоднозначности человеческой личности: «Мы, несомненно, слишком дорого заплатили за этот пресловутый разум, которым мы так гордимся, за наше знание и способность суждения, если мы купили их ценою бесчисленных страстей, во власти которых мы постоянно находимся» [1, кн. 2, с. 572]; «Слабость нашего естества нередко толкает нас к необходимости пользоваться дурными средствами для достижения благой цели» [1, кн. 2, с. 825].

М. Монтень особо рассматривал стремления и черты человека. По его мнению, самым обычным и распространенным стремлением настоящего мира является «...забота о нашем добром имени и о славе. В погоне за этой призрачной тенью, этим пустым звуком, неосознанным и бесплотным, мы жертвуем и богатством, и покоем, и жизнью, и здоровьем» [1, кн. 1, с. 310]. Вместе с тем «из всех неразумных человеческих склонностей это, кажется, именно

та, от которой даже философы отказываются позже всего и с наибольшей неохотой» [1, кн. 1, с. 310]. В подтверждение последнего тезиса он приводил примеры, раскрывающие неоднозначное отношение к славе, сложившееся в философской традиции. Аристотель отдавал первое место (среди остальных внешних благ) славе и утверждал, что следует избегать «неумеренности и в стремлении к славе, и в уклонении от нее» [1, кн. 2, с. 744]. В свою очередь, «Хрисипп и Диоген были первыми авторами – и притом наиболее последовательными и непреклонными, – выразившими презрение к славе» [1, кн. 2, с. 743].

Свое не вполне однозначное отношение к славе М. Монтень раскрывал в нескольких высказываниях, которые отражают ее привлекательность для человека и касаются связанных с ней жизненных благ: «Есть какое-то особенное удовольствие в том, чтобы слушать расточаемые тебе похвалы; но мы придаем ему слишком большое значение» [1, кн. 2, с. 751]. Люди заботятся больше о том, чтобы о них говорили, чем о том, что именно о них говорят [1, кн. 2, с. 753]. Слава «нередко... приносит с собой кое-какие жизненные удобства, благодаря которым может стать желанной для нас: она снискивает нам всеобщее благоволение и ограждает хоть в некоторой мере от несправедливости и нападков со стороны других людей» [1, кн. 2, с. 743–744]. Судьба дарит человеку «славу по своему произволу». Как утверждал философ, «я не раз видел, что слава опережает заслуги и... что она безмерно превышает их» [1, кн. 2, с. 746–747].

Развивая затронутую тему, М. Монтень обращал внимание на то, что «существует и другой вид стремления к славе, состоящий в том, что мы создаем себе преувеличенное мнение о наших достоинствах». Его основой является «безотчетная любовь, которую мы питаем к себе и которая изображает нас в наших глазах иными, чем мы есть в действительности» [1, кн. 2, с. 759]. Свое отношение к такой людской самооценке он раскрывал следующим образом: «Я во все не требую, чтобы из страха перед самовозвеличением люди принижали себя и видели в себе нечто меньшее, чем они есть; приговор во всех случаях должен быть равно справедливым. Подобаает, чтобы каждый находил в себе только то, что соответствует истине» [1, кн. 2, с. 759–760].

Стремлению к славе присущи такие черты, как высокомерие, самомнение и честолюбие. Зарождение первой французский мыслитель характеризовал так: «Высокомерие складывается из чересчур высокого мнения о себе и чересчур низкого о других» [1, кн. 2, с. 762]. В высокомерии присутствует «корень самых разительных заблуждений, как общественных, так и личных» [1, кн. 2, с. 762–763]. Самомерие есть «наша прирожденная и естественная болезнь». Человек – это «самое злополучное и хрупкое создание и тем не менее самое высокомерное» [1, кн. 2, с. 530]. Честолюбие – «ближайший

сосед самомнению» [1, кн. 2, с. 778]. М. Монтень давал дельный совет о том, как избавиться от последнего: «Раз мы не можем отказаться от честолюбия по велению совести, давайте откажемся от него хотя бы из честолюбия. Давайте презрим эту жажду почета и славы, низменную, заставляющую нас выпрашивать их у людей всякого сорта... прибегая к способам мерзким и отвратительным и платя за них любой ценой... Давайте научимся жаждать не большей славы, чем та, что для нас достижима» [1, кн. 3, с. 319].

Особо неприемлемой для философа становится гордыня – «источник гибели и развращения человека; она побуждает человека уклоняться от проторенных путей, увлекаться новшествами; она порождает стремление возглавлять людей заблудших, ставших на стезю гибели; она заставляет человека предпочитать быть учителем лжи и обмана, чем учеником в школе истины» [1, кн. 2, с. 587].

Гнуснейшим пороком М. Монтень называл лживость. Ссылаясь на Плутарха, он говорил о том, что «...она свидетельствует как о презрении к Богу, так и о страхе перед людьми. Нельзя выразительнее обрисовать мерзость, низость и противоестественность этого порока, ибо можно ли представить себе что-либо более гадкое, чем быть трусом перед людьми и дерзким перед Богом?» (цит. по [1, кн. 2, с. 805]). Неслучайно философ обозначил, что упрек во лживости есть «тягчайшее оскорбление словом, какое только можно нанести» [1, кн. 2, с. 805]. О последствиях первого лживого поступка он писал: «Как только язык свернул на путь лжи, прямо удивительно, до чего трудно возвратить его к правде!» [1, кн. 1, с. 41].

Одну из глав своего произведения М. Монтень назвал «Трусость – мать жестокости» [1, кн. 2, с. 834]. Он утверждал, что наиболее распространенным способом наказания за трусость является «всеобщее презрение и поношение» [1, кн. 1, с. 84].

Философ упоминал вероломство и подчеркивал, что оно «может быть иногда извинительным; но извинительно оно только тогда, когда его применяют, чтобы наказать и предать вероломство» [1, кн. 3, с. 15].

Предметом особого внимания М. Монтеня стали эмоциональные переживания и страсти людей. Он рассматривал их многообразие, динамичность и описывал их чрезвычайную роль в жизни и поведении человека: «Какие различные чувства и мысли вызывает в нас многообразие наших страстей! Каких только не порождает оно противоречивых представлений! Какую уверенность можем мы почерпнуть в столь непостоянном и переменчивом явлении, как страсть, которая по самой своей природе подвластна волнению и никогда не развивается свободно и не принужденно?» [1, кн. 2, с. 678]. Мыслитель в очередной раз давал простые советы о том, как вести себя в состоянии сильного эмоционального переживания: «Нельзя слепо отдаваться своим страстям»

[1, кн. 3, с. 306]; «Я предпочитаю обнаруживать свои страсти, чем скрывать их в ущерб... себе: проявившись, они рассеиваются и улечиваются, и лучше, чтобы жало их вышло наружу, чем отравляло нас изнутри» [1, кн. 2, с. 865]; «До тех пор, пока пульс наш бьется учащенно и мы охвачены волнением, отложим решение вопроса; когда мы успокоимся и остынем, вещи предстанут нам в ином свете, а сейчас нами владеет страсть, это она подсказывает нам решение, а не наш ум» [1, кн. 2, с. 860].

Среди объектов его исследования есть отдельные наиболее распространенные и значительные по своим последствиям эмоциональные состояния: гнев, страх, горе. Философ рассказывал о характере их влияния на людей. О гневе М. Монтень писал: «Ни одна страсть не помрачает в такой мере ясность суждения, как гнев» [1, кн. 2, с. 860]. Когда человек охвачен гневом, он видит и слышит «не совсем то, что есть в действительности» [1, кн. 2, с. 714]. Гнев является страстью, «...которая любит себя и упивается собой. Нередко, будучи выведены из себя по какому-нибудь ложному поводу, мы, несмотря на представленные нам убедительные оправдания и разъяснения, продолжаем упираться вопреки отсутствию вины» [1, кн. 2, с. 863]. Он отмечал сильную сторону этого состояния: «Мало того, что гнев вносит в душу смятение; он, сверх того, сковывает руки карающего. Это пламя их расслабляет, и они делаются бессильными» [1, кн. 3, с. 298]. В то же время, как бы оговариваясь, мыслитель добавлял: «Аристотель утверждает, что иногда гнев служит оружием для добродетели и доблести. Это правдоподобно; но все же те, кто с этим не согласны, остроумно указывают, что это – необычное оружие: ведь обычно оружием владеет мы, а этот род оружия сам владеет нами; не наша рука направляет его, а оно направляет нашу руку, не мы держим его, а оно нас» [1, кн. 2, с. 867].

На вопрос о том, как противостоять гневу, М. Монтень отвечал примером из личного опыта: «У меня хватает силы... отбросить довод к гневу, каким бы значительным он ни был; но если мне не удалось предупредить вспышку и я поддался ей, она увлекает меня... Ввиду этого я сговариваюсь с теми, кто может вступить со мной в пререкания, о следующем: “Если вы заметите, – говорю я им, – что я вскипел первым, предоставьте мне нестись, закусив удила, а когда настанет ваша очередь, я поступлю так же”. Буря разражается только из столкновения вспышек с двух сторон. Но это может произойти лишь добровольно с обеих сторон, ибо сами по себе вспышки эти возникают не в один и тот же момент. Поэтому, если одна сторона охвачена гневом, дадим ей разрядиться, и тогда мир всегда будет обеспечен. Полезный совет, но как трудно его выполнить!» [1, кн. 2, с. 867].

Вторую рассматриваемую эмоцию, страх, М. Монтень определял следующим образом: «Это – страсть воистину поразительная, и врачи говорят, что нет другой, которая выбивала бы наш рассудок из положенной

ему колеи в большей мере, чем эта» [1, кн. 1, с. 89–90]. Люди ощущают страх «с большею остротой, нежели остальные напасти» [1, кн. 1, с. 91]. Крайняя степень страха, по его мнению, «выражается в том, что, подаваясь ему, мы даже проникаемся той самой храбростью, которой он нас лишил в минуту, когда требовалось исполнить свой долг и защитить свою честь» [1, кн. 1, с. 91]. Философ также упоминал об особом виде страха, которых греки называли паническим. Этот страх «ни в какой степени не зависит от несовершенства наших мыслительных способностей», он «возникает без всяких видимых оснований и является внушением неба» [1, кн. 1, с. 92].

Горе, как его описывал мыслитель, «подавляет полностью нашу душу, стесняя свободу ее проявлений; нечто подобное случается с нами под свежим впечатлением какого-нибудь тягостного известия, когда мы ощущаем себя скованными, оцепеневшими, как бы парализованными в своих движениях, а некоторое время спустя, разразившись, наконец, слезами и жалобами, мы ощущаем, как наша душа сбросила с себя путы, распрямилась и чувствует себя легче и свободнее» [1, кн. 1, с. 13].

В контексте формирования нравов и поведения людей М. Монтень высказывал свое неоднозначное мнение по поводу существенной роли привычки: «Привычка – вторая природа и равна ей в могуществе» [1, кн. 3, с. 300]; «Нет наставницы более немилосердной и коварной, чем наша привычка». Она может забирать «власть над нами, но, начиная скромно и добродушно... с течением времени укореняется и укрепляется в нас, пока, наконец, не сбрасывает покровы со своего властного и деспотического лица, и тогда мы не смеем уже поднять на нее взгляда» [1, кн. 1, с. 130–131].

С одной стороны, привычка является даром природы, притупляющим чувствительность и помогающим «претерпевать всевозможные бедствия» [1, кн. 1, с. 246–247]. С другой стороны, она «порождает примирение со злом и даже подражание ему» [1, кн. 3, с. 342]. Привычка могущественна в том, что «она связывает нас в такой мере и настолько подчиняет себе, что лишь с огромным трудом удается нам избавиться от ее власти и вернуть себе независимость, необходимую для того, чтобы рассмотреть и обсудить ее предписания» [1, кн. 1, с. 140].

При рассмотрении основополагающих вопросов жизни и деятельности человека закономерным является выделение М. Монтенем главных вопросов морали. В центре его размышлений на нравственные сюжеты находятся понятия блага, добродетели, совести и свободы. Философы, как он утверждал, «ни о чем не спорят так страстно и так ожесточенно, как по поводу того, в чем состоит высшее благо человека» [1, кн. 2, с. 691]. Одни говорят, «что наше высшее благо состоит в добродетели», другие же говорят, «что в наслаждении», третьи видят его «в следовании природе». Кто-то «находит его в науке», а кто-то – «в отсутствии страданий» [1, кн. 2, с. 691].

Одной из главных жизненных благ М. Монтень считал добродетель: «Первое и основное правило добродетели: ее нужно любить ради нее самой» [1, кн. 2, с. 781]. Он по-разному раскрывал содержание этого понятия. Во-первых, «...ценность и возвышенность истинной добродетели определяются легкостью, пользой и удовольствием ее соблюдения; бремя ее настолько ничтожно, что нести его могут как взрослые, так и дети, как те, кто прост, так и те, кто хитер. Упорядоченности, не силы – вот чего она от нас требует. И Сократ, первейший ее любимец, сознательно забыл о своей силе, чтобы радостно и бесхитростно отдаться усовершенствованию в ней». Добродетель является кормилицей «человеческих наслаждений». Она вводит «их в законные рамки», а затем «придает им чистоту и устойчивость; умеряя их, она сохраняет их свежесть и привлекательность» [1, кн. 1, с. 200–201]. Во-вторых, «добродетель – вещь приятная и веселая» [1, кн. 3, с. 79]. Кроме того, философ проводил различие между родственными понятиями «добро» и «добродетель». О первом он говорил, что «нет... ни одного проявления доброты, которое не доставляло бы радости благородному сердцу». Когда человек делает добро, он испытывает «некое радостное удовлетворение и законную гордость, сопутствующие чистой совести» [1, кн. 3, с. 27–28]. В свою очередь, «добродетель есть нечто иное и более благородное, чем... склонность к добру». По своей природе обычные люди являются добропорядочными, они «...идут тем же путем и поступают так же, как люди добродетельные. Но добродетель есть нечто большее и более действенное... Тот, кто по природной кротости и обходительности простил бы нанесенные ему обиды, поступил бы прекрасно и заслуживал бы похвалы; но тот, кто, задетый за живое и разъяренный, сумел бы вооружиться разумом и после долгой борьбы одолеть неистовую жажду мести и выйти победителем, совершил бы несомненно нечто большее... первый поступок можно назвать добрым, второй – добродетельным», потому что «понятие добродетели предполагает трудность и борьбу» [1, кн. 3, с. 495].

Существуют разные пути к достижению добродетели. По мнению М. Монтеня, «нет сомнений в том, что лучше... подавлять искушения в зародыше и так подготовить себя к добродетели, чтобы самые семена искушения были уже вырваны с корнем, чем, поддавшись первым проявлениям дурных страстей, лишь после этого насильно мешать их росту и бороться, стараясь приостановить их развитие и преодолеть их». Он не сомневался в том, «что идти по этому второму пути лучше, чем обладать просто цельным и благодушным характером и питать от природы отвращение к пороку и распущенности», потому что люди, которые относятся к третьей разновидности, «невинные, но и не добродетельные, не делают зла, но их не хватает на то, чтобы делать добро» [1, кн. 2, с. 500–501].

При оценивании степени добродетельности человека необходимо придерживаться определен-

ного критерия: «Нередко случается, что порочные души под влиянием какого-нибудь побуждения извне творят добро, тогда как души глубоко добродетельные – по той же причине – зло. Таким образом, судить о них следует лишь тогда, когда они в устойчивом состоянии, когда они в ладу сами с собой» [1, кн. 3, с. 32].

Добродетельность человека проявляется прежде всего в отношении к другим людям. Сфера этих отношений весьма противоречива. Другой особи, столь неуживчивой и общительной, как человек, не существует по двум причинам: «по причине его пороков» и «в силу его природы» [1, кн. 1, с. 290]. «Покопайся каждый из нас хорошенько в себе, и он обнаружит, что самые сокровенные его желания и надежды возникают и питаются по большей части за счет кого-нибудь другого» [1, кн. 1, с. 130]. Ведь «нет такой выгоды, которая не была бы связана с ущербом для других» [1, кн. 1, с. 129].

В этой ситуации человеческие отношения должны регулироваться на основе принципа справедливости, который «заключается в том, чтобы воздавать каждому по заслугам» [1, кн. 2, с. 553]. Личное отношение к другим людям философ выражал в сентенциях. Он охотно был готов «помочь в нужде каждому» и «всегда в большей мере избегал брать, чем старался давать» [1, кн. 3, с. 245–246]. О долге он писал следующее: «Погибая какой-нибудь долг, я испытываю всякий раз настоящее наслаждение: с моих плеч сваливается тяжелый груз, и я избавляюсь от сознания своей зависимости. К тому же, мне доставляет некоторое удовольствие мысль, что я делаю нечто справедливое и удовлетворяю другого» [1, кн. 1, с. 75]. Хороший способ «завоевать сердца и расположение других – это предстать перед ними, отдавшись в их руки и доверившись им, но, разумеется, только при том условии, что это делается по собственной воле, а не по необходимости, что вы доверяете им искренно и до конца и уж, конечно, не дадите заметить на своем лице и тени тревоги» [1, кн. 1, с. 159–160]. В то же время философ писал: «Ничто не мешает поддерживать хорошие отношения с теми, кто враждует между собой, и вести себя при этом вполне порядочно» [1, кн. 3, с. 10]. Он советовал проявлять к тому и другому дружеское отношение, «пусть не совсем одинаковое, ибо оно допускает различную меру, и уж во всяком случае достаточно сдержанное и не влекущее вас в одну сторону так сильно, чтобы она могла располагать вами по своему усмотрению», а также довольствоваться скромной мерой «их благосклонности и, оказавшись в мутной воде», не пытаться «ловить в ней рыбку» [1, кн. 3, с. 10].

Добродетельный образ жизни французский философ не ограничивал кругом людей. По его словам, «существует долг гуманности и известное обязательство щадить не только животных, наделенных жизнью и способностью чувствовать, но даже деревья и растения» [1, кн. 2, с. 511–512].

На страже добродетельной жизни стоит совесть. Рассматривая феномен совести под разными точками зрения, он писал: «Совесть может преисполнять нас страхом, так же как может преисполнять уверенностью и душевным спокойствием» [1, кн. 2, с. 433]; «Люди обычно обретают честность в несчастье, словно счастье несовместимо с чистой совестью» [1, кн. 3, с. 214]; «Честный человек предпочтет скорее расстаться со своей честью, чем с чистой совестью» [1, кн. 2, с. 759]; «Никакая личная выгода не оправдывает насилия, совершаемого нами над нашей совестью» [1, кн. 3, с. 19]; «Нужно, чтобы совесть совершенствовалась сама собой благодаря укреплению нашего разума, а не вследствие угасания наших желаний» [1, кн. 3, с. 42].

В тесной взаимосвязи с нравственной тематикой находятся рассуждения на тему свободы, убежденным сторонником которой был сам М. Монтень. Начиная с общей установки о том, что «цель... всегда и у всех одна, а именно жить свободно и независимо» [1, кн. 1, с. 290]. Далее он высказывал личное отношение к свободе: «Душа моя жаждет свободы и принадлежит лишь себе и никому больше; она привыкла распоряжаться собой по собственному усмотрению» [1, кн. 2, с. 774]; «Я не выношу подчинения, обязательств и насилия над собой» [1, кн. 2, с. 784].

В произведении «Опыты» М. Монтень рассматривал суть свободы: «Поступки, которые не озабочены отблеском свободы, не доставляют ни чести, ни удовольствия» [1, кн. 3, с. 242]; «Подлинная свобода состоит в том, чтобы иметь над собою полную власть» [1, кн. 3, с. 345–346]; «Следует руководствоваться разумными правилами, но не подчиняться им слепо» [1, кн. 3, с. 394–395]. Кроме того, мыслитель упоминал, что свободно высказывает «свое мнение обо всем» [1, кн. 2, с. 482].

Заявляя свои права на свободу, философ признавал права (например, на наличие собственного мнения и особого образа жизни) за другими людьми и поддерживал связанное с ними многообразие взглядов и стилей поведения. Он считал болезненным заблуждением «мнить себя столь мудрым, что даже не допускать мысли о возможности кому-либо другому думать совсем иначе» [1, кн. 1, с. 379]. М. Монтень «с большей готовностью» принимал «несходство другого человека» с ним, «нежели сходство». Он не навязывал человеку своих «взглядов и обычаев» и рассматривал «его таким, как он есть, без каких-либо сопоставлений», но измерял этого человека «его собственной меркой» [1, кн. 1, с. 280]. Мыслитель уважал и любил других, потому что они иные. Больше всего он хотел, «чтобы о каждом... судили особо» и чтобы его «не стригли под общую гребенку» [1, кн. 1, с. 280].

В основе скептицизма М. Монтеня, который часто ассоциируется со здравым человеческим рассудком, лежит критическое отношение к сложившимся обычаям и представлениям, а также их объективное

изучение и оценка. Он писал: «Кто пожелает отделаться от всемогущих предрассудков обычая, тот обнаружит немало вещей, которые как будто и не вызывают сомнений, но... и не имеют иной опоры, как только морщины и седина давно укоренившихся представлений. Сорвав же с подобных вещей эту личину и сопоставив их с истиною и разумом, такой человек почувствует, что, хотя прежние суждения его и полетели кувырком, все же почва под ногами у него стала тверже» [1, кн. 1, с. 142–143]. Развивая свою мысль, философ добавлял: «Лучшее наше творение – жить согласно разуму». Этот разум влияет на душевное состояние человека и на его удовлетворенность жизнью. «Легко видеть, что именно обостряет наши страдания и наслаждения: это – сила действия нашего ума» [1, кн. 1, с. 67].

Говоря о претензиях и познавательных возможностях разума, М. Монтень утверждал: «Пылкости нашей нет конца... Удовлетворенность ума – признак его ограниченности или усталости. Ни один благородный ум не остановится по своей воле на достигнутом: он всегда станет притязать на большее, и выбиваться из сил, и рваться к недостижимому» [1, кн. 3, с. 373–374]. Проблемы, возникающие в процессе познания мира и человека, связаны прежде всего с тем, что «...истина сама по себе столь необъятна, что мы не должны пренебрегать никаким способом, могущим к ней привести. Существует столько разнообразных форм мышления, что мы затрудняемся, какую избрать. Столь же многочисленны виды опыта» [1, кн. 3, с. 369]. Раскрывая существо этих проблем, философ указывал на самые разнообразные аспекты. Он писал, что «вещи выглядят по-разному и могут восприниматься с различных точек зрения», из-за чего «проистекает различие в мнениях» [1, кн. 2, с. 695]. Все воззрения и нравы, каким бы «ни был их внешний облик, а он бесконечен в своих проявлениях, бесконечен в разнообразии, примерно в одинаковой мере находят обоснование со стороны нашего разума» [1, кн. 1, с. 135]. По мнению М. Монтеня, «...нет никакого неизменного бытия, и ни мы, ни окружающие нас предметы не обладают им. Мы сами, и наши суждения, и все смертные предметы непрерывно текут и движутся». По этой причине «нельзя установить ничего достоверного ни в одном предмете на основании другого, поскольку и оценивающий, и то, что оценивается, находятся в непрерывном изменении и движении» [1, кн. 2, с. 721]. Люди по-иному судят «в разное время о вещах» и часто меняют свое мнение [1, кн. 2, с. 671–672]. М. Монтень вкладывал всю свою веру в то, во что верил и чего придерживался: «...все мои средства и способности удерживают это воззрение и отвечают мне с его помощью на все, что могут». Он задавался вопросом: «Но не случилось ли со мной... что я принимал с помощью тех же средств и при тех же условиях какую-нибудь другую истину, которую потом признавал ложной?» [1, кн. 2, с. 671–672].

Есть много «разных наук, которые в... большей степени опираются на догадки, чем на знание, которые не судят о том, что истинно и что ложно, а следуют лишь тому, что представляется вероятным» [1, кн. 2, с. 597–598].

Философ утверждал, что «естественные законы существуют», однако люди их утратили «по милости этого замечательного человеческого разума, который во все вмешивается и повсюду хочет распорядиться и приказывать», но из-за суетности и непостоянства человека «лишь затемняет облик вещей» [1, кн. 2, с. 695].

Подытоживая сказанное о сложном, многоаспектном и порой противоречивом характере человеческого познания, М. Монтень сделал вывод, раскрывающий суть его исследовательского метода: «Если философствовать, как утверждают философы, – значит сомневаться, то с тем большим основанием заниматься пустяками и фантазировать, как поступаю я, тоже должно означать сомнение» [1, кн. 2, с. 412].

Обосновывая свою исследовательскую позицию, мыслитель ссылаясь на развитие философской исследовательской традиции: «Из трех основных философских школ две открыто исповедуют сомнение и неведение; что же касается приверженцев третьей школы – догматиков, то нетрудно убедиться, что большинство их прикрывалось уверенностью лишь из желания придать себе лучший вид. Они заняты были не столько тем, чтобы установить какую-то достоверность, сколько стремлением показать, как далеко они зашли в поисках истины: что ученые скорее предполагают, чем знают» [1, кн. 2, с. 598–599]. Данное положение он раскрывал через исследовательские подходы видных философов: «Аристотель – царь догматиков, и тем не менее мы узнаем от него, что чем больше знаешь, тем больше у тебя поводов к сомнению» [1, кн. 2, с. 599]; «Одни называли Платона догматиком, другие – сомневающимся скептиком, третьи считали, что он в некоторых вопросах догматик, в иных скептик» [1, кн. 2, с. 601]; «Главное лицо в его диалогах, Сократ, всегда направляет беседу, ставя вопросы и возбуждая споры; он никогда не обрывает обсуждения, никогда не бывает удовлетворен и говорит, что не владеет никакой иной наукой, кроме науки противоречия. Их любимый автор, Гомер, в равной мере заложил основания всех философских школ, желая показать, что совершенно безразлично, каким путем мы пойдем. Уверяют, что Платон был родоначальником десяти различных философских школ, и поэтому, на мой взгляд, ни одно учение не было в такой степени проникнуто колебаниями и сомнениями, как его» [1, кн. 2, с. 601–602]; «Платон умышленно любил философствовать в диалогической форме, ибо многообразие и противоречивость его взглядов не так бросались в глаза, когда их излагали разные собеседники» [1, кн. 2, с. 602].

Резюмируя сделанный историко-философский экскурс, М. Монтень приводил два тезиса. Во-первых,

манера изложения перечисленных мыслителей «...по существу пронизана сомнением, они умышленно скорее спрашивают, чем поучают, хотя и перемежают свое изложение догматическими утверждениями. Это можно так же хорошо проследить на Сенеке... как и на Плутархе. Те, кто занимается ими вплотную, отлично знают, что они судят о вещах то с одной точки зрения, то с совершенно противоположной, и комментаторам следовало бы прежде всего примирить каждого из них с ним самим» [1, кн. 2, с. 602]. Во-вторых, «...всякий, ищущий решения какого-нибудь вопроса, в конце концов приходит к одному из следующих заключений: он утверждает либо что нашел искомое решение, либо что оно не может быть найдено, либо что он все еще продолжает поиски. Вся философия делится на эти направления» [1, кн. 2, с. 592].

Свою жизненную и исследовательскую позицию М. Монтень сформулировал следующим образом: «Я тоже не утверждаю, что владею истиной или способен овладеть ею. Я не столько открываю вещи, сколько показываю их. Самый мудрый человек в мире на вопрос, что он знает, ответил, что знает только то, что

ничего не знает. Он подтвердил этим ту истину, которая гласит: “Большая часть того, что мы знаем, представляет собой лишь ничтожную долю того, чего мы не знаем”; иными словами: даже то, что мы знаем, есть лишь часть – и притом ничтожная часть – того, чего мы не знаем» [1, кн. 2, с. 591]. М. Монтень «выработал в себе известную устойчивость взглядов и старался не менять своих первых и безыскусственных мнений», потому что «какую бы видимость истины ни имело новое мнение», он с трудом менял собственные «старые взгляды из опасения», что потеряет их «на обмене» [1, кн. 2, с. 680].

Таким образом, задавшись целью изобразить в произведении «Опыты» собственный портрет, М. Монтень на примере французского общества XVI в. представил панораму людских нравов и сформулировал набор правил мудрого поведения, актуальных для любого исторического времени. В этом смысловом контексте он дал развернутые представления о счастливой жизни и способах ее достижения, о разумной стратегии и тактике жизни, а также о желательной позиции самого человека в отношении событий, происходящих на его жизненном пути.

Библиографическая ссылка

1. Монтень М. *Опыты*. Санкт-Петербург: Кристалл; 1998. 3 книги.

Reference

1. Montaigne M. *Opyty* [Essais]. Saint Petersburg: Kristall; 1998. 3 books. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.11.2023.
Received by editorial board 28.11.2023.

УДК 1(091)

ПРОБЛЕМА НАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ М. М. БАХТИНА (НА ПРИМЕРЕ ПОНЯТИЙ «КАРНАВАЛ», «СМЕХОВОЕ СЛОВО» И «МЕНИППЕЯ»)

А. Н. НИКОНОВ¹⁾

¹⁾Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет,
пр. Фрунзе, 27, 210023, г. Витебск, Беларусь

Рассмотрена проблема исследования философско-культурологического наследия М. М. Бахтина, в частности его научной терминологии. Выявлены основные сложности, с которыми сталкивается современное бахтиноведение при изучении и описании терминологического аппарата мыслителя. Проанализированы особенности научной терминологии М. М. Бахтина, на которые указывает большинство современных исследователей, и специфика ее использования в творчестве ученого. На примере анализа понятий «карнавал», «смеховое слово» и «мениппея» в работах бахтиноведов отражено разнообразие подходов в изучении и интерпретации научной терминологии философа.

Ключевые слова: М. М. Бахтин; бахтиноведение; научная терминология; бахтинские контексты; карнавал; смеховое слово; мениппея.

THE PROBLEM OF SCIENTIFIC TERMINOLOGY IN THE CREATIVE HERITAGE OF M. M. BAKHTIN (BY THE EXAMPLE OF THE CONCEPTS «CARNIVAL», «LAUGHTER WORD» AND «MENIPPEA»)

A. N. NIKONOV^a

^aVitebsk State Order of Peoples' Friendship Medical University,
27 Frunze Avenue, Viciebsk 210023, Belarus

This article is devoted to the problem of studying the philosophical and cultural heritage of M. M. Bakhtin, in particular his scientific terminology. The main difficulties faced by modern Bakhtin studies in the study and description of the terminological apparatus of the thinker are revealed. The features of M. M. Bakhtin's scientific terminology and the specifics of its use in the scientist's work, which are pointed out by most modern researchers, are analysed. Using the example of the analysis of the concepts of «carnival», «laughter word» and «menippea» in the works of Bakhtin scholars, a variety of approaches in the study and interpretation of the philosopher's scientific terminology is shown.

Keywords: M. M. Bakhtin; Bakhtin studies; scientific terminology; Bakhtin contexts; carnival; laughter word; menippea.

Образец цитирования:

Никонов АН. Проблема научной терминологии в творческом наследии М. М. Бахтина (на примере понятий «карнавал», «смеховое слово» и «мениппея»). *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;1:16–22.
EDN: EVIWJJ

For citation:

Nikonov AN. The problem of scientific terminology in the creative heritage of M. M. Bakhtin (by the example of the concepts «carnival», «laughter word» and «menippea»). *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;1:16–22. Russian.
EDN: EVIWJJ

Автор:

Александр Николаевич Никонов – старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук факультета повышения квалификации и переподготовки по педагогике и психологии.

Author:

Alexander N. Nikonov, senior lecturer at the department of social and human sciences, faculty of advanced training in pedagogics and psychology.
nikonov-vitebsk@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5983-0872>

М. М. Бахтин является одним из наиболее выдающихся философов, повлиявших на развитие мировой гуманитарной мысли XX–XXI вв. Пристальный интерес к его персоне ученые со всего мира начали проявлять примерно с 1960–70-х гг. За прошедшее с тех пор время была проделана огромная исследовательская работа, направленная на реконструкцию биографии мыслителя, поиск истоков его творчества и изучение философско-культурологического наследия. Ее результатом стало множество научных публикаций как в отечественной, так и в зарубежной литературе, однако их разнообразие привело к появлению большого количества различных подходов и взглядов на жизнь и творчество М. М. Бахтина, которые иногда являются противоположными. Это заставляет исследователей задаваться вопросом о том, в какой степени можно говорить об адекватности понимания бахтинских смыслов. По этой причине сегодня бахтиноведы по-прежнему имеют множество научно-исследовательских задач, решение которых позволит приблизиться к достижению главной цели – всестороннему пониманию творческого наследия М. М. Бахтина. Одной из таких задач является анализ научного языка мыслителя. В рамках ее реализации важной проблемой считается изучение специфики терминологического аппарата русского философа, в том числе интерпретация его отдельных понятий.

Словарь научных терминов XX в. пополнился лексемами, утверждение которых связывают с М. М. Бахтиным. Понятия «карнавал», «смеховая культура», «хронотоп» хотя и существовали до М. М. Бахтина, но благодаря его трудам обрели новый смысл. Кроме того, трансформация значений этих слов оказалась столь важной, что теперь в научной среде они воспринимаются как бахтинские термины.

Необходимо отметить, что исследователи стали проявлять интерес к терминологической составляющей научного наследия М. М. Бахтина еще на рубеже 1920–30-х гг., когда вышла его работа «Проблемы творчества Достоевского». Уже в этот период возникли научные споры относительно бахтинского понятия «полифонический роман» [1].

С 1960–70-х гг. изучение и интерпретация терминологии русского философа стали частью практически любого исследования, которое касалось его личности или творческого наследия. В первую очередь этим занимались те ученые, которые рассматривали непосредственно бахтинское научное наследие (С. С. Аверинцев, Л. А. Гоготышвили, В. Л. Махлин, О. Е. Осовский, Н. Д. Тamarченко и др.), а также авторы биографии ученого, исследовавшие его научный язык (С. С. Конкин, Л. С. Конкина и Н. А. Паньков). В результате в данном направлении было сделано много важных открытий, которые определили общие тенденции интерпретации бахтинского понятийного аппарата [1].

Первые попытки системного анализа терминологии М. М. Бахтина начали предприниматься в 1990-х – начале 2000-х гг. В 1997 г. под редакцией Н. Д. Тamarченко был издан сборник «Бахтинский тезаурус», посвященный описанию научного языка философа и изучению проблем его терминологического аппарата. В 2003 г. опубликован второй выпуск названного сборника в качестве специального номера журнала «Дискурс: коммуникативные стратегии культуры и образования». Авторы сборника (В. Л. Махлин, С. Н. Бройтман и Н. Д. Тamarченко) предложили свое понимание некоторых ключевых терминов мыслителя [2, с. 30–31]. Однако их позиция вызвала оживленное обсуждение о формах интерпретации отдельных терминов и понятий М. М. Бахтина, в частности дискуссию между С. Н. Бройтманом, С. Н. Зенкиным и Н. Д. Тamarченко [3–5].

Интересным опытом обобщения понятий, введенных и использованных М. М. Бахтиным, стал труд «Литературная энциклопедия терминов и понятий». Необходимо отметить два важных момента, реализованных в данном труде: изложение ключевых бахтинских категорий и понятий (в том числе ранее не описанных в качестве литературоведческих терминов) и переосмысление авторами традиционной терминологии на фоне философско-культурологических идей М. М. Бахтина [2, с. 31].

Продолжением этих усилий стал соответствующий раздел сборников «М. М. Бахтин в Саранске», включивший статьи О. Е. Осовского, В. П. Киржаевой, О. Ю. Осьмухиной, Н. Л. Васильева и др. Авторы сочли необходимым заметно усилить энциклопедическую сторону сборников. Для этого они включили в соответствующий раздел (наряду с понятиями философа) словарные статьи о лицах из бахтинского окружения, отдельных публикациях мыслителя и др. [6].

В 2010-х гг. продолжили изучаться и осмысляться теоретические проблемы терминологии М. М. Бахтина. Это нашло свое отражение в статьях таких бахтиноведов, как И. Л. Попова, В. П. Киржаева, С. А. Дубровская, С. Н. Зенкин и др. В 2018–2020 гг. в Саранске был реализован проект «Бахтинская энциклопедия», в основу которого положен принцип энциклопедической многомерности [6]. Участники проекта стремились к тому, чтобы данный труд отличался от традиционных энциклопедий или справочников. Их основной задачей было реконструирование бахтинского пространства. Подготовленные в рамках этого проекта статьи освещают различные аспекты биографии и философско-культурологического наследия мыслителя, в том числе вопросы бахтинской терминологии [2].

Таким образом, сегодня проблема терминологического аппарата М. М. Бахтина хотя и остается актуальной, но уже довольно серьезно проработана во многих трудах исследователей его биографии и творческого наследия. В своих статьях авторы описывают

и анализируют отдельные термины, воспринимающиеся сегодня как бахтинские. В настоящей работе рассматриваются понятия «карнавал», «смеховое слово» и «мениппея». Однако прежде чем перейти к их непосредственному обзору, необходимо обратить внимание на специфику научной терминологии М. М. Бахтина, на которую указывают отдельные исследователи его творчества.

С. Н. Бройтман подчеркивал особое восприятие мыслителем понятия как инструмента современной науки. Устойчивость и однозначность термина возможна только в системе, а там, где ее нет (например, в литературоведении), это становится препятствием для развития мысли. Именно поэтому, по мнению исследователя, терминологический аппарат М. М. Бахтина смещался в сторону тематизма понятий. В таком случае смысл любого высказывания включает в себя не только повторяющиеся и устойчивые языковые формы, но и внесловесные моменты и контекст [7, с. 7].

Большинство научных концепций начинают зарождаться у философа еще в ранние годы его творчества. Особенно продуктивными здесь являются годы нахождения в Невеле и Витебске, конец 1910-х – начало 1920-х гг., когда происходило становление философско-культурологических идей мыслителя. В этот период начинает формироваться его научная терминология, которая со временем подвергалась изменениям и дополнениям.

С. И. Кормилов в статье «Особенности литературоведческой терминологии М. М. Бахтина и строение литературно-художественного произведения» указывал на то, что в 1920-х гг., когда мыслитель только начинал углубленно изучать философско-культурологические и литературные проблемы, в теории литературы еще отсутствовал устойчивый терминологический аппарат. Ученые того времени активно использовали метафорический язык, и М. М. Бахтин в данном случае не исключение, а поэтому «смысл его высказываний практически всегда зависит от контекста» [8, с. 5].

В работе «Философия языка М. М. Бахтина и проблема ценностного релятивизма» говорится о том, что, прежде чем интерпретировать философский смысл используемых мыслителем понятий, необходимо восстановить их «собственно позитивное значение» [9, с. 143–144]. М. М. Бахтин «как бы ставил эксперимент над своими текстами, иллюстрируя и опробывая свою теоретическую мысль на практическом языковом пространстве тех самых текстов, в которых эта мысль и высказывается» [9, с. 143–144]. Именно поэтому труды философа нельзя ограничить рамками отдельной дисциплины и они абсолютно открыты к глубокой и содержательной интерпретации.

По мнению В. П. Киржаевой и О. Е. Осовского, при изучении бахтинских терминов необходимо обратить внимание на то, что их формирование проходит не-

сколько этапов, которые соответствуют научным интересам М. М. Бахтина на определенной стадии его творческого развития. Кроме того, говорить о сложившейся терминологической системе философа довольно сложно, поскольку бахтинская мысль, воплощенная в конкретных текстах, характеризуется многоаспектностью, противоречивостью и незавершенностью. Он никогда не страдал догматической зависимостью от собственного понятийного аппарата и всегда подчеркивал достаточную условность и гибкость любого используемого понятия. Исследователи считают, что в трудах М. М. Бахтина можно выделить три основных уровня терминологии. Первый уровень – это основные и концептуальные для мыслителя понятия, некоторые из них он иногда заимствовал из других научных сфер (слова «диалог», «полифония», «хронотоп» и «народная культура»). Второй уровень представляют собой термины-кальки и понятия, которые образуются по их подобию (выражения «я-для-себя», «я-для-другого», «не-алиби в бытии» и др.). К третьему уровню относятся понятия, обретающие терминологический характер в определенных контекстах (слова «порог», «катастрофа», «скандал» и др.) [10, с. 224].

Одно из важнейших мест в составе ключевых терминов М. М. Бахтина занимает понятие «карнавал». Для философа оно обозначает нечто подлинное, истинное и лучшее, вторую жизнь народа, организованную «на начале смеха» [11, с. 13]. Изучению данного понятия уделено много внимания в трудах отечественных и зарубежных исследователей (И. Л. Поповой, В. Л. Махлина, С. В. Сандлера и др.).

Е. С. Пугаева в статье «Понятие “карнавал” и его производные в проблемном поле текстов М. М. Бахтина» говорила о том, что формирование «карнавальной» терминологии у мыслителя начинается с конца 1920-х гг. и включает шесть понятий, а расцвет данного понятия в его творчестве приходится на 1940 г. Всего в трудах философа обнаружено более 2,5 тыс. словоупотреблений термина «карнавал» и его производных [12].

Согласно И. Л. Поповой данное понятие у М. М. Бахтина реализуется в узком и широком значениях и проходит через всю историю создания им книги о Ф. Рабле (с конца 1930-х гг. до 1965 г., когда была опубликована книга). В узком значении под карнавалом мыслитель понимал праздник перед Великим постом, а в широком значении – своеобразную систему идеи – образы, «в основе которой лежит особое чувство жизни и истории» (человеческого общения, слова, быта и др.). В 1960-х гг. М. М. Бахтин усилил значение смеховой составляющей в качестве определяющего признака карнавального мироощущения [13, с. 47].

По мнению С. В. Сандлера, идея карнавала возникла у М. М. Бахтина в 1930-х гг. и стала результатом поиска мыслителем пространственно-временной формы для создания образа свободного

человека. Этот образ полностью совпадает с образом всего мира, который дан «...в конкретных формах видения с точки зрения “я-для-себя”. Именно карнавальная стихия, по М. М. Бахтину, и становится тем местом, где происходит формирование такого образа, действующего и ощущающего, которым “Я” воздействую на мир, и через которое мир воздействует на “Меня”» [14, с. 21].

Ту же идею развивал в своих работах С. А. Шульц. Он утверждал, что для М. М. Бахтина карнавал – это особое состояние жизни, когда снимаются официальные установки. Тело является таким же моментом личности, как душа и дух, и этот момент невозможно охватить только вне себя. Оно дополнительно нуждается в «оформлении» со стороны *Другого*. Таким образом, телесность каждого человека существует в двух аспектах: изнутри (я-для-себя) и извне (я-для-другого) [15].

М. Романовская в работе «Личность, диалог и карнавал в миропонимании Бахтина» указала на то, что в своем исследовании о Ф. Достоевском мыслитель вносил серьезные корректировки в понимание термина «карнавал» и стремился показать, как это понятие органично соединяется со словом «диалог». М. М. Бахтин говорил о том, что важнейшей особенностью карнавала является «создание уникальной пограничной ситуации для испытания идеи», которая воплощена в человеке, в его личности [16]. По данной причине можно утверждать, что карнавальная форма – это образ изнутри человека, совершающего поступок [14].

В. Л. Махлин писал о том, что карнавал у М. М. Бахтина является комплексным феноменом, через который раскрывается связь карнавализации и литературы. Кроме того, карнавал – это и тип восприятия (так называемое карнавальное мироощущение), и система поведения от всенародных карнавальных действий до отдельных жестов, и «язык символических форм», который невозможно полностью перевести на словесный язык, но зато можно воплотить через «язык художественных образов»¹. Это и делает возможным перевоплощение карнавала в литературу и возникновение карнавализованной литературы.

Сегодня еще одним активно разрабатываемым бахтинским термином является понятие «смеховое слово». В 2000-х гг. оно актуализировалось в научной среде, в том числе вошло в литературоведческий оборот, во многом благодаря работам профессора О. Е. Осовского. В дальнейшем это привело к созданию ряда исследований, которые основываются на идеях М. М. Бахтина.

В. П. Киржаева и О. Е. Осовский указывали на то, что у М. М. Бахтина смеховое слово является самой важной составляющей теории смеховой культуры, которую он начал разрабатывать со второй полови-

ны 1930-х гг., а также базовым элементом его философии смеха и эстетики комического [10].

По мнению О. Е. Осовского, смеховое слово возникает в контексте смеховой культуры под непосредственным влиянием карнавального смеха [17]. Оно выступает в качестве гибридной конструкции и реализуется в обрядово-зрелищных формах, словесно-смеховых произведениях, формах и жанрах фамильярно-площадной речи [10].

В. П. Киржаева сосредотачивалась на двух важных для М. М. Бахтина терминах – понятиях «гибридная конструкция» и «смеховое слово». Итогом ее работы стала демонстрация уровней терминологического взаимодействия и эволюции понятий [18]. В результате анализа большого количества бахтинских текстов В. П. Киржаева пришла к выводу о том, что смеховое слово у философа «представляет один из терминов, которые иллюстрируют процесс гибридизации в его терминологической системе» при этом смеховое слово имеет ряд значений и проецирует свою гибридность «на теоретико-философский и языковой аспекты смеховой культуры» [19].

Проблеме творческого движения М. М. Бахтина к концепции смехового слова посвящена работа С. А. Дубровской «М. М. Бахтин в 1920-х гг.: на подступах к теории смехового слова». В ней автор говорила о том, что сюжет о смехе возникает у философа еще в годы его пребывания в дореволюционном Петрограде, а также в конце 1910-х – начале 1920-х гг. в Невеле и Витебске. М. М. Бахтин в труде «К философии поступка» уделял серьезное внимание связи этического и комического. В 1920-х гг. мыслитель в ряде своих книг и лекций затрагивал вопросы смеха, а также использовал понятия, близкие по своей сути его будущей смеховой терминологии (термины «иронизация», «юморизация», «сатиризация» и др.). Таким образом, к началу 1930-х гг. у М. М. Бахтина проявилась идея смехового слова [20–21], которая окончательно сформировалась в его рукописи о Ф. Рабле, а как целостная концепция воплотилась в работах, посвященных поэтике Н. В. Гоголя.

Сегодня множество трудов посвящены проблеме проявления смехового слова в литературе. Среди них можно выделить работы М. Ю. Асаниной «“Смеховое слово” в художественной прозе У. Фолкнера второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. (на материале произведений «Йокнапатофского цикла)», С. А. Дубровской «Смеховое слово в карнавализованном пространстве эпистолярного Н. В. Гоголя», И. А. Обуховой «“Смеховое слово” в отечественной “малой прозе” 20-х годов XX века (И. Э. Бабель, М. М. Зощенко, М. А. Булгаков, П. С. Романов)» и др.

Таким образом, концепция смехового слова Бахтина сыграла значительную роль в произведениях

¹Махлин В. Л. Карнавализация // Лит. энцикл. терминов и понятий / под ред. А. Н. Николокина. М. : НП «Интелвак», 2001. С. 339–340.

юмористического дискурса и вызвала большой интерес исследователей к данной проблематике.

Еще одним термином М. М. Бахтина является слово «мениппея», которое он использует для обобщения античного жанра «мениппова сатира», при этом данное понятие вызывает среди исследователей много вопросов и критики². М. М. Бахтин разрабатывал упомянутый термин в 1930-х – начале 1940-х гг. в трудах о романе, но впервые это слово появилось в 1963 г. в книге «Проблемы поэтики Достоевского».

Согласно М. М. Бахтину мениппея сквозной линией охватывает литературные явления разных эпох. В этом жанре удивительным образом сочетаются элементы, которые представляются абсолютно разнородными и несовместимыми: философский диалог, авантюра и фантастика, трущобный натурализм, утопия. Связующим звеном для них являются карнавал и карнавальное мироощущение. По мнению М. М. Бахтина, жанр мениппеи, являясь очень пластичным, обладает невероятной способностью: он вбирает в себя более малые жанры и проникает в другие большие жанры [22, с. 151]. В начале XIX в. мениппея фактически перестает выступать в качестве независимого жанра, когда она слилась с понятием романистики. Выделяемые в работах мыслителя типы романов, как указывала С. З. Таирова, исходят «от тех же энергетических центров теории мениппеи» и «группируются в полные аналоги черт мениппеи» [23, с. 6–7].

Концепция смехового слова получила довольно широкое развитие и поддержку в англо-американской научной среде. Ей уделяли внимание Н. Фрай, К. Кларк, М. Холквист, Ф. Стевик и др. В частности, Ф. Стевик назвал жанровую классификацию, которая

учитывает мениппею, самым значимым и влиятельным событием теории литературной критики XX в.

Однако, несмотря на всю логическую стройность модели М. М. Бахтина, далеко не все исследователи разделяют его мнение о научной ценности понятия «мениппея». Теорию мыслителя критиковали литературоведы и культурологи. М. Л. Гаспаров выдвинул ряд контраргументов против идей философа. Он утверждал, что М. М. Бахтин строил свою теорию на памятниках, от которых практически ничего не сохранилось, а также пытался искусственно возвысить предлагаемый им жанр, тщательно отыскивая его черты фактически у каждого автора.

Кроме этого, критики ставят под сомнение бахтинский метод изучения истории жанра, предполагающий его поступательное движение от античного прототипа до зрелых форм в период Нового времени, на что указывала И. Л. Попова [24].

Сторонники идей М. М. Бахтина продолжают отстаивать право термина «мениппея» занимать место в поэтике для последующего «адекватного научно-продуктивного применения ее в историко-литературных и теоретических исследованиях»³.

В заключение необходимо отметить, что объективное изучение научной терминологии М. М. Бахтина сегодня остается одной из важнейших задач для исследований в области современного бахтиноведения. Тезаурус мыслителя до сих пор не имеет комплексного описания, поскольку особенности функционирования бахтинских терминов на различных этапах его творческой биографии еще не выявлены до конца. Решение данной задачи позволит приблизиться к реализации главной цели – всестороннему и целостному пониманию творческого наследия этого выдающегося мыслителя.

Библиографические ссылки

1. Вишленкова СГ. О специфике презентации понятийного аппарата М. М. Бахтина в начале 2000-х гг. (терминоведческий аспект). *Филология: научные исследования*. 2018;2:112–119. EDN: YAKYSL.
2. Дубровская СА. «Бахтинская энциклопедия» как формат изучения и описания биографии и научного наследия М. М. Бахтина. *Литературоведческий журнал*. 2021;4:28–44. EDN: SAPCAL.
3. Бройтман СН. Испытание Бахтиным. *Новый филологический вестник*. 2006;1:199–205. EDN: KVXDPR.
4. Зенкин СН. Обсудим разногласия. *Новый филологический вестник*. 2006;1:206–210. EDN: KVXDQB.
5. Тамарченко НД. Легко ли пройти такое испытание? *Новый филологический вестник*. 2006;1:211–215. EDN: JTSFWP.
6. Осовский ОЕ, Дубровская СА. Бахтин, Россия и мир: рецепция идей и трудов ученого в исследованиях 1996–2020 годов. *Научный диалог*. 2021;7:227–265. EDN: JOCLAL.
7. Бройтман СН. Научный язык и терминология М. М. Бахтина: некоторые итоги. *Дискурс. Коммуникативные стратегии культуры и образования*. 2003;11:6–9. EDN: KMXOMK.
8. Кормилов СИ. Особенности литературоведческой терминологии М. М. Бахтина и строение литературно-художественного произведения. *Диалог. Карнавал. Хронотоп*. 1996;2:5–22.
9. Гогтишвили ЛА, Гуревич ПС, редакторы. *М. М. Бахтин как философ*. Москва: Наука; 1992. 256 с.
10. Киржаева ВП, Осовский ОЕ. О двух терминах М. М. Бахтина в контексте истории отечественного литературоведения XX века. *Филология и культура*. 2016;1:223–228. EDN: VVHYJH.
11. Бахтин ММ. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса*. Москва: Художественная литература; 1965. 545 с.
12. Пугаева ЕС. Понятие «карнавал» и его производные в проблемном поле текстов М. М. Бахтина. *E-Scio* [Интернет]. 2018 [процитировано 12 апреля 2023 г.]. Доступно по: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36412212>.

²Махлин В. Л. Мениппея // Лит. энцикл. терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М. : НПК «Интелвак», 2001. С. 525–526.

³Там же. С. 527.

13. Попова ИЛ. «Карнавал» как термин М. М. Бахтина: генезис понятия сквозь призму истории текста. *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2008;67(2):46–52. EDN: INMJVB.
14. Сандлер СВ. Тема карнавала в контексте философии М. М. Бахтина. *Studia Litterarum*. 2016;1(3–4):10–28. DOI: 10.22455/2500-4247-2016-1-3-4-10-28.
15. Шульц СА. Неосуждение и / или прощение: наблюдения о теологии Л. Н. Толстого на фоне философии И. Канта и М. М. Бахтина. *Slavica* [Интернет]. 2019 [процитировано 12 апреля 2023 г.];48. Доступно по: <https://ojs.lib.unideb.hu/slavica/article/view/5458>.
16. Романовская М. Личность, диалог и карнавал в миропонимании Бахтина. *Новый филологический вестник*. 2013;1:9–24. EDN: SDLJGR.
17. Осовский ОЕ. Ф. Рабле. Карнавал и карнавальная культура в работах М. М. Бахтина 1930–1950-х гг. *Диалог. Карнавал. Хронотоп*. 2002;1:59–74. EDN: UDZCDB.
18. Карпов АД, Гапурджанова МГ. Рецепции теории комического М. М. Бахтина в российских исследованиях 2000-х – 2010-х гг. *E-Scio* [Интернет]. 2018 [процитировано 12 апреля 2023 г.];5. Доступно по: <https://e-scio.ru/?p=4781>.
19. Киржаева ВП. Конструкция гибридная. В: *М. М. Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования*. Выпуск 2–3. Саранск: Красный Октябрь; 2006. с. 141–142.
20. Дубровская СА. М. М. Бахтин в 1920-х гг.: на подступах к теории смехового слова. *Филология и культура*. 2019;1:157–162. EDN: ZDSSEP.
21. Дубровская СА. Бахтинская концепция смеха в работах литературоведов Поволжья. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки*. 2018;20(6):57–61. EDN: YZKIDZ.
22. Бахтин ММ. *Собрание сочинений. Том 6, Проблемы поэтики Достоевского*. Бочаров СГ, Гоготшвили ЛА, редакторы. Москва: Русские словари. Языки славянской культуры; 2002. 800 с.
23. Таирова СЗ. Связь мениппеи и романистики в теориях М. М. Бахтина. В: *Филология и лингвистика в современном обществе. Материалы I Международной научной конференции; 24–25 мая 2012 г.; Москва, Россия*. Москва: Вашполиграфический партнер; 2012. с. 6–8.
24. Попова ИЛ. «Мениппова сатира» как термин Бахтина. *Вопросы литературы*. 2007;6:83–108. EDN: IIVIMR.

References

1. Vishlenkova SG. [On the specifics of the presentation of the conceptual apparatus of M. M. Bakhtin in the early 2000s. (terminological aspect)]. *Philology: Scientific Researches*. 2018;2:112–119. Russian. EDN: YAKYSL.
2. Dubrovskaya SA. The Bakhtin encyclopedia as a format for studying and describing M. M. Bakhtin's biography and scholarly heritage. *Literaturovedčeskij žurnal*. 2021;4:28–44. Russian. EDN: SAPCAL.
3. Brojtman SN. [Bakhtin's test]. *The New Philological Bulletin*. 2006;1:199–205. Russian. EDN: KVXDPR.
4. Zenkin SN. [Let's discuss disagreements]. *The New Philological Bulletin*. 2006;1:206–210. Russian. EDN: KVXDQB.
5. Tamarchenko ND. [Is it easy to pass such a test?]. *The New Philological Bulletin*. 2006;1:211–215. Russian. EDN: JTSFWP.
6. Osovskiy OE, Dubrovskaya SA. Bakhtin, Russia and world: reception of scientist's ideas and works in 1996–2020 research. *Nauchnyi dialog*. 2021;7:227–265. Russian. EDN: JOCLAL.
7. Broitman SN. [Scientific language and terminology of M. M. Bakhtin: some results]. *Diskurs. Kommunikativnye strategii kul'tury i obrazovaniya*. 2003;11:6–9. Russian. EDN: KMXOMK.
8. Kormilov SI. [Peculiarities of Bakhtin's literary terminology and the structure of literary work]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*. 1996;2:5–22. Russian.
9. Gogotishvili LA, Gurevich PS, editors. *M. M. Bakhtin kak filosof* [M. M. Bakhtin as a philosopher]. Moscow: Nauka; 1992. 256 p. Russian.
10. Kirzhaeva VP, Osovskii OE. On two M. Bakhtin's terms in the historical context of Russian literary studies. *Philology and Culture*. 2016;1:223–228. Russian. EDN: VVHYJH.
11. Bakhtin MM. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Rennanssa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1965. 545 p. Russian.
12. Pugaeva ES. [The concept of «carnival» and its derivatives in the problematic field of M. M. Bakhtin's texts]. *E-Scio* [Internet]. 2018 [cited 2023 April 12]. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36412212>. Russian.
13. Popova IL. [«Carnival» as a term by M. M. Bakhtin: genesis of the concept through the prism of the history of the text]. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*. 2008;67(2):46–52. Russian. EDN: INMJVB.
14. Sandler SV. The place of carnival in the context of Mikhail Bakhtin's philosophy. *Studia Litterarum*. 2016;1(3–4):10–28. Russian. DOI: 10.22455/2500-4247-2016-1-3-4-10-28.
15. Shults SA. Non-blame and/or forgiveness: observations about L. N. Tolstoy's theology on the background of the philosophy of I. Kant and M. M. Bakhtin. *Slavica* [Internet]. 2019 [cited 2023 April 12];48. Available from: <https://ojs.lib.unideb.hu/slavica/article/view/5458>. Russian.
16. Romanowska M. Personality, dialogue and carnival in M. Bakhtin's world outlook. *The New Philological Bulletin*. 2013;1:9–24. Russian. EDN: SDLJGR.
17. Osovskii OE. [F. Rabelais. Carnival and carnival culture in the works of M. M. Bakhtin 1930–1950s]. *Dialog. Karnaval. Khronotop*. 2002;1:59–74. Russian. EDN: UDZCDB.
18. Karpov AD, Gapurdzhanova MG. Receptions of M. M. Bakhtin's theory of the comic in Russian studies of the 2000s–2010s. *E-Scio* [Internet]. 2018 [cited 2023 April 12];5. Available from: <https://e-scio.ru/?p=4781>. Russian.
19. Kirzhaeva VP. [The design is hybrid]. In: *M. M. Bakhtin v Saranske: dokumenty, materialy, issledovaniya*. Vypusk 2–3 [M. M. Bakhtin in Saransk: documents, materials, research. Issue 2–3]. Saransk: Krasnyi Oktyabr'; 2006. p. 141–142. Russian.
20. Dubrovskaya SA. [M. M. Bakhtin in the 1920s: on the approaches to the theory of the laughter word]. *Philology and Culture*. 2019;1:157–162. Russian. EDN: ZDSSEP.

21. Dubrovskaya SA. Bakhtin's conception of laughter in the works of the literary scholars of the Volga region. *Izvestiya of the Samara Russian Academy of Sciences Scientific Center. Social, Humanitarian, Medicobiological Sciences*. 2018;20(6):57–61. Russian. EDN: YZKIDZ.

22. Bakhtin MM. *Sobranie sochinenii. Tom 6, Problemy poetiki Dostoevskogo* [Collected works. Volume 6. Problems of Dostoevsky's poetics]. Bocharov SG, Gogotishvili LA, editors. Moscow: Russkie slovari. Yazyki slavyanskoj kul'tury; 2002. 800 p. Russian.

23. Tairova SZ. The connection between menippea and romance in the theories of M. M. Bakhtin. In: *Filologiya i lingvistika v sovremennoe obshchestve. Materialy I Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 24–25 maya 2012 g.; Moskva, Rossiya* [Philology and linguistics in modern society. Materials of the 1st International scientific conference; 2012 May 24–25; Moscow, Russia]. Moscow: Vashpoligraficheskii partner; 2012. p. 6–8. Russian.

24. Popova IL. [«Menippean satire» as a term by Bakhtin]. *Voprosy literatury*. 2007;6:83–108. Russian. EDN: IIVIMR.

Статья поступила в редколлегию 07.05.2023.
Received by editorial board 07.05.2023.

УДК 1(091)

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЫ ГНОСТИЧЕСКОГО МИФА НА ПРИМЕРЕ ПАПИРУСОВ СОБРАНИЯ КНИГ «БИБЛИОТЕКА НАГ-ХАММАДИ»

Я. А. КОХОВЕЦ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проанализированы тексты гностических раннехристианских апокрифов, обнаруженные в книжном собрании «Библиотека Наг-Хаммади». В них эксплицированы основные точки соприкосновения гностической антропологии в первые века христианства и фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. Показано, что такие экзистенциалы фундаментальной онтологии, как бытие-в-мире, бытие-к-смерти, ужас, заброшенность и концепция зова бытия, имеют семантические параллели с гностической терминологией и отображают схожий взгляд на онтологическую и антропологическую проблематику. Раскрыт потенциал изучения гностицизма как концепции, предлагающей аутентичный способ выхода из антропологического кризиса путем восстановления самости через познание феномена «вот-бытие».

Ключевые слова: гностицизм; экзистенциализм; антропология; Наг-Хаммади; фундаментальная онтология; заброшенность; пробуждение; существование; ужас; das Man; бытие-в-мире.

EXISTENTIALS OF THE Gnostic MYTH ON THE EXAMPLE OF THE PAPYRUSES OF THE COLLECTION OF BOOKS «NAG HAMMADI LIBRARY»

Ya. A. KAKHAVETS^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article contains the analysis of the texts of Gnostic early Christian apocrypha found in the collection of books «Nag Hammadi library». The texts of the apocrypha explicate the main points of contact between the Gnostic anthropology of the first centuries of Christianity and the fundamental ontology of M. Heidegger. It is shown that such existentials of fundamental ontology as In-der-Welt-sein, Sein-zum-Tode, Angst, Geworfenheit and the concept of the call of being have semantic parallels with Gnostic terminology and display similar Gnostic optics on ontological and anthropological issues. It is revealed the potential of studying Gnosticism as a concept offering an authentic way out of the anthropological crisis by restoring the self through the knowledge of Dasein.

Keywords: Gnosticism; existentialism; anthropology; Nag Hammadi; fundamental ontology; Geworfenheit; awakening; existence; Angst; das Man; In-der-Welt-sein.

Образец цитирования:

Коховец ЯА. Экзистенциалы гностического мифа на примере папирусов собрания книг «Библиотека Наг-Хаммади». *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;1:23–28.
EDN: DNJNID

For citation:

Kakhavets YaA. Existentials of the gnostic myth on the example of the papyruses of the collection of books «Nag Hammadi library». *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;1:23–28. Russian.
EDN: DNJNID

Автор:

Ярослав Александрович Коховец – аспирант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор И. Н. Сидоренко.

Author:

Yaraslau A. Kakhavets, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
kakhavets.yaraslau@gmail.com

Введение

Ситуация продолжающегося антропологического кризиса, выраженного в тотальной отчужденности и разочаровании в концепции человека как такового, обуславливает рост интереса к вопросу целостности личности, отношений между человеком и его самостью, опытом и перспективами исторического развития в контексте глобального доминирования концепции смерти субъекта. Современный человек при поиске собственной идентичности попадает в ситуацию свободного рынка индивидуальностей, плюральности человеческих миров [1, с. 4], что усугубляет его отчужденность от самого себя, заставляя

выступать лишь объектом рыночных отношений. Многообразии левых и правых идеологий, новых религиозных движений и гендерная теория как выражение современной буржуазной культуры превращают человека в борца за измы, создавая на месте экзистенциального вакуума мнимые идентичности. Нарушение целостности человеческого бытия в эпоху постмодерна делает актуальным историко-философский анализ концепций фундаментальной онтологии М. Хайдеггера и гностической антропологии, для которых важны вопросы о переживании людьми бытия в этом мире и о том, чему тождественен человек.

Материалы и методы исследования

Объектом исследования стала гностическая антропология, представленная в раннехристианских апокрифических писаниях, которые были найдены в 1945 г. в собрании книг «Библиотека Наг-Хаммади». Данная библиотека является самым обширным источником изучения аутентичных текстов раннехристианского гностицизма, благодаря трудам советских и российских исследователей (А. И. Еланская и А. Л. Хосроев) она доступна в переводе на русский язык. Кроме того, проанализирована фундаменталь-

ная онтология М. Хайдеггера, содержащаяся в работе «Бытие и время», в частности концепции бытия в мире, заброшенности, пробуждения, а также концепция *das Man*. С помощью метода историко-философской реконструкции обнаружены точки пересечения гностической антропологии и экзистенциалов философии М. Хайдеггера. Метод компаративного анализа позволил сопоставить две системы мысли и выделить параллели в ответах на вызовы антропологической проблематики и отношения к сущности человека.

Результаты и их обсуждение

Традиционный античный гностицизм и фундаментальную онтологию М. Хайдеггера разделяет почти две тысячи лет, однако при такой разнице во времени интерес этих двух концепций к антропологической проблематике остается неизменным, а они сами имеют большее сходство, чем может показаться на первый взгляд. Их терминологический аппарат практически идентичен. Такие понятия, как страх, чуждость, бытие и заброшенность, в обоих случаях занимают одно из ключевых мест. Данное сходство позволяет сделать вывод о том, что гностический взгляд на антропологическую проблематику нашел свое продолжение и в середине XX в. был выражен в подобных используемым в экзистенциализме категориях. Для выяснения правомерности данного утверждения прежде всего необходимо обратиться к анализу того семантического ядра гностического мифа, содержательным элементом которого является экзистенциал.

Понятие «экзистенциал» было введено М. Хайдеггером в работе «Бытие и время» как термин, описывающий модусы человеческого существования в его единстве с жизненным миром. Экзистенциалы «бытие-в-мире» (*In-der-Welt-sein*), «бытие-к-смерти» (*Sein-zum-Tode*), «ужас» (*Angst*) и «заброшенность» (*Geworfenheit*) выступают ключом к пониманию эк-

зистенциальной аналитики «дазайн» (*Dasein*), или «присутствие», «вот-бытие», «здесь-бытие», и описанию целостности системы человек – мир¹, единства имманентного и трансцендентного.

При обращении к анализу гностического мифа через рассмотрение фундаментальной онтологии следует уделить внимание основным письменным трудам гностической мысли. Важными источниками по истории и философии гностицизма являются раннехристианские (I–IV вв.) апокрифы. Ценность этих работ, отвергнутых в качестве несоответствующих канону официальной церкви, но бытовавших в ее среде несколько столетий до этого, состоит в том, что они отражают специфическую веру и герменевтическую парадигму анонимных и известных авторов (например, философ II в. Валентин), а также их последователей из числа так называемых сифиан и валентиниан, находивших в данных произведениях личный мистический и духовный отклик. В этой категории источников отдельное место занимает пласт сохранившихся христианских гностических сочинений, написанных на коптском языке, который был египетским диалектом позднего эллинистического периода. Интерес представляют коптские рукописи и крупнейшее в мире собрание предметов коптского ремесла и изобразительного искус-

¹Гайдено П. Экзистенциал // Нов. философ. энцикл. : в 4 т. Т. 4 / под ред. В. С. Степина, А. А. Гусейнова [и др.]. М. : Мысль, 2010. С. 420.

ства, содержащиеся сейчас в Коптском музее. Это собрание представляет собой специфический слой египетской христианской культуры. Здесь же находится и часть археологического достояния Египта – 13 кодексов, которые датируются IV в.

Если до открытия в 1945 г. папирусов рассматриваемой библиотеки при изучении гностицизма делался разбор свидетельств, приведенных Отцами Церкви, и их отрывков из гностической апокрифической литературы, то с обнаружением библиотеки стало возможным в полном объеме исследовать оригинальные гностические тексты.

Содержание упомянутых кодексов весьма разнообразно, в них есть евангельские (апокрифы «Евангелие от Филиппа», «Евангелие истины»), апокалиптические (трактат «Апокалипсис Адама»), учительные (трактат «О происхождении мира», текст «Подлинное учение») произведения, а также собрание логий Иисуса Христа (апокриф «Евангелие от Фомы»), герметический трактат «Асклепий» и отрывок из диалога Платона «Государство». Аутентичность содержания текстов позволяет в полной мере погрузиться не только в теологическую составляющую их концепций, но и в ту онтологическую, аксиологическую и антропологическую проблематику, которая занимала гностиков первых веков.

Онтологическая структура, которая описывается в гностических папирусах собрания «Библиотека Наг-Хаммади», неоднородна, она представлена герметической (что сверху, то и внизу) и дуалистической концепциями, а также концепцией абсолютной ничтожности любого рода материи вне зависимости от ее происхождения. В целом гностики дают негативную онтологическую характеристику космосу как структурированной бездушной обезличенной бытийности. Он представляет собой пустую форму, движимую слепым законом, а единственной его функцией является бесцельное сдерживание запертой в нем божественной сущности, т. е. человеческого духа. Существование космоса в некоторых концепциях (например, у Валентина) обязано концепции трагического падения, или ошибки.

В апокрифе «Евангелии от Филиппа» есть следующие строки, свидетельствующие о несовершенстве Создателя этого мира и его творения: «Мир произошел из-за ошибки. Ибо тот, кто создал его, желал создать его негибнущим и бессмертным»². Даже звезды становятся для гностиков ежедневным напоминанием о пленении духа и символом порабощения божественного. «Являясь первым из творцов этого мира, он (тот, кто являлся первым из творцов этого мира. – Я. К.) передает эти души другим, служащим им, ан-

гелам, которые заключают их в тела. Тело ведь, говорят они, – это темница [для души]»³.

Следовательно, первой задачей мира становится введение человека в заблуждение относительно своей сущности, «погружение в сон» [2, с. 125], приведение его в состояние тихого согласия с правилами окружающей действительности и невозмутимой покорности ее правилам. Эту же цель ставят и многочисленные человеческие страсти, ведь, например, в процессе погони за очередными атрибутами престижа очень сложно найти время и место для духовного совершенствования. Считая мораль и нравственность социальными конструктами, которые являются лишь органическим продолжением космического порядка человеческих отношений, гностики утверждают необходимость этической ревидии. В частности, пересмотру подвергаются формы семейных взаимоотношений и отношений собственности.

Некоторые апокрифы содержат миф о том, что духовный компонент существует в мире ради дестабилизации материального космоса, а телесный человек именуется как дитя закона, что в очередной раз подчеркивает механическую некротичность космоса и отсутствие реальной, живой составляющей. Человек в таком мире находится в состоянии «сна смерти», он «одурманен» и неспособен к истинной реализации своего потенциала. Бытие-в-мире представляется заточением. Таким образом, мир реализует себя как принудительное место пребывания человека, единственного истинно живого объекта, без которого само существование космоса не имело бы смысла. В этом аспекте можно усмотреть пересечение гностической онтологии с фундаментальной онтологией М. Хайдеггера, который утверждал, что «бытие требует человека, чтобы осуществиться самим собою среди сущего и сохраниться в качестве бытия» [3, с. 254], онтологически объясняя таким образом экзистенциал «дазайн».

Для описания неподлинного существования человека М. Хайдеггер в книге «Бытие и время» ввел понятие *das Man* в качестве указания на безликого человека в безликом мире повседневности. Направленность деятельности как соматика, так и представителя *das Man* на наличные предметы погружает их в безличный мир, что, в свою очередь, лишает их индивидуальности и реальной субъектности. Настоящим субъектом отношений в наличном мире выступает сам космос через посредство человека-инструмента. Свобода от соматического человека-объекта, обусловленного некротическим космическим порядком и выражающего себя в социальных

²Евангелие от Филиппа // Русская апокрифическая студия : сайт. URL: http://apokrif.fullweb.ru/nag_hammadi/evphil.shtml (дата обращения: 21.09.2023).

³Ранние гностические школы // Русские страницы : сайт. URL: <https://www.biblicalstudy.ru/Books/Afonasin10.html> (дата обращения: 21.09.2023).

отношениях, является неизбежным условием человеческого (пневматического) спасения: «Не всем тем, кто всем обладает, положено познать себя. Однако те, кто не познает себя, не будут наслаждаться тем, чем они обладают. Но лишь те, кто познал себя, будут наслаждаться этим»⁴.

Те, кто не способен осознать свою субъектность в этом мире, не удостоятся спасения ни в земной, ни в небесной жизни. Такого рода телесные люди являются не вполне полноценными человеческими существами: «Спаситель сказал: “Поистине, не признавая сих за людей, но считай их скотами, ведь как скоты поедают друг друга, так же у этих, такого рода людей, – они поедают друг друга, они изъяты из истины... «...» ...В то время как [они думают], что мудры, и любят свое тело”»⁵.

Таким образом, пробудившийся гностик – это истинный активный субъект в отношениях человек – мир, человек – Бог и человек – человек в том случае, если он находится в окружении равных, а также в отношении человек – недочеловек, если он общается с соматиком или ведет проповедническую деятельность.

М. Хайдеггер также утверждал, что заброшенность человека в мир обуславливает возможные модусы его здесь-бытия. Несобственное существование – модус, предполагающий осознание своей заброшенности в мир, но продолжающий нацеленность человека на пребывание в мире наличных предметов, бытие *das Man*: «Мы наслаждаемся и забавляемся, как наслаждаются; мы читаем, смотрим и судим о литературе и искусстве, как видят и судят; мы удаляемся от толпы, как удаляются; мы находим возмутительным то, что находят возмутительным»⁶ [4, S. 126]. Собственное существование наступает тогда, когда присутствие выбирает принять ответственность за жизнь в мире. Концепция пробуждения, необходимого для перехода от несобственного существования к собственному, представлена как бытие-к-смерти, как переживание ужаса осознания личного характера смерти и решимость на вопрошание о бытии, что выводит человека из области неподлинного существования в сферу подлинности. Несобственное существование не способно осознать смерть в применении к себе, для него смерть – это всегда смерть других. Субъект *das Man* живет в том же обезличенном, механическом, рутинном космосе, что и гностический соматик, он не выступает субъектом собственной жизни, застревая в повседневности. В случае же собственного модуса пробудившееся после осознания смертности присутствие выбирает принять ответственность за свою жизнь,

сама смерть становится ориентиром ответственности, из чего и рождается забота (*Sorge*), открывающая для человека вперед-себя-бытие (*Sich-Vorwegsein*), т. е. коренящуюся в будущем историчность субъекта, открытие для себя перспективы реализации. Сознвая свое наличие через принятие собственной смертности, человек соглашается с временностью присутствия как горизонтом понимания бытия и, следовательно, как субъект конституирует себя в мире.

Когда гностик признает себя носителем духовной субстанции, он начинает понимать свое надмирное происхождение, что отзывается в нем глубоким внутренним потрясением, связанным с онтологическим разрывом между местом личного происхождения и местом обитания, и это проявляется в гностической концепции чуждого. Ощущение чуждости миру является постоянным переживанием для истинного гностика. Это состояние служит одновременно источником спасения, так как сигнализирует о начале осознания себя причастным к высшему миру, и источником страдания. При этом чуждость, согласно гностическим апокрифам, есть отличительный атрибут, присущий истинной, заключенной в узы нашего материального мира жизни, которую можно описать как рассеянную мировую душу. «Но душа мудрого и гностика, будучи заключена в тело лишь на короткое время, подобно страннику, пришедшему чужую землю, пользуется телом умеренно, готовая покинуть эту обитель, едва лишь слышит призыв. “Странник, – говорит она, – я в этой земле и чужак среди вас”» [5, с. 236].

Как апогей осознания ужаса своего положения в этом мире и надежды на спасение описывается популярный в гностической апокрифической литературе сюжет встречи человека с направленным к нему божественным зовом, который в полной мере пробуждает в человеке потенцию к спасению. Часто ответ человека на зов описывается как плач о своей судьбе, которую он не выбирал, о заточении в мире, где существование предшествует сущности: «Господь сказал: “Блажен тот, кто существует до того, как он появился. Ибо тот, кто существует, был и будет”»⁷. Человек, озаренный откровением о своей истинной природе, начинает мучиться в мире: «Согласно обычаю моей расы я возносил их к Богу моих отцов. Я воздавал им всем хвалу ради предков моих и отцов... Что касается меня, то я не прекращал искать место отдыха, достойное моего духа, ведь я еще не был скован чувственным миром. Затем, поскольку я был глубоко встревожен и мрачен из-за той обескураженности, что охватила меня, я осмелился дей-

⁴Евангелие от Филиппа // Русская апокрифическая студия : сайт. URL: http://apokrif.fullweb.ru/nag_hammadi/evphil.shtml (дата обращения: 21.09.2023).

⁵Книга Фомы атлета // Там же. URL: http://apokrif.fullweb.ru/nag_hammadi/book_foma.shtml (дата обращения: 21.09.2023).

⁶Здесь и далее перевод наш. – Я. К.

⁷Климент Александрийский. Строматы // Азбука веры : сайт. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Aleksandrijskij/stromaty/4 (дата обращения: 13.10.2023).

ствовать и отдался диким зверям пустыни ради жуткой смерти»⁸.

В контексте описания переживаемого гностиком ужаса от осознания своей заброшенности в мир необходимо провести параллель с тем, как М. Хайдеггер различал ситуации предметной боязни и беспредметного ужаса: «Бывает ли в нашем бытии такая настроенность, которая способна приблизить его к самому *Ничто* (здесь и далее курсив наш. – Я. Х.)? Это может происходить и происходит... в фундаментальном настроении ужаса... Ужас в корне отличен от боязни... Ужасом приоткрывается *Ничто*» [3, с. 20–21]. Философ описывал состояние боязни как переживание, непосредственно относящееся к определенному предмету. Страх конкретен, он замыкает человека в конкретной системе координат, внутри которой очерчивается причина и предмет боязни. Ужас хоть и переживается как ужас перед чем-то, однако поражает своей внутренней беспредметностью (точнее, предмет, перед которым он испытывается, не есть тот самый предмет, относительно которого происходит переживание, являясь скорее символом чего-то принципиально неопределенного). Таким образом, состояние ужаса приоткрывает для нас *Ничто*. Переживание ужаса создает для человека ситуацию, в которой он осознает свое присутствие как выдвинутость в *Ничто*, тем самым трансцендируя себя: «*Ничто* есть условие возможности раскрытия сущего как такового для человеческого бытия» [3, с. 22].

В этом контексте можно привести параллель с ситуацией зова. Фундаментальная онтология М. Хайдеггера рассматривает совесть в качестве зова мира: «Зов ведь как раз не бывает, причем никогда, ни запланирован, ни подготовлен, ни намеренно исполнен нами самими. “Оно” зовет, против ожидания и тем более против воли. С другой стороны, зов несомненно идет не от кого-то другого, кто есть со мной в мире. Зов идет от меня и все же сверх меня» [4, S. 257]. Зов открывается как раз в ситуации ужаса и указывает человеку на личную способность быть, а также на необходимость принятия ответственности за собственное бытие, таким образом пробуждая его самость.

Гностическая традиция утверждает, что человек является странником, заброшенным в мир, а его жизненный путь начался со вселенской трагедии дисперсии высшей целостности духовного и закончится

соединением, восстановлением божественного. Земная жизнь есть осложненный амнезией эпизод в цепочке истинная жизнь – некротическая жизнь – истинная жизнь. Осознавший себя заброшенным в этот мир человек (самоспасаящийся спаситель) собирает рассредоточенный в космосе божественный свет, что проявляется как процесс самопознания, личное интеллектуальное и духовное просвещение. Сама сущность гностического мифа и практик состоит в единении человеческой сущности в целостного человека (или воссоединении рассеянного в мире человека), через что и совершается спасение: «Я (душа) пришла познать себя и собрала себя отовсюду... Это происходит посредством единения, где каждый снова примет себя обратно через познание, он очистит себя разнообразием взглядов на единение, поглощением материи в самом себе подобно пламени, тьмы – светом и смерти – жизнью» [2, с. 76].

Не просто созданная Богом, но являющаяся Богом сама по себе человеческая сущность, заключенная в духе, становится несоизмеримой с миром безотносительной самоценностью. Человек определен судьбой (гемарменом) к гибели, но, приобретая гнозис, он способен пробудить божественную сущность и вернуться в бессмертие. Обретение гнозиса становится для человека новым рождением и приводит его не просто к спасению, а к возможности самореализации, к истинной концепции «свобода для». Человек заброшен в бытие (как и у М. Хайдеггера), ставшее для него горизонтом возможностей, где именно понимание ужаса от осознания характера собственной смерти выводит человека в сферу подлинного существования. Таким образом, ужас «выступает формой переживания человеком своей конечности» и «предельным опытом» даэин [6, с. 62]. Смерть, как единственная возможность, которая от нас никогда не уйдет, открывает и все другие возможности. Получается, историчность (временность) человека, как подлинность, есть проективность из будущего, а ответ человека на зов совести открывает для него необходимость ответственности. В данном случае гнозис, как знание о чем-то, становится знанием о смерти, ее причинах и неминуемости, заново открывает для человека бытие и указывает на возможность его реконструкции и реализации.

Заключение

Проанализированные элементы гностического мифа, рассмотренные через призму фундаментальной онтологии, служат примером близости гностической и экзистенциальной антропологической проблематики, которая связана с определением и фиксацией собственного присутствия

в мире. Принимая во внимание то, что некоторые термины не имеют точных аналогий по смыслу и не употребляются идентично друг другу, автор настоящей статьи считает правомерным утверждать следующее: между ними, однако, есть смысловые точки пересечения, удивляющие схожестью взгля-

⁸Зостриан // Русская апокрифическая студия : сайт. URL: http://apokrif.fullweb.ru/nag_hammadi/zostrian.shtml (дата обращения: 21.09.2023).

да на проблематику переживания человеком опыта бытия-в-мире и отображающие то настроение, которое присуще и гностическому уму, и экзистенциальной традиции. Эта внутренняя связь делает их когерентными друг другу и свидетельствует о глубоком экзистенциальном ядре гностицизма и в той же степени о гностическом поиске человеческой сущности в экзистенциализме: «Правильность определения сущего настолько неочевидна, что само его определение составляет существенную часть онтологической аналитики этой составляющей бытия» [4, S. 43].

Библиографические ссылки

1. Шапинская ЕН, редактор. *Постмодернизм и культура*. Москва: ИФАН; 1991. 137 с.
2. Йонас Г. *Гностицизм: гностическая религия*. Шукин КА, переводчик; Сандулов ЮА, составитель. Санкт-Петербург: Лань; 1998. 382 с.
3. Хайдеггер М. *Время и бытие*. Бибихин ВВ, переводчик и составитель. Москва: Республика; 1993. 447 с.
4. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen: M. Niemeyer; 1967. 437 S.
5. Афонасин ЕВ, переводчик. *Школа Валентина: фрагменты и свидетельства*. Санкт-Петербург: Алетея; 2002. 319 с.
6. Сидоренко ИН. *Идея историчности в философии немецкого экзистенциализма*. Минск: Республиканский институт высшей школы; 2007. 124 с.

References

1. Shapinskaya EN, editor. *Postmodernizm i kul'tura* [Postmodernism and culture]. Moscow: IFAN; 1991. 137 p. Russian.
2. Jonas G. *Gnostitsizm: gnosticheskaya religiya* [Gnosticism: gnostic religion]. Shchukin KA, translator; Sandulov YuA, compiler. Saint Petersburg: Lan'; 1998. 382 p. Russian.
3. Heidegger M. *Vremya i bytie* [Time and being]. Bibikhin VV, translator and compiler. Moscow: Respublika; 1993. 447 p. Russian.
4. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen: M. Niemeyer; 1967. 437 S.
5. Afonasin EV, translator. *Shkola Valentina: fragmenty i svidetel'stva* [School of Valentin: fragments and evidence]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2002. 319 p. Russian.
6. Sidorenko IN. *Ideya istorichnosti v filosofii nemetskogo ekzistsentsializma* [The idea of historicity in the philosophy of German existentialism]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2007. 124 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 14.11.2023.
Received by editorial board 14.11.2023.

УДК 101.1:316.347 + 7.01

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ В ЖИВОПИСИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

О. В. КУРБАЧЁВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрено социально-философское осмысление этнокультурных стереотипов в художественных произведениях. Актуальность исследования продиктована, с одной стороны, возрастающим уровнем внимания к этнической проблематике, а с другой стороны, новым подходом к пониманию настоящей темы. Эксплицированы историко-культурные закономерности и особенности отражения этнических проблем в общественном сознании сквозь призму живописи. На примере художественных произведений обосновано, что живопись может выступать не только ретранслятором важнейших социокультурных событий, но и инструментом для концептуального переосмысления и отражения этнических проблем в обществе. Освещены особенности визуализации и интерпретации этнических стереотипов, этнокультурной идентичности, а также акцентировано внимание на работах, в которых этническая идентичность и стереотипизация осознанно редуцированы.

Ключевые слова: этнос; этническая живопись; искусство; ориентализм; этническая идентичность; этнический конфликт; расизм.

Образец цитирования:

Курбачёва ОВ. Этнические стереотипы в живописи сквозь призму философской рефлексии. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;1:29–40.
EDN: CRRUOF

For citation:

Kurbacheva OV. Ethnic stereotypes in painting through the prism of philosophical reflection. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;1:29–40. Russian.
EDN: CRRUOF

Автор:

Ольга Владиславовна Курбачёва – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Olga V. Kurbacheva, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
kurbach.ova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7874-0434>

ETHNIC STEREOTYPES IN PAINTING THROUGH THE PRISM OF PHILOSOPHICAL REFLECTION

O. V. KURBACHEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The socio-philosophical interpretation of ethnocultural stereotypes in the context of artistic creations is the focus of this article. The study's applicability is determined by two factors: a new method for comprehending the subject matter, and the rising degree of articulate attention being paid to ethnic issues in general. Through the lens of painting, the author aims to elucidate the historical and cultural patterns and characteristics of how ethnic problems are reflected in the public consciousness. The author demonstrates through the use of artistic creations that painting can serve as a tool for conceptual rethinking and reflection of ethnic issues in society, in addition to serving as a conduit for the most significant sociocultural events. The article focuses on works in which ethnic identity and stereotyping are purposefully reduced, as well as the characteristics of conceptual interpretation and visualisation of ethnocultural identity and ethnic stereotypes.

Keywords: ethnos; ethnic painting; art; orientalism; ethnic identity; ethnic conflict; racism.

Ускорившийся темп социальной динамики, повышенный уровень этнокультурной тревожности и социальной энтропийности инициируют все большее внимание научного сообщества к теме конструктивного этнокультурного взаимодействия и поиска новых путей преодоления интолерантных установок и ксенофобии. Таким путем, выстраивающимся над национальными границами и стереотипами, интегрирующим социокультурное пространство, выступает искусство, в том числе живопись. Аккумулируя в себе социально-психологические, историко-культурные, мировоззренческие, универсальные и индивидуально-личностные символы и представления, живопись визуализирует уникальный художественный образ, посредством которого можно узнать и даже изучить специфические черты, знаковые и ценностные характеристики той или иной этнической культуры. И если этническая проблематика (проблемы этнофобии или расовой дискриминации, этнические стереотипы, сепаратизм, этнодоминирование и др.) широко представлена в таких видах искусства, как кинематограф или литература, то ее изучение сквозь призму живописи в научном пространстве отражено в меньшем количестве. Это связано одновременно с многогранностью, трансдисциплинарностью изучения и с деликатностью вопроса. Ведь когда исследователь начинает рассматривать данную тему, перед ним возникает множество проблемных вопросов: «Возможно ли посредством искусства конструировать и в последствии выявить какие-либо особенности этнической идентичности локальных общностей и проследить динамику развития этнокультурных проблем?»; «Каким образом интерпретируются и визуализируются темы стереотипного восприятия *Другого*, этнического конфликта?»; «О чем говорят картины, в которых этническая или национальная идентичность осознанно редуцирована?». Эти и многие другие вопросы легли в основу данного социально-философского исследования этнических стереотипов сквозь призму живописи.

Стоит отметить, что большинство работ, посвященных осмыслению этнических стереотипов в жи-

вописи, представлены в рамках искусствоведческого или культурологического пространства научной мысли. Наблюдается определенный дефицит комплексного социально-философского анализа, аккумулирующего различные подходы и предлагающего целостное и предметное понимание этнических стереотипов. Для реализации обозначенной цели были поставлены конкретные задачи: эксплицирование историко-культурных закономерностей отражения этнической проблематики в пространстве живописи, реконструкция посредством концептуального анализа произведений живописи логики и динамики этнокультурных представлений и стереотипов в общественном сознании с середины XVIII по XX в. включительно.

Методология исследования основывается на принципах системного подхода и представляет собой комплекс взаимосвязанных методов познания. Концептуальный метод интерпретации способствовал выявлению идейного замысла анализируемых в работе художественных произведений. Методы историко-философской реконструкции и компаративного анализа были применены для отражения особенностей корреляции исторических, социокультурных процессов с пространством живописи и последующего выявления специфики интерпретации этнокультурных стереотипов.

В качестве эмпирической базы исследования выступили художественные произведения, написанные в XVIII–XX вв. Необъятное пространство художественного творчества и мира живописи позволило сконцентрироваться лишь на отдельных работах, относящихся к различным направлениям и национальным школам, однако объединенных отсылкой к этнокультурной проблематике. Среди художников, произведения которых анализируются или упоминаются в настоящей статье, можно выделить П. Гогена, Ф. Гойю, Ж.-Б. Дебре, Э. Делакруа, Т. Жерико, К. Е. Маковского, А. Матисса, М. А. Савицкого, В. И. Сурикова, Ж. О. Д. Энгра и др.

При переходе к осмыслению этнических стереотипов в пространстве живописи следует отметить,

что концептуальный остов интерпретации этнического стереотипа как такового – это коллективное устойчивое и эмоционально окрашенное представление одной этнической группы о другой или о себе, в котором фиксируется оценочное суждение о моральных, умственных, психоэмоциональных, физических и других качествах группы [1, с. 49]. Однако за формальным определением стоит ряд важных характеристик и особенностей, выявляющих его сложность и многогранность в исследовании. Генерализирующий, схематичный образ этнокультурного портрета отличается не только эмоциональностью и упрощенностью, но и ригидностью к новой информации и высокой степенью согласованности среди членов этнокультурной группы. Обнаружение и разделение общих установок, паттернов поведения и представлений делают возможным сам механизм определения себя как конкретной социальной группе. Тем самым этнический стереотип является своеобразным проводником к этнической идентификации и формированию символических границ дихотомии *свой – чужой*. Эту особенность этнической стереотипизации можно проиллюстрировать на примере картины М. А. Савицкого «Партизанская Мадонна (Минская)» (рис. 1).

Рис. 1. Партизанская Мадонна (Минская). 1978 г.
Источники: https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/museums/nacionalniy_hudozhestvenniy_muzey_respubliki_bielarus_minsk/savickiy_m._a._partizanskaya_madonna_minskaya._1978._kp-16962_minsk/index.php

Fig. 1. Guerrilla Madonna (Minsk). 1978.
Source: https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/museums/nacionalniy_hudozhestvenniy_muzey_respubliki_bielarus_minsk/savickiy_m._a._partizanskaya_madonna_minskaya._1978._kp-16962_minsk/index.php

Как известно, этого художника называли летописцем жизни, трагедии и героических подвигов белорусского народа [2, с. 171]. Символизм его произведения проявляется и в изображении сакрального христианского образа женщины с младенцем, а также стариков и солдат, и в использовании особого цветового и стилистического приема при написании пейзажа. Как результат, в упомянутой работе визуализируется культурный код партизанской Беларуси, в котором прочитывается обобщенный народный образ и его значимые духовно-мировоззренческие ценности: самоотверженность, бескорыстие, забота о других, жизненная стойкость и др.

Безусловно, осмысление содержательного пласта этнических стереотипов невозможно без обращения к конкретному историческому опыту. Историко-культурная реконструкция позволяет эксплицировать контекст и условия, в которых находилась этническая группа и вырабатывался определенный алгоритм действий, ставший впоследствии схематичной реакцией. Аккумуляция внешнего культурно-исторического опыта и социально-психологической реакции на него позволяет обнаружить причины и особенности формирования того или иного этнокультурного стереотипа, а также объяснить его такие важнейшие функции, как сохранение и передача культурного опыта, конструирование локального идентификационного образа и экономия мышления. В результате этнический стереотип представляет собой «символический ресурс коллективной групповой консолидации» [3, с. 57]. В качестве художественного примера историко-культурной обусловленности стереотипного образа может быть представлена работа В. И. Сурикова «Боярыня Морозова» (рис. 2).

Картина представляет важный исторический период не только религиозно-церковного, но и социально-бытового и культурного раскола в обществе. Художник отразил амбивалентный характер русской культуры, обращаясь к конкретному историческому событию – расколу Русской православной церкви в XVII в. Позже Н. А. Бердяев в работе «Судьба России» наиболее полно и содержательно показал синтез альтернативных установок и духовно-мировоззренческих ценностей русской культуры. В произведении философ раскрыл мифологему «русского хаоса» [4, с. 27]. Стоит отметить, что этнические стереотипы могут быть как релевантными историко-культурному опыту, так и искусственно сконструированными. По этой причине следует разграничивать аутентичные и приписываемые этнические стереотипы, возникающие чаще всего в пространстве предубеждений и дефицита знаний. Ригидность и исторический и конструируемый характер этнических стереотипов обуславливают появление непрекращающихся споров и обсуждений о природе происхождения и значении изображений Девы Марии с ликом темного цвета (Черная Мадонна) (рис. 3 и 4) [5].

Рис. 2. Боярыня Морозова. 1884–1887 гг.
Источник: https://muzei-mira.com/kartini_russkih_hudojnikov/1436-kartina-boyarynya-morozova-surikov.html

Fig. 2. Boyarina Morozova. 1884–1887.
Source: https://muzei-mira.com/kartini_russkih_hudojnikov/1436-kartina-boyarynya-morozova-surikov.html

Рис. 3. Ченстоховская икона
Божией Матери.
Источник: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ченстоховская_икона_Божией_Матери

Fig. 3. Black Madonna
of Częstochowa.
Source: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ченстоховская_икона_Божией_Матери

Рис. 4. Черная Мадонна
в Бенедиктинском монастыре.
Источник: <https://kulturologia.ru/blogs/190618/39378/>

Fig. 4. Black Madonna
in the Benedictine Monastery.
Source: <https://kulturologia.ru/blogs/190618/39378/>

Коллективная консолидация всегда подразумевает дихотомию *свой – чужой*. В этом ключе важно разграничивать авто- и гетеростеротипы. Автостеротипы – совокупность представлений о собственной этнической группе, они ориентированы на защиту локально-групповых интересов, сохранение культурно-исторического опыта, формирование и принятие собственного облика [1, с. 50]. Сами автостеротипы не являются константой. Они могут видоизме-

няться под воздействием различных внутренних или внешних историко-культурных обстоятельств. И эмоционально-оценочный, и когнитивный компоненты стереотипного восприятия подвергаются колоссальному влиянию и могут претерпевать существенные трансформации в сторону как преувеличения, так и преуменьшения собственной значимости. Вместе с тем этнические стереотипы, даже если они сконструированы на основе искаженной

информации, гиперболизированных или литотизированных представлений о собственной значимости (например, этнофанатизм, внутригрупповой фаворитизм при гиперболизации или этнонегативизм с чувством стыда или вины при литотизированной форме самокатегоризации), все равно выступают своеобразным символическим маркером этнической идентичности той или иной группы. По этой причине изучение этнических стереотипов представляет собой не просто актуальную исследовательскую задачу, но и практическую значимую ценность: посредством осмысления стереотипов, их природы и коннотации можно выявить особенности этнокультурной самоидентификации или потенциальные (реальные) маркеры этнокультурной напряженности. В качестве яркого образца автостереотипов в мире искусства можно привести результаты опроса известного арт-проекта «Выбор народа», проводившего исследование в конце 1990-х гг. [6]. В ходе этого проекта посетителям Третьяковской галереи предлагалось выбрать картину, которая ассоциировалась у них с русской культурой. Так авторы проекта пытались смоделировать идеальную картину для каждой нации. В результате наиболее популярными стали произведения «Троица» (А. Рублёв), «Богатыри» (В. М. Васнецов), «Утро в сосновом лесу» (И. И. Шишкин), «Бурлаки на Волге» (И. Е. Репин).

В исследуемом ракурсе этнических стереотипов следует подчеркнуть наличие целого комплекса идей в искусстве и науке, в котором конструируется стереотипный образ другой культуры. Речь идет об ориентализме – направлении, популяризированном американским теоретиком культуры Э. В. Саидом и характерном для западноевропейской культуры XIX–XX вв. [7, с. 9]. Представляя собой не отдельное направление, а скорее тематическую общность работ, посвященных восточной тематике, ориентализм как нельзя лучше иллюстрирует тенденцию конца XIX – середины XX в., заключающуюся в повышенном интересе к иной культуре, ее романтизации и декоративной реконструкции. Это направление выступало своеобразной площадкой для ученых, путешественников, писателей, художников и композиторов, которые увлекались восточной культурой. Идеальная ангажированность Востоком и довольно предельная концептуальная размытость ориентализма как такового позволяют говорить о том, что любой деятель искусства или науки, посвятивший свое творчество изучению или созданию образа Востока, является представителем данного направления. Исходя из этого, к ориенталистам можно отнести В. Ван Гога, написавшего работы под влиянием культуры Японии (картины «Оливковая роща», «Сеятель», «Цветущая ветка миндаля»), и Ж. О. Д. Энгра

(картина «Турецкая баня»)¹. Популярность восточной тематики среди художественной интеллигенции была настолько широка, что в 1893 г. в Париже был открыт салон художников-востоковедов, а в 1889 г. там же прошла всемирная выставка, на которой были не только представлены предметы быта и культуры других народов, но и созданы павильоны, стилизованные под улицы или даже деревни различных неевропейских этнических общностей². Примером конструирования обобщенного и стереотипного образа Ближнего Востока являются работы классика французского романтизма в живописи Э. Делакруа, отправившегося в составе официального дипломатического визита в Марокко и написавшего многочисленные эскизы и картины на восточную тематику (произведения «Вид на Танжер и два сидящих араба», «Марокканец, седлающий коня», «Арабы, играющие в шахматы», этюд «Алжирские женщины» и др.)³. Однако важно отметить, что ориентализм артикулировал именно восточную тематику, которая, безусловно, вписывается в проблемное поле настоящего исследования, но вместе с тем ею не ограничивается.

Один из важных вопросов, поднимаемых в настоящем исследовании, формулируется следующим образом: «Может ли живопись представлять собой инструмент для ретрансляции важнейших историко-культурных коллизий и проблемных аспектов этнокультурного взаимодействия?» Безусловно, в работах художников есть не только индивидуальные представления и образы мастеров, но и архетипичные представления о прекрасном и безобразном, свойственные конкретному народу, общее настроение времени и контекст интерпретации тех или иных событий. Таким образом, следует акцентировать внимание на том, что живопись действительно может выступать своеобразным символическим инструментом исследования особенностей развития этнокультурных проблемных вопросов в обществе. Для более детального и предметного осмысления данного аспекта целесообразно провести концептуальный анализ картины К. Е. Маковского «Болгарские мученицы», на которой изображен этнокультурный конфликт и визуализируются этнические стереотипы (рис. 5).

Работа К. Е. Маковского представляет собой значимое явление для художественного мира. Ее ценность определяется не столько творческим гением мастера и его техникой живописи, сколько общим концептуальным посылом и темой самого произведения – внешним этнополитическим конфликтом. Как известно, основой сюжета картины послужили реальные исторические события – подавление турками Апрельского восстания болгар в 1876 г. [8, р. 220]. Однако само изображение есть результат

¹Импрессионизм (иллюстрированная энциклопедия) / сост. И. Г. Мосин. СПб. : Кристалл, 2004. 320 с.

²Энциклопедия живописи / сост.: Н. Борисовская [и др.]. М. : АСТ, 1999. 799 с.

³Импрессионизм (иллюстрированная энциклопедия). 320 с.

художественного вымысла автора и не является достоверным отражением происходящих событий. Именно эта особенность представляет особый интерес с точки зрения концептуального осмысления картины, потому что специфика отражения вымышленной ситуации «говорящая» и символическая, она раскрывает взгляды художника и публики, на которую работа оказала колоссальное влияние. Полисемантическую картину проявляет в наличии нескольких уровней интерпретации произведения. В первую очередь мы видим изображение сцены насилия, совершаемого тремя мужчинами, которых автор относит к башибузукам, над болгарскими женщинами и младенцем. Художник акцентирует место события – церковь, которая вместе с младенцем, находящимся на руках у женщины, представляет собой евангельскую цитату о смерти Христа, тем самым автор отсылает зрителя к библейскому сюжету и наделяет картину символическим значением. Жестокость действий, происходящих в религиозном храме, и откровенность изображений вызвали широкий резонанс среди людей. Ходили слухи, что работа впечатлила самого императора Александра II, и это способствовало сбору средств различными общественными организациями для помощи пострадавшим болгарам⁴. Однако здесь следует более предметно проанализировать как само изображение, так и условия его возникновения. Широкую известность конфликтные события в Болгарии приобрели лишь после того, как британские антиосманские эмигранты инициировали экспедицию в Болгарию [9], в результате которой были опубликованы отчеты об ужасающих событиях. К. Е. Маковский, будучи впечатленным описываемыми событиями, отправился на Балканы, где собрал воспоминания очевидцев и набросал эскизы на тему турецко-болгарского конфликта. Вторым главным историко-культурным обстоятельством понимания значимости и популярности данного произведения выступает исторический контекст, а именно период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., для которого характерны однозначные антитурецкие настроения в обществе⁵. Важно отметить, что современные исследования, посвященные гендерной тематике, подчеркивают специфику описания тех исторических событий (болгарских ужасов) как важную веху при изучении сексуализации и манипуляции данной тематикой в истории военных конфликтов [10, р. 130].

Следующим уровнем осмысления выступает особенность изображения главных героев. Акцентированная передача расовых отличий жертв и их преследователей наводит на более детальное рассмотрение этнической принадлежности показанных антигероев, среди которых можно увидеть представителя аф-

риканской внешности (а также черкеса и албанца). Факт участия в наемных войсках башибузуков, являющихся представителями негроидной расы, вызывает у многих историков сомнения, однако здесь важно учитывать британские корни оглашения данных событий и наличие расовых предрассудков об агрессивности и жестокости темнокожего населения. По мнению английского общественного деятеля и писателя У. Гладстона, именно расовые, а не религиозные отличия легли в основу агрессии при подавлении болгарского восстания турками [9]. Так, можно обозначить, что в картине присутствуют явные элементы акцентированной этнофобии, этнической стереотипизации и негативной этнической коннотации образа *Другого* как врага, а само произведение служит не только рупором исторических событий, но и инструментом формирования и отражения общественного мнения в резонансных случаях.

Рис. 5. Болгарские мученицы. 1877 г.
Источник: https://arhive.com/ru/konstantinmakovsky/works/25935-Bolgarskie_muchenitsy

Fig. 5. Bulgarian martyrs. 1877.
Source: https://arhive.com/ru/konstantinmakovsky/works/25935-Bolgarskie_muchenitsy

⁴Русские художники : энцикл. сл. СПб. : Азбука, 1998. 864 с.

⁵История человечества : энциклопедия : в 8 т. Т. 6. XIX век / под ред. П. Матиаса, Н. Тодорова. М. : Магистр-пресс, Юнеско, 2005. 634 с.

В качестве еще одного иллюстративного примера стереотипизации *Другого* и мифологизации этнического конфликта в живописи можно привести мадридский диптих Ф. Гойа, объединяющий картины «Восстание 2 мая 1808 года в Мадриде» (рис. 6) и «Третье мая 1808 года в Мадриде» (рис. 7).

В восстании испанский народ выступил против интернациональной французской гвардии Наполеона I. На первой картине запечатлено историческое событие самой битвы испанцев против наемных войск, при этом художник акцентированно перешел от панорамного изображения к близкому плану сражения, где все участники представлены в едином хаосе битвы. Амбивалентность этой уличной схватки заклю-

Рис. 6. Восстание 2 мая 1808 года в Мадриде. 1814 г.
Источник: <https://www.barcelona-excurs.org/dos-de-mayo/>

Fig. 6. The second of May 1808. 1814.
Source: <https://www.barcelona-excurs.org/dos-de-mayo/>

Вторая картина диптиха сюжетно связана с первой и является ее историческим продолжением, вместе с тем существенно отличается от нее: в работе «Третье мая 1808 года в Мадриде» нет моральной амбивалентности в изображении (здесь четко прослеживается дихотомия *враг – жертва*), а визуализация главного героя представлена как религиозная цитата. В результате художник не только запечатлел мгновение перед казнью, ставшее историческим событием, но и наделил нравственным и героическим характером главных действующих лиц испанского сопротивления и создал образ безымянных палачей, осуществляющих казнь. Так, если лица и позы испанцев прописаны довольно четко, то французские солдаты изображены бегом, они сливаются в одну безликую массу. В результате Ф. Гойа создал новую иконографическую формулу несправедливой казни, где враг – это некто *Другой* и он ассоциируется с абстрактным злом. Такой образ борьбы с безликим врагом впоследствии бу-

чается в том, что все участники на картине показаны как жертвы и как палачи. Это приводит к тому, что у зрителя и художника нет необходимости морально сопереживать кому-либо из героев. Однако важным историческим элементом картины является изображение одного из участников, отсылающего зрителя к образу мамелюка, египетского кавалериста. Символ французской оккупации представлен через образ мамелюка неслучайно, это своеобразная историческая отсылка к вечной борьбе испанцев за свою свободу и самосознание. Благодаря мифологизации сюжета и стереотипному образу врага современное для художника событие передается как звено истории Испании (реконкиста).

Рис. 7. Третье мая 1808 года в Мадриде. 1814 г.
Источник: <https://www.wikiart.org/ru/fransisko-de-goyya/trete-maya-1808-goda-v-madride-1814>

Fig. 7. The third of May 1808. 1814.
Source: <https://www.wikiart.org/ru/fransisko-de-goyya/trete-maya-1808-goda-v-madride-1814>

дет цитироваться у многих художников: в картинах Э. Мане «Расстрел императора Максимилиана» (1867–1869), О. Дикса «Уличный бой» (1927) и П. Пикассо «Резня в Корее» (1951)⁶.

Не меньший интерес вызывают работы, в которых тема этнической или национальной идентичности умышленно не акцентируется, а значит, осуществляется попытка уйти от возможной стереотипизации в изображениях. Стирание идентификационных этнокультурных маркеров в живописи обуславливает создание эффекта космополитичности изображения. Например, салонные критики картины Т. Жерико «Плот “Медузы”», или «Сцена кораблекрушения» (рис. 8), одного из самых популярных произведений романтизма, выражали недовольство: несмотря на узнаваемый сюжет работы, в ней нет явных деталей, которые бы позволяли определить национальную принадлежность жертв, а также время и место самого кораблекрушения [11, с. 51].

⁶Энциклопедия живописи. 799 с.

Рис. 8. Плот «Медузы». 1818–1819 гг.
Источник: https://muzei-mira.com/kartini_francii/355-plot-meduzy-zhan-lui-teodor-zheriko.html
Fig. 8. The Raft of the Medusa. 1818–1819.
Source: https://muzei-mira.com/kartini_francii/355-plot-meduzy-zhan-lui-teodor-zheriko.html

Действительно, картина описывает трагические последствия известного кораблекрушения в истории парусного флота – крушения фрегата «Медуза» в 1816 г.⁷ Художник тщательно подготавливался к написанию картины и, безусловно, не мог просто забыть или не знать, кем были люди, спасающиеся на плоту. Намеренный отказ от отождествления жертв катастрофы с определенной этнической или национальной культурой позволил автору выйти

за пределы истории этого события и сделать своего рода универсального героя, которым мог быть каждый из нас.

Начиная с XX в. в истории живописи появляется множество примеров произведений, в которых художники намеренно уходят от какой-либо детализации или этнокультурной идентификации. Среди таких можно выделить работу французского художника А. Матисса «Танец» (рис. 9).

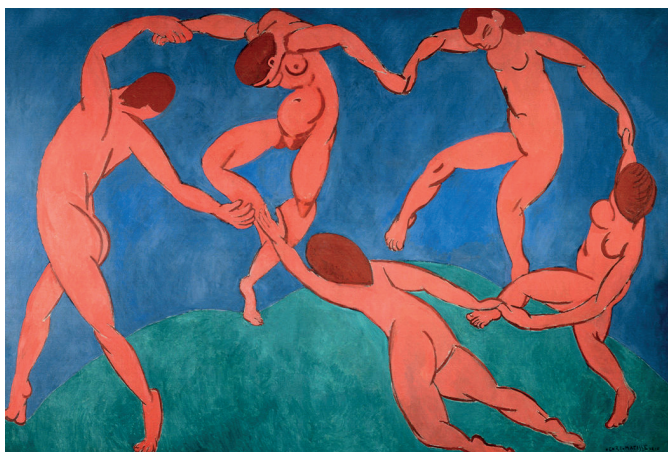

Рис. 9. Танец, 1910 г.
Источник: https://artchive.ru/henrimatisse/works/217362-Tanets_II
Fig. 9. Dance. 1910.
Source: https://artchive.ru/henrimatisse/works/217362-Tanets_II

На картине сочетаются лаконичность и грандиозность идейного замысла: изображенные тела, лишённые явных признаков гендерной, этнокультурной, национальной или расовой принадлежности, символизируют собой танец, создавая эффект перво-

зданности и всеобщности. Отказ от идентификационной детализации и общая отсылка к космополитизму обнаруживаются и в других работах (картины К. С. Малевича «Спортсмены» (1932), М. Пехштейна «Три женщины на фоне пейзажа» (1911) и др.)⁸.

⁷Энциклопедия живописи. 799 с.

⁸Краснова О. Б. Энциклопедия искусства XX века. М. : Олма-пресс, 2002. 352 с.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод о том, что живопись, как своеобразный символический маркер, отражает важнейшие вехи в историко-культурном развитии общества и может послужить инструментом для концептуального осмысления этнокультурной проблематики. Исходя из такого ракурса понимания роли живописи, в настоящей работе также предпринята попытка определить и проанализировать особенности формирования и проявления расовых предрассудков на основе отслеживания визуализации истории рабства в произведениях живописи конца XVIII – середины XIX в.

Трансатлантическая работорговля (середина XVI – середина XIX в.), ставшая частью треугольной торговли между тремя континентами (Европой, Африкой и Вест-Индией или Америкой), до сих пор считается одной из интересных, но сложных тем для исследовательской работы, несмотря на уже существующие многочисленные труды, посвященные данной проблематике [12, с. 35]. Являясь хронологически отдаленным событием, история работорговли сегодня изучается опосредованно: в большей степени это источники, содержащие свидетельства участников, так или иначе причастных к работорговле, и в меньшей степени – самих жертв эксплуатации рабского труда⁹. В данной работе предлагается новый ракурс осмысления поставленного вопроса – исследование истории рабства и расовых предрассудков сквозь призму живописи. Представляя собой крупнейший в истории акт депортации по хронологическому критерию (почти четыре столетия) и по численному масштабу (более 17 млн человек), история работорговли признана одним из самых грубых и тяжелых преступлений против прав человека за всю историю человечества¹⁰. Стоит отметить, что практика колониализма – пример становления протоглобализационных процессов, в рамках которых осуществлялось развитие не только международного рынка и капиталистической системы, но и насильственной ассимиляции многочисленных этносов и людей. Парадоксальность и диалектический характер данного исторического периода заключается в том, что это время стало одновременно этапом развития высоких идеалов гуманизма и правовых отношений между странами Западной Европы, а также этапом распространения и легитимизации работорговли. Впоследствии такие противополож-

ные интенции будут только усиливаться, что можно найти у одного из самых влиятельных мыслителей эпохи Просвещения Дж. Локка. Разрабатывая идеи правового государства и гражданского общества, он являлся крупным инвестором британской работорговли, обосновывая необходимость изъятия земель аборигенов колонистами [13, р. 201].

Если обратиться к миру искусства, то чаще всего изображения трансатлантической рабовладельческой практики анонимны и стереотипны, они содержат документальный характер. Например, работы «Африканские рабы в штате Виргиния» (1670), «Недавно купленные рабы по пути на фермы своих хозяев» (1830), «Осмотр и продажа раба» (1854), «Загрузка черных рабов на судно» (1881) или различные эскизы о захвате и перевозке рабов для их дальнейшей продажи¹¹. Существует множество гравюр и картин, посвященных не только африканской работорговле, но и колонизации индийских племен и последующей демографической катастрофе коренного населения Северной Америки. Для данных работ характерен избыточный натурализм и жестокость изображения. Как известно, в истории трансатлантической работорговли имел место факт законтрактованных слуг, иммигрантов, заключивших кабальные соглашения с судовладельцами и купцами [14, с. 110]. Любопытно, что проанализировать их художественные изображения весьма затруднительно, так как воспроизведение рабского труда белого человека вызывало моральное осуждение.

Авторские работы, освещающие проблему работорговли, связаны преимущественно с критикой самой практики рабовладения и расовых предрассудков (например, иллюстрация У. Блейка «Раб, заживо повешенный за ребра на виселице» (1796))¹². Стоит отметить французского художника Ж.-Б. Дебре, изображающего жизнь чернокожих рабов и индейцев в бразильской колонии первой половины XIX в. (его картины «Домашние рабы в Бразилии» (1820), «Публичная порка раба» (1830), «Негры грузчики» (1830) и «Наказание раба» (1834–1839) послужили важнейшим документальным источником, освещающим быт и условия жизни в Бразилии в первой половине XIX в.)¹³. Французский художник-жанрист Ф.-О. Биара также отражал свое критическое отношение к трансатлантической работорговле (иллюстрации «Работорговля» (1840) и «Отмена рабства» (1849))¹⁴.

⁹Born in slavery: slave narratives from the federal writers' project, 1936 to 1938 // Library of Congress : site. URL: <https://www.loc.gov/collections/slave-narratives-from-the-federal-writers-project-1936-to-1938/about-this-collection/> (date of access: 03.03.2023).

¹⁰Выступления на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, посвященной празднованию 200-летия отмены трансатлантической работорговли: рассказы о рабах из Федерального писательского проекта, 1936–1938 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/632/76/PDF/N0663276.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.03.2023).

¹¹20 августа 1619 года в Северной Америке началась эпоха рабства // Российское историческое сообщество : портал. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/20-avgusta-1619-goda-v-severnoj-amerike-nachalas-epokha-rabstva.html> (дата обращения: 10.03.2023).

¹²Энциклопедия живописи. 799 с.

¹³Там же.

¹⁴Живопись, картины и художники онлайн музея // Галлерикс : сайт. URL: <https://gallerix.ru/> (дата обращения: 01.03.2023).

С середины XVIII в. в общественном сознании постепенно формируется моральное и политическое осуждение практики работорговли. Художественные произведения становятся одним из способов трансляции поддержки движения аболиционистов. В качестве примера можно привести известный медальон, созданный в 1787 г. английским мастером-керамистом Дж. Веджвудом для британской компании против рабства, на котором написано: «Разве я не человек и не брат?» (рис. 10). Примером иллюстрации также может послужить портрет пленного раба, закованного в железные кандалы (рис. 11). Эта картина британского художника Дж. Симпсона была представлена на выставке Королевской академии художеств в Лондоне и вызвала достаточно широкой резонанс: политическая актуальность темы, использование стилистических приемов жанровой живописи (портрет имеет прямую связь с изображением святых или героев) и сам факт изображения раба как центрального и единственного героя (до середины XIX в. практика не была распространена в живописи Западной Европы).

Важно учитывать то обстоятельство, что колониальная политика и сам факт допустимости трансатлантической торговли нуждались не только в своей легитимизации с экономической или политической стороны, но и в морально-этической, культурной и мировоззренческой аргументации практики рабовладения. Одним из аспектов теоретического оправдания рабства стала формирующаяся идеология расизма. Она базируется на представлениях о врожденном биологическом и генетическом неравенстве рас, отражается на уровне антропологических маркеров (цвет кожи, глаз и волос, разрез

глаз и т. д.) и имеет место в сфере культуры, морали и права. Акцентирование внимания на врожденном, а не на приобретенном иерархическом статусе рас, а также на неизменности этого неравенства становится исходной точкой для обоснования непреодолимой детерминированности развития расы биологией и, соответственно, неравномерности историко-культурной эволюции народов. Так, например, в работе графа Ж. А. Гобино «Опыт о неравенстве человеческих рас» можно найти упоминание о принципиальном неравенстве между расами и их ролью в истории: «Этнический вопрос стоит выше всех остальных вопросов истории, и в нем заключается ключ к ее пониманию, что неравенство рас, соперничество которых формирует нацию, исчерпывающим образом объясняет судьбы народов» (цит. по [15, с. 16]). Такая теоретическая установка должна была легитимизировать моральное право для рабовладельческой практики и восприятия другого человека как существа, иерархически находящегося ниже по уровню не только биологического, но и духовного и культурного развития. Это, в свою очередь, может послужить объяснением того, почему практика изображения белых законтракованных слуг не была распространена, ведь если они находились на нижней ступени иерархической экономической лестницы, то это никак не исключало их принадлежности к развитому миру историко-культурных достижений. Художники детализировали изображение рабского труда темнокожего населения и визуализировали расовые предубеждения в многочисленных эскизах и картинах. Интересно отметить, что до распространения аболиционистских настроений и общей критики идеи генотипического детерминизма

Рис. 10. Медальон Дж. Веджвуда против рабства.
Источник: <https://www.lindahall.org/about/news/scientist-of-the-day/josiah-wedgwood/>

Fig. 10. J. Wedgwood anti-slavery medallion.
Source: <https://www.lindahall.org/about/news/scientist-of-the-day/josiah-wedgwood/>

Рис. 11. Пленный раб. 1827 г.
Источник: https://art.wikisort.org/painting/ru/Картина/Пленный_раб

Fig. 11. The captive slave. 1827.
Source: https://art.wikisort.org/painting/ru/Картина/Пленный_раб

расовой идеологии раба изображались с предельной генерализацией и стереотипизацией без детализированной портретной прорисовки. Обобщенный образ раба соответствовал стереотипному восприятию *Другого* в качестве опасного и более низкого по статусу чужого, что можно квалифицировать как явное проявление ксенофобии и этнического шовинизма. Именно в этих обстоятельствах особенно четко понимается значение и уникальность картины Дж. Симпсона «Пленный раб» (1827) с ее стилистическим приемом портретной живописи темнокожего мужчины раба в образе героя.

Критика и научное обоснование несостоятельности доктрины расизма приходится на вторую половину XX в.: научные исследования подтверждают неправомерность расизма как идеологии, артикулируется недопустимость расистских представлений с позиции как доказательной науки, так и морали и права [15, с. 36]. Исходя из данной призмы оценивания, можно заново увидеть картины, в которых тема расовой или этнической идентификации героев осознанно не подчеркнута, а главные герои изображаются с точки зрения равного по статусу и универсального *Другого*, вне зависимости от его биологического происхождения. Более того, искусство конца XX в., в том числе живопись, показывает общее настроение глобализационных изменений, формирования толерантного транскультурного пространства свободы и принятия инаковости.

Таким образом, на основании понимания живописи как своеобразного символического инструмента, отражающего историческую действительность и ее духовно-мировоззренческие представления, в работе был осуществлен концептуальный анализ картин, в которых затрагиваются не только темы этнической стереотипизации, но и вопросы этноконфликтов, расовых предрассудков, этнофобии, а также работ, где

тема этничности не акцентируется. Было выявлено, что для произведений, визуализирующих и описывающих этнические конфликтные ситуации, характерны элементы этнической стереотипизации, ксенофобии и отсылки к *Другому* как мифологизированному врагу. При этом в произведениях, где намеренно редуцируется тема этничности, можно обнаружить альтернативный образ обобщенного *Другого* как равного. При осуществлении комплексного межпредметного исследования можно говорить о его практической целесообразности: посредством мира искусства выявляются, анализируются и формируются представления об особенностях этнокультурной общности, специфике взаимодействия и исторических событиях, а также конструируется желаемый образ своей этнокультурной общности и образ *Другого*. Живопись, как своеобразный маркер, способна символически отражать уникальный портрет этнической культуры, быта и общности, а также особенности концептуального восприятия и осмысления различных этнокультурных событий. В художественных произведениях сквозь призму субъективного восприятия самого художника транслируется запечатленный визуальный образ происходящего. И эта субъективность взгляда играет важную роль в понимании оцениваемых событий или феноменов зрителем, так как она не просто отражает механическое воспроизведение объекта, а создает целый художественный дискурс, наполненный личными переживаниями и смыслами, а также особенностями социокультурного и исторического контекста времени и места. По этой причине картина может «говорить» со зрителем, передавая вложенные в нее автором архетипичные представления о прекрасном или безобразном, свойственные определенной этнокультурной общности, или идейный замысел.

Библиографические ссылки

1. Курбачёва ОВ. Историко-философское осмысление сущности и роли этнических стереотипов в современном мире. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2022;4:53–62. DOI: 10.33581/2520-6338-2022-4-53-62.
2. Мельник К. Создатель времени: памяти народного художника Беларуси Михаила Савицкого. *Беларуская думка*. 2010;11:170–176.
3. Аполлонов ИА, Тарба ИД. Проблема этнокультурных оснований исторического сознания в эпоху глобализации. *Вопросы философии*. 2020;8:54–63. EDN: CPLLWC.
4. Бердяев НА. *Судьба России*. Шкода ВВ, составитель. Москва: Эксмо-пресс; 2001. 734 с.
5. Kurpiak W. *Częstochowska Hodegetria*. Częstochowa: Paulinianum; 2020. 560 s.
6. Светляков КА. Художественные практики Виталия Комара и Александра Меламиды: от производства к медиа. В: Мальцева СВ, Станюкевич-Денисова ЕЮ, редакторы. *Актуальные проблемы теории и истории искусства. Выпуск 8. Материалы 7-й Международной конференции; 11–15 октября 2016 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2018. с. 758–778.
7. Саид ЭВ. *Ориентализм*. Москва: Гараж; 2021. 560 с.
8. Millman R. The Bulgarian massacres reconsidered. *The Slavonic and East European Review*. 1980;58(2):218–231.
9. Gladstone WE. *Bulgarian horrors and the question of the East*. London: J. Murray; 1876. 56 p.
10. Buturovic A, Schick IC, editors. *Women in the Ottoman Balkans: gender, culture and history*. New York: I. B. Tauris; 2007. 376 p.
11. Барнс Дж. *Открой глаза*. Бабков В, Борисенко А, Горянина Д, Давыдова М, Мокин И, Савиных А и др., переводчики. Санкт-Петербург: Азбука; 2020. От катастрофы к искусству; с. 19–53.
12. Шкляж ИМ. *Йоханнес ван дер Кемп: у истоков борьбы против расизма в Южной Африке*. Москва: Наука; 1991. 112 с.

13. Glusser W. Three approaches to Locke and the Slave trade. *Journal of the History of Ideas*. 1990;51(2):199–216.
14. Абрамова СЮ. *Африка: четыре столетия работорговли*. Москва: Наука; 1992. 293 с.
15. де Гобино ЖА. *Опыт о неравенстве человеческих рас*. Москва: Одиссей; 2001. 764 с.
16. Курбачёва ОВ. Идеология расизма: сущность, становление и трансформация в современных условиях. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2021;1:31–38.

References

1. Kurbacheva OV. Historical and philosophical understanding of the essence and role of ethnic stereotypes in the modern world. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2022;4:53–62. Russian. DOI: 10.33581/2520-6338-2022-4-53-62.
2. Melnik K. [Creator of time: in memory of the people's artist of Belarus Mikhail Savitsky]. *Belaruskaja dumka*. 2010;11:170–176. Russian.
3. Apollonov IA, Tarba ID. The problem of ethnocultural foundations of historical consciousness of the person in the era of globalization. *Voprosy filosofii*. 2020;8:54–63. Russian. EDN: CPLLWC.
4. Berdyaev NA. *Sud'ba Rossii* [The fate of Russia]. Shkoda VV, compiler. Moscow: Eksmo-press; 2001. 734 p. Russian.
5. Kurpik W. *Częstochowska Hodegetria*. Częstochowa: Paulinianum; 2020. 560 s.
6. Svetlyakov KA. [Artistic practices of Vitaly Komar and Alexander Melamid: from production to media]. In: Mal'tseva SV, Stanyukevich-Denisova EYu, editors. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva. Vypusk 8. Materialy 7-i Mezhdunarodnoi konferentsii; 11–15 oktyabrya 2016 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Current problems of theory and history of art. Issue 8. Proceedings of the 7th International conference; 2016 October 11–15; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: St. Petersburg University; 2018. p. 758–778. Russian.
7. Said EV. *Orientalizm* [Orientalism]. Moscow: Garazh; 2021. 560 p. Russian.
8. Millman R. The Bulgarian massacres reconsidered. *The Slavonic and East European Review*. 1980;58(2):218–231.
9. Gladstone WE. *Bulgarian horrors and the question of the East*. London: J. Murray; 1876. 56 p.
10. Buturovic A, Schick IC, editors. *Women in the Ottoman Balkans: gender, culture and history*. New York: I. B. Tauris; 2007. 376 p.
11. Barnes J. *Otkroi glaza* [Open your eyes]. Babkov V, Borisenko A, Goryanina D, Davydova M, Mokin I, Savinykh A, et al., translators. Saint Petersburg: Azbuka; 2020. [From disaster to art]; p. 19–53. Russian.
12. Shklyazh IM. *Iokhannes van der Kemp: u istokov bor'by protiv rasizma v Yuzhnoi Afrike* [Johannes van der Kemp. At the origins of the fight against racism in South Africa]. Moscow: Nauka; 1991. 112 p. Russian.
13. Glusser W. Three approaches to Locke and the Slave trade. *Journal of the History of Ideas*. 1990;51(2):199–216.
14. Abramova SYu. *Afrika: chetyre stoletiya rabotorgovli* [Africa: four centuries of the slave trade]. Moscow: Nauka; 1992. 293 p. Russian.
15. de Gobineau JA. *Opyt o neravenstve chelovecheskikh ras* [Experience on the inequality of human races]. Moscow: Odissei; 2001. 764 p. Russian.
16. Kurbacheva OV. The ideology of racism: essence, formation and transformation in modern conditions. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2021;1:31–38. Russian.

Статья поступила в редколлегию 11.11.2023.
Received by editorial board 11.11.2023.

ПРОБЛЕМА НЕКОНТРАФАКТНОСТИ Д. ПАРФИТА

Х. ХОДАДАДИ¹⁾¹⁾Манитобский университет, Канцелярский круг, 66, R3T 2N2, г. Виннипег, Канада

Долгосрочной проблемой, беспокоящей многих философов, является ответственность человека перед будущими поколениями. Д. Парфит выдвинул один из философских аргументов, согласно которому настоящие люди не могут быть привлечены к ответственности за вред, причиненный их действиями. Будущие люди, пока они не родились, не могут жаловаться на возможную катастрофическую ситуацию, возникшую из-за общества, которое живет сейчас, потому что субъект-субъектные долговые отношения могут быть только между определенными и существующими людьми. Контринтуитивная идея Д. Парфита была оспорена философами. Э. Ригли предпринял попытку предложить решение проблемы неконтрафактности, опираясь на метафизику модальности Д. Льюиса. Аргументировано, почему предложение Э. Ригли не может решить проблемы о несуществующих людях, выдвинутые Д. Парфитом.

Ключевые слова: Д. Парфит; Д. Льюис; модальность; идентичность; неидентичность.

D. PARFIT'S NON-IDENTITY PROBLEM

H. KHODADADI^a^aUniversity of Manitoba, 66 Chancellors Circle, Winnipeg R3T 2N2, Canada

One of the longstanding issues that haunted the minds of many philosophers is our responsibility toward future generations. D. Parfit put forward one of the philosophical arguments that real people cannot be held accountable for the harm caused by their actions. Future people, as long as they have a decent life, cannot complain about a possible catastrophic situation created by the society that lives now, because subject-subject debt relationship can only exist between certain and existing people. D. Parfit's counterintuitive idea has been challenged by philosophers. In recent literature A. Wrigley sets out to provide a solution to the problem of nonidentity drawing on the D. Lewis's metaphysics of modality. It is reasoned why the proposal of A. Wrigley cannot solve the problems about non-existent people advanced by D. Parfit.

Keywords: D. Parfit; D. Lewis; modality; identity; non-identity.

Introduction

One of the longstanding issues that haunted the minds of many philosophers is our responsibility toward future generations. This problem concerns the duties that a certain individual has towards other people that hasn't been born yet but whenever they come into existence they would be affected by our actions that are done in advance. In this case, the outcomes of the action keep influencing subsequent generations whether the

original person is alive or dead in the time as long as the action continues exerting its impact on future people.

However, our crude intuition tells us that we owe many tasks toward next generations, this seemingly obvious common-sense view has been disputed seriously and now is a matter of controversy. On the one hand, this view can be questioned based on the assumption that the object of right is missing in the future and

Образец цитирования:

Ходадади Х. Проблема неконтрафактности Д. Парфита. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2024;1:41–46 (на англ.). EDN: KWIGQX

For citation:

Khodadadi H. D. Parfit's non-identity problem. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2024; 1:41–46. EDN: KWIGQX

Автор:

Хоссейн Ходадади – аспирант кафедры философии факультета философии. Научный руководитель – кандидат философских и религиозных наук, доцент Р. Ардакани.

Author:

Hossein Khodadadi, postgraduate student at the department of philosophy, faculty of philosophy. khodadah@myumanitoba.ca

consequently the rights of future people for the resources that are no longer existent is unjustifiable because this right can in no way be satisfied. On the other hand, sometimes the nonexistence of right-holder at the time of doing an action is the reason for our suspicion as to his rightfulness.

Among others, one of the philosophical arguments that most forcefully challenged the intuitively accepted responsibility toward nonexistent people has been developed by D. Parfit [1]. According to this argument, the presently existent people cannot be held responsible for harms that are caused by their actions. The reason that future people, so long as they have a life worth living, are not morally allowed to complain about their disastrous situation to harmdoer is that right-duty relation can hold merely between determinate and existent people. D. Parfit offers the following scenario to shed the light on his argument: «Wilma learns that if she conceives right away, her child is going to be born with an incurable disease. The disease would render his life just barely worth living. Wilma also learns that if she takes a pill each day for two months before conceiving, then her child will be perfectly healthy and have a much happier life. Wilma considers that option a bit too inconvenient, and conceives right away» [2, p. 825].

D. Parfit interrogates this scenario carefully and comes to the conclusion that in cases in which someone like parents is both responsible for the existence and harming their children, their children are not permitted to complain to their parents about the harm. Simply put, he thinks that what is bad must be bad for someone [1, p. 363] and indeterminacy of the affected person does not satisfy this condition. His argument is briefly organised in three stages:

- if we define harm as an action that makes someone worse off than they otherwise would have been, Wilma has not harmed her child and as a result her baby has not wronged his child either;
- if Wilma's action does not wrong anyone, then it is morally permissible;
- Wilma's action is morally permissible.

As to this argument, an explanatory remark is due. In second premise, the reason that Wilma does not harm anyone is that indeterminate being cannot be harmed. This view heavily draws on the assumption that there should be an actual correlation between right and responsibility and when such an actual correlation is lacking, there is no moral obligation. For example, when either side of this correlation is nonexistent, there is neither right nor responsibility. In other words, not only the currently existent person cannot be held responsible towards a contingent future guy, but also the future

person is not permitted to bring complaint against his predecessor (predecessors). Take note that in this position, the mere causal link between two individuals is not sufficient to maintain a moral relation between them and we need an actual correlation between them.

According to this argument Wilma's action and her avoiding to take a pill is justified because the identity of the child is indeterminate in pre-conception phase. But one may surmise that the child in question can be viewed as a *de dicto* entity rather than a *de re* one. In *de dicto* modality, necessity and contingency are attributes of propositions and in *de re* modality the thing that exemplifies necessity and contingency is of import. For example, the concept of «the president of the USA» is *de dicto* that can be filled by many references, but the concept of «Joe Biden» is used as *de re* and signifies a determinate person [3, p. 135].

Regarding someone in *de re* sense is a way that leads us to the problem of non-identity, however, when the child is considered as an entity than satisfies a role of child, i. e., in *de dicto* sense, the problem of non-identity seems to be avoidable. The reason is that Wilma should be held in principle responsible toward anyone who will fill the position of her child. In other words, the filler of the role of Wilma's child is worse off than he would have been if Wilma refuse to take the pill. But this revision makes the problem even worse as in this occasion the proposition is excessively binding and may bring about counterintuitive moral obligations. Consider following example. A parent, call it John, is going to adopt a child from orphanage. There are two possible children available for him to adopt. The first one is disabled and the second one is sound and healthy. For the first child there is no volunteer parent for adoption, but the second child is highly demanded. If John adopt the second child, he has made the first child worse off and has harmed him, noticing that the first child can fill the role of John's child as a *de dicto* entity but he has been left in the asylum alone. Therefore, the *de dicto* suggestion can help no better.

Solutions that were suggested for nonidentity problem are varied but a host of them target at the depersonalisation of the problem. For example, in many alternative expositions the right is attributed to social roles [4, p. 175] or type of humanity of which particular individuals are just tokens [5, p. 826]. They respond to nonidentity problem through removing persons as right-holders and substituting them with collective entities, which is different from the viewpoint that is adopted here. In the current essay, we are approaching the problem of nonidentity from a modal point of view and try to examine this solution from different aspects and discover its promises and pitfalls.

Modal solution to nonidentity problem

To begin, we should take note that D. Parfit's view rests on two presuppositions:

- the temporal claim: the timing of our conception was necessarily determinative of our personal identities as

they currently stand and we would therefore not exist had we not been conceived when we were actually conceived;

- the genetic claim: our exact genome is necessarily determinative of our personal identities and we

could therefore not exist possessing a different genome [6, p. 364–365].

The genetic claim draws heavily on Kripkean account of essentialism that ties the identity or essence of a person with the original ovum and sperm from which he has been developed. It seems that temporal constraint is also related to this basic claim as in every month woman's ovum is replaced with new one and the child that is conceived thereby would be different in periods more than a month. Thereupon if Wilma waits for one month or more and take the pill and then conceives, the child would have different identity. In this way, for D. Parfit, responsibility toward a nonexistent and non-actual individual is ruled out, as there is no way to determine the identity of right-holder (child to be born) and there is no way to attribute any right to indeterminate person. This account reflects Kripkean modal view that requires the person in question to have the exact same genetic origin in order to be deemed as an identical person.

In recent literature, A. Wrigley [7; 8] sets out to provide a solution to the problem of nonidentity drawing on the D. Lewis's metaphysics of modality¹. In this connection, the first step is to withdraw from genetic essentialism and embrace Lewisian modality that lies on objective similarity relations between counterparts [7, p. 512]. In previous model all persons in possible worlds have a same genetic constitution, but in the modal revision there are multiple counterparts for the person in many possible worlds that share some fundamental properties other than the exact genetic constitution. Thereupon first of all we should revise our view about what constitute human identity. This revision may help us to justifiably hold that the actually harmed and possibly unharmed child (or child to be born) are identical and the harmed children is rightful to raise complaint against his parents.

In the metaphysics of possible worlds, the question is to specify the necessary and possible properties of a man in a way that they are dependent on the man's status in every possible world. Necessary properties consist of those which are attributed to the child in all possible worlds where he exists and possible properties consist of those which are attributed to the child in at least one possible world where he exists. Apart from this, in modality all the possible worlds are actually existent in the present. To say, possible worlds represent different ways that the world can be actual and all of them are literally actual but in their own way. A. Hashemi notes: «Lewisian possible worlds are totally isolated and non-overlapping. At first glance, it seems that Lewis's theory is unable to explain the truth and falsity of de re modal sentences accurately because no individual exists in more than one world, as there is no spatiotemporal relation between the worlds; furthermore, all the denizens of

these worlds are world-bound. Lewisian account of a de re claim, however, does not require that things have to travel across worlds, but rather, that there are counterparts of actual individuals in other possible worlds that bear the burden of de re modalities. An object is someone or something's counterpart if it is conspicuously similar to it. Thus, in Lewisian terms, saying Socrates is contingently a philosopher means that there is a possible world (W1) in which Socrates' counterpart – the most similar person to Socrates in W1 – is not a philosopher» [3, p. 22].

This being said, one could ask: «Could I legitimately make the claim that I might never have had a congenital condition that causes deafness (assuming I actually have such a condition)?» [8, p. 511]. Wrigley thinks that instead of defining essence of human in terms of sperm and ovum, we can define identity of an individual according to the multiple counterparts in different possible worlds that share a possible maximum of their properties: «One can expect the context to be such that the relevant counterparts are those who have parents who are counterparts to one's actual parents. We may further restrict our context to range across only those possible worlds where there are smaller and smaller variations in genetic heritage, for example same parents, same egg, same timing of conception, but sperm differing by some minor chromosome change» [7, p. 515]

The counterparts differ in some minor chromosomes and what is considered a harm is initiated from genetic disorder which is the foreseen or intended result of a deliberate selection of genetic material². This harm can be properly avoided by selecting a different set of gametes and consequently there is a possible world where the counterpart of actual child is similar to him in all respects except that he has no genetic disorder [8, p. 516–517].

In this version of modal account, the comparison of the disabled child with the case in which he would be medically treated in pre-conception phase is smoothly legitimate and he can lay charges against his parents for the preventable genetic disorder. Put differently, there is a conceivable species-typical range that determines the normal level of welfare for every newborn child. If a child falls below this threshold, his parents are responsible for those congenital genetic illnesses that could be resolved if the parents take a measure to modify child's genetic traits.

It may contend that Wilma's child may be worse off in other possible worlds because of other disorders that make him far more disabled than his current status as a blind child. In other words, the average species-typical range that determines the normal level of welfare in all the possible worlds is determined based on the counterparts³ who can be inflicted by diversity of disorders

¹For detail review of D. Lewis's account of modality and counterpart theory see in [3, p. 2].

²A. Wrigley has changed D. Parfit's scenario a little bit and instead of dealing with taking the pill, talks mainly about genetic modification. According to the author of this article, this change makes no difference to nonidentity problem.

³This issue will be discussed in detail in the third critique of modal account.

that are more harmful than blindness. According to the author of this article, this critique is valid because the only way to define the minimum of core properties that a person is rightful to have, is an induction from all possible worlds and forming a concept of normal person that can perform some basic functions lead to a form of essentialism that goes against modality.

Another ostensible flaw of modal solution, that is visible at first sight, is its wide scope that can accommodate many insignificant afflictions as harm. For exam-

ple, one person can lay charges against his parents for not manipulating his genetic constitution so that he would be a genius scientist or an exceptionally beautiful actress. A. Wrigley averts this critique by making a distinction between harm and failure to benefit. The aim of pre-selection of genetic traits is not turning an ordinary man to a superhuman with abilities that are remarkably above normal people, rather to keep him within the species-typical range of biological functioning [8, p. 520].

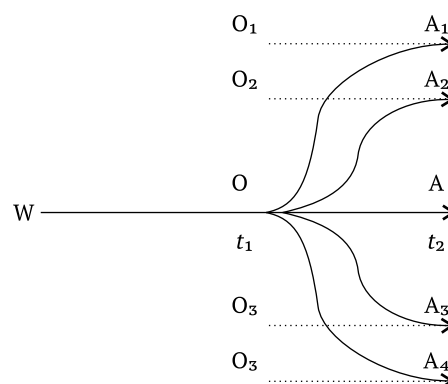
First critique of modal account

A. Wrigley's response to D. Parfit was in its own turn countered by A. S. Campos [9]. His critical remark on modal view hinges chiefly on the right of possible future persons in present world. To illustrate his view, the following definitions are used: O – duty, A – right holder, B – duty bearer, R – right.

Based on this, B is supposed to perform X (the object of R) at one time (t_1) and A at another point in time (t_2) is entitled to holding a right whose object is similar to X. Owing to asynchrony of A and B, we are faced with the following problem: «In cases in which B does not exist at t_2 and in which A does not exist at t_1 , can R exist at t_1 and, if so, is it actually the same right held by A at t_2 ?» [9, p. 630]. In the A. Wrigley's modal account R exists similarly at t_1 and t_2 , but A is conditional at t_1 and actual at t_2 .

In the modal account there is a correlation between duty and right at t_1 and t_2 . But A. S. Campos invites us to imagine a case in which there's no overlap between A and B, that is, at t_1 , A is only possible whereas at t_2 , B is non-existent. At t_1 O's correlative is a right R_1 , and at t_2 the right-holder A has a right R_2 . A. S. Campos contends that at t_1 , R_2 cannot be satisfied and at t_2 , R_1 cannot be satisfied, therefore the identity of R_1 and R_2 is undermined and B cannot satisfy A's right at t_1 [9, p. 632].

Drawing on this observation, A. S. Campos argues against A. Wrigley's attempt to avoid nonidentity problem. He is inclined to offer a modal reconstruction of D. Parfit's problem in terms of future and persons living in future. Assuming modal framework, at t_1 we have actual world and there are several possible future worlds at t_2 . In one of these possible worlds, A exists at t_2 and in the remaining other possible worlds, counterparts of A (A_1, A_2, A_3 and A_4) exist at t_2 . In this way the nonexistence that lies at the bottom of nonidentity problem is overcome.

Several possible worlds with different futures

As we can see, in the time interval between t_1 and t_2 there are several possible worlds with different future and past. Supposing that t_1 is the time when Wilma is hesitating for making a decision about conceiving her child and t_2 is the time when the child is born. Each of these conceivable children, that are counterparts of actual child, have a right and there is a correlative duty that the parent B owe to her child in that possible world. Therefore, there are rights R_1, R_2, R_3 and R_4 with their respective duties O_1, O_2, O_3 and O_4 . These duties and rights do not exist in the same present world but in counterpart worlds and this hampers the comparison between actual world and possible worlds in terms of rights and duties. In other words, each possible world has its own duty-right correlation which is dependent on the context of possible world in which counterparts of A appear and «it makes no sense to compare existent future rights whose correlative duties do not belong to the same world» [9, p. 635]. This conclusion frustrates any attempt to hold parents responsible toward their possible future children.

Second critique of modal account

According to the author of this article, modal responses to nonidentity problem can also be countered via a classic challenge of modality known as Humphrey objection. This objection revolves around counterpart theory and declares that modality ends up with accepting the truth-conditions of statements that are about possible individuals and this is plainly counterintui-

tive. Suppose the following scenario which is framed by S. A. Kripke: «Thus if we say “Humphrey might have won the election (if only he had done such-and-such)”, we are not talking about something that might have happened to Humphrey but to someone else, a “counterpart”. Probably, however, Humphrey could not care less whether someone else, no matter how much

resembling him, would have been victorious in another possible world. Thus, Lewis's view seems to me even more bizarre than the usual notions of transworld identification that it replaces» [10, p. 45].

The point that is raised by S. A. Kripke is that the possibility of winning is not tantamount to having a winning counterpart. In modal framework, when Humphrey worries about winning the election, he is actually worrying about some other person, a counterpart, not himself. In a similar vein, we can rule out the suggested modal solutions, because the judgments that were made about child's counterparts in other possible worlds are at the end of the day judgments about someone else, rather than the actual harmed child. In other words, the proposition that «Wilma's child could have been healthy» is made true by someone completely isolated from the deaf child and is albeit similar to him in most respects. Against this approach, S. A. Kripke holds that the health and the disability of counterparts are unrelated and counterparts should be treated as separate individuals.

According to the author of this article, in applying Humphrey objection to nonidentity problem we come to

a conclusion that is closely related to Campos' critique. That is because S. A. Kripke's point that the moral judgments cannot be applied to a right-holder and its counterparts in a same meaning is similar to A. S. Campos' view that the rights in different possible worlds are not the same. However, in S. A. Kripke the emphasis lies primarily on the essence of right-holder, while A. S. Campos is mainly concerned about the time interval between right-holder and duty-bearer and their correlation.

Briefly speaking, Kripkean objection implies that in modal response, the identity condition is not revised, but distorted in an odd way. For example, in A. Wrigley's paper, the identity is considered as a property which is shared among many counterparts and all of the counterparts are existent in their own way in different worlds. For sure, such a weird view about identity is hardly plausible. So, according to Kripkean essentialism, moral judgments cannot be attributed to counterparts equally and counterparts cannot be treated as one individual. Therefore, Wilma is not responsible for her inflicting harm on an indeterminate child.

Third critique of modal account

Lewisian modality is a way for reducing modal properties such as possibility and necessity to the ways a being can exist. A proposition is necessary if it is true in all possible worlds, and possible if it is true in at least one. In this way, all modifications of beings, regardless of their modal status, have existence. But when we are going to apply modal theory to evaluate a moral problem, we should take note of some further considerations besides metaphysical explanations.

In D. Parfit's scenario, the nonidentity problem emerges from the assumption that we can talk about harming or wronging someone if he exists and a nonexistent individual has no right to lay claim to those benefits that were withheld of him. In modal terms, only in those possible worlds where a person exists, things have value for him. However, the question of values gets more complicated in the modal framework: «What makes a property valuable for a person?» According to what was said, if someone exists in none of the possible worlds, nothing would be valuable for him. But if the person exists in one or more possible world (worlds), the states of affairs and properties are possibly valuable for him, but in spite of this, we cannot determine which property or state of affair is good or bad for him in modal term.

According to the appraisal of the author of this article, the normative framework should also be revised alongside the change of ontological framework to that of possible worlds. The problem with modal responses to D. Parfit is that they presuppose a same set of values that is agreed on in our actual world and extend it to the modal account. However, we cannot extend our moral valuations to possible counterparts in other pos-

sible worlds and say that in all possible worlds he has a right to benefit from same values that are necessary for his well-being in our actual world. This line of thought is untenable, because values that are considered necessary are derived from the actual world that proceeds in a regular order and for the most part is constant and this constancy and habitual order is the basis of our moral values. However, if we spouse modal realism and conceive of the world as if every possible property of it can exist otherwise in another world, our normative framework and values should be adapted to this new ontology.

Put differently, modal opponents of D. Parfit, arbitrarily keep some properties fixed and change others to explain the harm and benefit in possible worlds but do not give any reason for what makes a right necessary for the person in all possible worlds, considering lots of other possible ways of imagining the world that are overlooked in their account. The developers of modal response to D. Parfit consider a case in which the person in question exists in all possible worlds and all the states of affairs are kept fixed with the exception of the capacity of vision that is lacking for that person in one possible world. But depending on different scenarios in which some properties are fixed and some others are changed, there would be different concepts of harm and benefit. Therefore, modal realists are not allowed to borrow their moral valuations from intuitions that are drawn from ordinary ontology. To avoid moral relativity among multitude of worlds, they should give their own account of what makes an act morally necessary that should be appreciated as an essential right of human being in all possible worlds.

For example, in our actual setting, parents have a duty to vaccinate their newborn baby against Hepatitis B infection. Imagine that in another possible world the main causes of Hepatitis B infection, i. e. unprotected sex and sharing needles, are absent and the probability of getting infected by this virus is zero. When there is no pos-

sibility of getting harmed by parents' doing, the child's right has not been violated in the possible world in question. For this reason, the moral system for a set of possible worlds is more complex than positing moral rules for single actual world and we need to make revisions in our moral system to make it compatible with modal ontology.

References

1. Parfit D. *Reasons and persons*. Oxford: Oxford University Press; 1984. 543 p.
2. Wrigley A. Harm to future persons: non-identity problems and counterpart solutions. *Ethical Theory and Moral Practice*. 2012;15(2):175–190. DOI: 10.1007/s10677-011-9280-0.
3. Wrigley A. Genetic selection and modal harms. *The Monist*. 2006;89(4):505–525. DOI: 10.2307/27904004.
4. Johansson J. The subject of harm in non-identity cases. *Ethical Theory and Moral Practice*. 2010;22:825–839. DOI: 10.1007/s10677-018-9933-3.
5. Hashemi A. Quine and Aristotelian essentialism. *Logical Studies*. 2012;4(1):129–144.
6. Baier A. The rights of past and future persons. In: Partridge E, editor. *Responsibilities to future generations: environmental ethics*. New York: Prometheus books; 1981. p. 171–183.
7. Fieser J. The correlativity of duties and rights. *International Journal of Applied Philosophy*. 1992;7:1–8.
8. Williams NJ. Possible persons and the problem of prenatal harm. *Journal of Ethics*. 2013;17(4):355–385. DOI: 10.1007/s10892-013-9149-7.
9. Campos AS. The rights of future persons under attack: correlativity in the non-identity problem. *Philosophia*. 2019; 47(3):625–648. DOI: 10.1007/s11406-018-0022-6.
10. Kripke SA. *Naming and necessity*. Cambridge, MA: Harvard University Press; 1980. 192 p.

Received by editorial board 29.10.2023.

ШПЕНГЛЕРОВСКИЙ РЕНЕССАНС И КОНЦЕПЦИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Я. А. ЯГЕЛО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Немецкий философ О. Шпенглер остается неоднозначной фигурой в научном сообществе. До сих пор сохраняется вариативность в восприятии его творчества, в том числе концепции морфологии мировой истории. Представлена реконструкция данной концепции с учетом ее основных смысловых акцентаций, необычного стиля и дивергенции в ее оценках. Рассмотрен и утвержден феномен шпенглеровского ренессанса. Особый интерес вызывает возрождение мыслей немецкого философа в новом междисциплинарном направлении историко-социальных и глобальных исследований – глобальной истории. Предпринята попытка репрезентативно представить понятие «глобальная история». Отмечены методологические и концептуальные особенности нового направления, а также выявлена его методологическая корреляция с макроисторической концепцией Шпенглера. Утверждена и обоснована актуализация концепции морфологии мировой истории в рамках глобальной истории, что позволяет говорить о ее потенциале в данном исследовательском направлении.

Ключевые слова: глобальная история; мировая история; цивилизация; шпенглеровский ренессанс; О. Шпенглер; концепция морфологии мировой истории; «Закат Европы».

SPENGLER RENAISSANCE AND THE CONCEPT OF GLOBAL HISTORY

Ya. A. YAHELA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

German philosopher O. Spengler remains an ambiguous figure in the academic community. There is still great divergence in the perception of his work, including his concept of the «morphology of world history». The article presents a reconstruction of the concept taking into account its main meaning and implications, unusual style and substantial variations in its assessment. It is claimed that a Spengler renaissance is currently taking place. Of particular interest is the revival of the German philosopher's thoughts in a new interdisciplinary field of sociohistorical and global studies – global history. The article attempts to properly present the concept of «global history» noting its methodological and conceptual features as well as its methodological correlation with O. Spengler's «morphology of world history». It is asserted that the German philosopher's concept is actualised within the framework of global history, which indicates that it may have potential in this new field of study.

Keywords: global history; world history; civilisation; Spengler renaissance; O. Spengler; concept of world history morphology; «The decline of the West».

Образец цитирования:

Ягело ЯА. Шпенглеровский ренессанс и концепция глобальной истории. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;1:47–58. EDN: OADEYB

For citation:

Yahela YaA. Spengler renaissance and the concept of global history. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;1:47–58. Russian. EDN: OADEYB

Автор:

Яна Александровна Ягело – аспирантка кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А. И. Зеленков.

Author:

Yana A. Yahela, postgraduate student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
yana.krupenia@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0001-6848-8730>

Введение

Современный мир характеризуется перманентной транзитивностью, нестабильностью и кризисным состоянием всех сфер жизни. Процессы глобализации фундаментально меняют современный миропорядок. Человек оказывается потерянным в водовороте событий и информации, он не способен целостно осмыслить происходящее вокруг, утратив былые мировоззренческие ориентиры. В начале XX в. человечество переживало схожий по своему отрицательному воздействию переломный этап. В то время в Германии, потерпевшей поражение в Первой мировой войне, выходит в свет двухтомный труд никому не известного бывшего преподавателя О. Шпенглера «Закат Европы» [1; 2]. Эта работа содержит оригинальную макроисторическую концепцию, оказавшуюся весьма своевременной. Явившись следствием кризисного состояния, написанный труд смог дать ответы на наиболее острые вопросы. Он обрел моментальную популярность, став по меркам тех времен бестселлером. Однако работа была воспринята неоднозначно, академические круги отреагировали весьма холодно. На протяжении десятилетий дискуссии о данной книге то возобновлялись, то вновь затихали. В XXI в. возродился небывалый интерес к творчеству О. Шпенглера. Труд «Закат Европы» называют одним из наиболее влиятельных произведений XX в. Регулярно появляются книги и статьи о немецком философе,

в частности о его макроисторической концепции. Однако многие современные исследователи до сих пор рассматривают концепцию Шпенглера как устаревшую систему, воспринимая автора преимущественно как маргинальную фигуру. Особый интерес вызывает возрождение мыслей О. Шпенглера в новом междисциплинарном направлении историко-социальных и глобальных исследований – глобальной истории. Беспрецедентный интерес к персоне и творчеству философа, неоднозначный статус его работ, а также корреляция его концепции с перспективным направлением исследований обуславливают актуальность темы данной статьи. Целью настоящего исследования является раскрытие, а также обоснование актуализации концепции морфологии мировой истории (*world history*) в рамках глобальной истории. Для достижения цели поставлены следующие задачи: реконструкция концепции морфологии мировой истории с учетом основных смысловых акцентаций, неординарного стиля изложения и дивергенции в ее оценках, выявление феномена шпенглеровского ренессанса, раскрытие и представление смыслового содержания понятия «глобальная история», в том числе основных концептуальных и методологических аспектов, а также выявление методологической корреляции между концепцией Шпенглера и глобальной историей через демонстрацию актуализации концепции в рамках нового направления.

Материалы и методы исследования

Материалы исследования можно условно разделить на три основные категории. В первую входят наиболее значимые академические публикации, посвященные творчеству О. Шпенглера: труд американского профессора Х. С. Хьюза «Освальд Шпенглер: критическая оценка» («Oswald Spengler: a critical estimate») [3], произведение американского исследователя Дж. Фарренкопфа «Пророк упадка: Шпенглер о мировой истории и политике» («Prophet of decline: Spengler on world history and politics») [4], книга доктора философских наук Т. Г. Румянцевой «Освальд Шпенглер» [5], работа доктора политических наук В. В. Афанасьева «Социология политики Освальда Шпенглера» [6] и т. д. Вторая категория включает в себя новые труды о немецком мыслителе: книга, подготовленная на основе докторской диссертации британского исследователя Б. Льюиса «Освальд Шпенглер и политика упадка» («Oswald Spengler and the politics of decline») [7], выпуск журнала «Философский журнал о конфликтах и насилии» («Philosophical Journal of Conflict and Violence»), посвященный О. Шпенглеру [8], статья бразильско-

го историка Д. Перейра «“Темный корень” глобальной истории: вклад Освальда Шпенглера и Арнольда Тойнби» [9] и т. д. Третья категория представлена современной литературой о глобальной истории: книга профессора С. Конрада «Что такое глобальная история?» («What is global history?») [10; 11], одноименная работа американского профессора П. Кроссли [12], сборник статей «Перспективы глобальной истории» («The prospects of global history») [13], монография историка И. Н. Ионова «Мировая история в глобальный век: новое историческое сознание» [14], статья Л. Г. Зимовец «Шпенглер о смысле истории» [15] и т. д.

В качестве основных методов исследования выступают историко-философская реконструкция, позволяющая раскрыть содержание и предпосылки популярности и неоднозначного статуса концепции; описание, применяемое для иллюстрации дивергенции в оценках концепции и раскрытия понятия глобальной истории; компаративный анализ, способствующий выявлению общих концептуальных и методологических признаков макроисторической концепции Шпенглера и глобальной истории.

Результаты и их обсуждение

Работа О. Шпенглера появилась в очень тяжелый для Европы, и особенно Германии, момент. Агадир-

ский кризис, наступивший в 1911 г., стал одним из серии кризисов, которые в итоге привели к Первой

мировой войне. В это время еще никому не известный немецкий мыслитель планировал написать очерк о современной политической ситуации. Размышляя над будущей работой, он почувствовал необходимость обратиться к более широким горизонтам: «Наконец мне стало совершенно ясным, что ни один отдельный отрывок нельзя осветить с должной полнотой, пока не будет обнаружена тайна мировой истории вообще, точнее говоря, тайна истории высшего человечества как органического единства, обладающего определенной структурой» [1, с. 66]. В 1918 г. появился первый том труда «Закат Европы». Через несколько недель книгу начали раскупать, и постепенно она становилась обсуждаемой темой как в кругах широкой публики, так и в среде интеллигенции. Второй том вышел в печать в 1922 г.

В двухтомном произведении «Закат Европы» представлена концепция морфологии мировой истории Шпенглера. В нем центральное место занимает понятие истории, сущность которого раскрывается через ее противопоставление феномену природы, «а они есть два крайних, противоположных способа приводить действительность в систему картины мира» [1, с. 145]. На основе такого противопоставления автор построил ключевые категории и положения концепции. История есть становление, жизнь, а природа – это ставшее. Первое является органическим представлением о мире, совокупностью образов, понимаемых через созерцание. Второе есть механическое представление о мире, система законов, понимаемых через познание. Эти два мирообразования – природа и история – считаются «двумя полюсами целой скалы бесчисленных индивидуальных “миров”» [1, с. 174]. Будучи противоположностями, они существуют в диалектическом единстве: «...нет точной границы, разделяющей два вида восприятия мира. Насколько противоположны становление и ставшее, настолько же неизбежно их совместное присутствие в каждом акте переживания» [1, с. 148]. Различные способы понимания мира О. Шпенглер именовал морфологией. Он выделял морфологию механического и протяженного, которая открывает и приводит «в систему законы природы и причинные связи» [1, с. 153], называемую систематикой, и морфологию органического, истории, жизни и «всего того, что подчинено направлению и судьбе» [1, с. 153], именуемую физиогномикой. Первая базируется на необходимости причины и действия, вторая – на необходимости судьбы. Кроме того, физиогномика является «фактом глубочайшей внутренней достоверности, который направляет мифологическое, религиозное и художественное мышление и составляет ядро и суть всей истории в противоположность природе» [1, с. 9]. Согласно О. Шпенглеру физиогномика – ранее не применявшийся подлинный способ исторического исследования. «Вживание, наблюдение, сравнение, непосредственная внутренняя уверенность, точная чувственная фантазия»

есть средства исторического исследования [1, с. 34]. Основным своим методом О. Шпенглер провозглашал сравнительную морфологию мировой истории, позволяющую раскрыть всемирно-исторические процессы. Немецкий мыслитель нюансировал данный метод, проводя черту различия между аналогией и гомологией: «Биология называет гомологией органов морфологическую равноценность, в противоположность аналогии органов, обозначающей равноценность функций» [1, с. 167]. Исторический метод Шпенглера предполагает именно гомологичность, т. е. стремление к обнаружению сходства формы и структуры.

Согласно немецкому философу культура похожа на живой организм, ее история морфологически сравнима с историей человека, животного или растения. Ее существование заключено в цикл жизни: зарождение, развитие, расцвет и неизбежный упадок. Культура появляется тогда, «когда из первобытно-душевного состояния вечно детского человечества пробуждается и выделяется великая душа» [1, с. 161]. Душа – это внутренняя жизнь и возможность культуры, которая, осуществляясь, делает «доступными восприятию пространственных и осязаемых ее выражений... поступки и настроения, религии и государство, искусство и науки, народы и города, экономические и общественные формы, языки, право, обычаи, характеры, черты лица и одежды» [1, с. 86]. Экономическим основанием культуры в период ее расцвета является сельская жизнь, духовно-мировоззренческое воплощается в богатом мифологическом воображении в виде эпосов и легенд, которые в дальнейшем будут развиты в философской и научной формах. По мере становления культура обретает свойственный только ей прасимвол, он «определяет ее стиль и уклад ее истории, представляющий собой развивающееся экстенсивное осуществление ее интенсивных возможностей» [1, с. 251]. Прасимвол обуславливает физиогномию культуры, «весь язык форм [ее] существования» [1, с. 251], при этом он неосуществим и недоступен определению, представляя собой что-то вроде идеала формы, лежащего в основе отдельных символов культуры. Таким образом, существует единый стиль, прасимвол, являющийся базой всего внешнего разнообразия культуры. В процессе развития в культуре наступает этап непринятия мифологического и религиозного, когда молодой и энергичный городской интеллект отодвигает религию на задний план и отдает приоритет научной форме сознания. Достигая зенита своего развития, культура доводит эту форму сознания до предела, одновременно наблюдается упадок религии и обеднение внутренней жизни человека. Рационализм и просвещение – вот яркие черты ее зрелости. Далее наступает период упадка: «Когда цель достигнута и идея, т. е. все изобилие внутренних возможностей, завершена и осуществлена во внешнем, тогда культура вдруг застывает, отмирает,

ее кровь свертывается, силы ее надламываются – она становится цивилизацией» [1, с. 162]. Данный этап является финальным, знаменующим ее смерть. Как любой живой организм культура ограничена определенным сроком существования, ее жизненный цикл длится примерно одну тысячу лет. История культуры определяется согласно уникальной судьбе, которая есть необходимость жизни. «В идее судьбы открывается взыскание душой мира, ее желание света, возвышения, завершения и осуществления ее назначения» [1, с. 174]. О. Шпенглер выделил восемь существующих великих культур (китайскую, вавилонскую, египетскую, индийскую, античную (западную), арабскую (магическую), западную (фаустовскую), культуру майя) и одну «пробуждающуюся» культуру (русскую). Культуры-организмы проходят неизбежный цикл жизни, который, как и в случае с человеческой жизнью, определяется уникальной судьбой. Культуры могут сосуществовать, соприкасаться, подавлять друг друга, однако при этом являются дискретными и автохтонными. Подлинной преемственности между ними нет. Историческое свершение культур лишено смысла, история в конечном итоге бессмысленна.

О. Шпенглер предложил циклическую модель исторического процесса, отвергающую линейно-прогрессистский и европоцентристский подходы. Философ отрицал существование единой человеческой истории, при этом прибегал к понятиям «всеобщая история» и «общая картина истории», понимая под ними все разнообразие культурных организмов, несмотря на их дискретность и взаимонепроницаемость, в рамках некоего сверхвременного единства [15]. Культуры морфологически схожи между собой. Это подобие позволяет историку освободиться от прежних случайностей и предвзятости в понимании истории, обусловленных его местонахождением. В этом состоит метод Шпенглера, именуемый сравнительной морфологией мировой истории. Немецкий мыслитель стремился «освободить историю от личных предрассудков наблюдателя» [1, с. 144]. Тем самым он считал, что совершает коперниканский переворот, заключающийся в освобождении всемирной истории от гнета и предвзятости европоцентризма и прогрессизма по отношению к историческим траекториям остальных культур. В качестве примера устаревшей птоломеевской системы философ приводил общепринятую даже в настоящее время периодизацию Древний мир – Средние века – Новое время. Согласно автору она демонстрирует «голос несдерживаемого никаким скепсисом тщеславия западноевропейского человека, в уме которого развертывается фантом “всемирная история”» [1, с. 21–22].

О. Шпенглер надеялся на то, что с помощью его метода человек сможет угадывать физиогномический такт культуры, который позволяет не только

реконструировать прошлое, но и предвосхищать вероятное будущее. Применяя морфологический метод в отношении собственной культуры, немецкий мыслитель выдвинул в двухтомном труде один из ключевых тезисов о ее неминуемом закате. Он искусно аргументировал свою точку зрения, проводя параллели с уже исчезнувшей античной культурой. На основе данного сравнения О. Шпенглер описывал вероятное будущее европейской цивилизации. Он обозначал примерные временные рамки цивилизационной стадии западной культуры. Наступление ее финальной (третьей) стадии О. Шпенглер прогнозировал после 2200 г. [1, с. 80]. Следует отметить, что уже многие предсказания О. Шпенглера действительно сбылись: мировые войны, экологические катастрофы, безудержно разрастающиеся гигантские города, все более агрессивные заявляющие о себе расовые конфликты, стремительный упадок культурных норм и т. д.

Труд «Закат Европы» привлекает внимание не только оригинальностью мысли и реальной прогностикой, но и внешней формой изложения. Стиль О. Шпенглера является своеобразным сочетанием научного и художественного. С одной стороны, автор облакает свои мысли в метафорическую и образную формы, характеризующиеся эстетичностью и экспрессивностью. Многозначность и неточность художественного стиля придает гибкости в интерпретации идей концепции. С другой стороны, в работе присутствуют признаки научности: О. Шпенглер стремился обозначить методологические особенности, выделить компоненты исследования (цели, задачи, объект) и определить категориальный аппарат, он добавил таблицы и схемы, призванные систематизировать содержание. Одной из ключевых интенций автора было изложение определенного философского взгляда на исторический процесс, обусловленного новым историческим методом и новой системой знаний. В основу этого взгляда заложен коперниканский переворот, в рамках которого человек осознает «инфицированность» знания, в частности исторического, европоцентризмом. К сожалению, в силу метафизичности и эклектизма рассматриваемого произведения воплотить данное намерение в полной мере не удалось. Согласно многим критикам О. Шпенглера двухтомное издание обладает уязвимым характером, что частично обусловлено спецификой художественного стиля: многие категории оказались лишены точных определений, обладая лишь контекстуальным описанием, а методологические позиции содержат неточности и противоречия, как и некоторые концептуальные элементы. Содержание книги, выраженное зачастую в художественной форме, в то же время фундировано в научных интенциях, призванных убедительно и доказательно обосновать концепцию всемирной истории. Своеобразное стилистическое решение немецкий мыслитель, вероятно,

считал необходимостью: «Однако следует твердо помнить: всякая попытка научно трактовать историю по самой сути дела содержит в себе долю противоречия, поэтому всякое прагматическое историческое описание, как бы высоко оно ни стояло, есть компромисс»; «...история требует поэтического творчества» [1, с. 147]. Рассуждая об основных категориях своей работы, О. Шпенглер отмечал, что «все эти положения лежат в значительной своей части вне пределов доступного истолкованию путем понятий, определений и доказательств и что глубочайший их смысл должен быть раскрыт главным образом путем прочувствования, переживания, созерцания» [1, с. 86]. Необычное диалектическое сочетание художественного и научного стилей соответствует интенции автора отказаться от умерщвляющих форм естественно-научного познания. Несмотря на все недостатки произведения «Закат Европы», немецкий мыслитель все же смог вполне ярко и убедительно обозначить некоторые фундаментальные философско-методологические основания и аспекты, которые сегодня остаются весьма актуальными и социально востребованными.

Совокупность таких факторов, как время появления рассматриваемого труда, содержание и смысл концепции и необычный стиль, обеспечила высокий уровень популярности работы и ее неоднозначный статус. В кругах широкой читающей общественности она получила высокую оценку, а академический мир отнесся к ней преимущественно негативно. В ответ на произведение О. Шпенглера начали появляться труды, которые условно можно разделить на две группы: академическую критику с точки зрения различных дисциплин, пытающуюся указать на несостоятельность концепции, и работы дилетантов и энтузиастов (хвалебные, наивные, эмоциональные). Все, кто писал об О. Шпенглере, сходились лишь в одном: книга «Закат Европы» представляет высокую художественную ценность. Немецкий писатель Т. Манн назвал эту работу литературным великолепием. Однако содержание концепции критиковали. Немецкий философ Т. В. Адорно в своем эссе об О. Шпенглере резюмировал отношение академических кругов к нему следующим образом: «Философы упрекали его в поверхностности, а специалисты – в некомпетентности и шарлатанстве»¹ (цит. по [3, р. 90]). Книгу также критиковали за низкий уровень оригинальности, утверждая, что основные идеи О. Шпенглера уже ранее представлялись другими мыслителями. Итальянский философ Б. Кроче назвал произведение «Закат Европы» повторением того, что было написано два столетия тому назад Дж. Вико [3, р. 94]. Другие критиковали ее за то, что автор лишь умело играл на чувствах своих сограждан. По мнению французского историка Л. Февра, труд О. Шпенглера передает то, что многие хотели:

пафос, детерминированный антиинтеллектуализм и героическое представление о судьбе [3, р. 95]. Казалось бы, в интеллектуальных кругах сформировалось однозначное мнение о концепции немецкого мыслителя. Однако ряд исследователей отмечали, что значительная часть критики носит весьма узкий и ограниченный характер [4, р. 102]. Они либо затрагивали отдельные фрагменты работы, которые касались их предметной области, либо рассматривали более общие идеи с точки зрения «здорового оптимизма», присущего тому времени [3, р. 91]. Т. В. Адорно описал данное явление следующим образом: «...педантичность в деталях, словоохотливый конформистский оптимизм в идее и довольно часто невольная податливость в заверениях, что в итоге не все еще так плохо с нашей культурой, либо софистические приемы подрыва релятивистской позиции Шпенглера путем преувеличения его собственного релятивизма – вот все, что немецкая философия и наука могли противопоставить человеку, который обличал их, как сержант-майор обличает новичка» [16, р. 306]. Немецкий философ М. Шретер и немецкий историк Э. Мейер, высказались, что выявление погрешностей в деталях концепции истории Шпенглера не дает достаточного основания для опровержения «великих фундаментальных идей» автора [4, р. 103]. Немецкий философ Г. Зиммель назвал работу «важнейшей философией истории со времен Гегеля» (цит. по [4, р. 101]).

После смерти О. Шпенглера ярко выраженный интерес к его творчеству пропал, однако на протяжении столетия дискуссии продолжались, пусть и носили более умеренный характер. За это время появились работы, посвященные немецкому философу, которые отразили итоги по прошествию времени с момента выхода в свет неоднозначного труда автора. В 1952 г. появилось одно из первых весомых академических произведений профессора Х. С. Хьюза «Освальд Шпенглер: критическая оценка» [3]. В нем автор представил обстоятельный анализ и критику концепции мыслителя, но резюмировал, что «...на самом деле суть интерпретации О. Шпенглера остается непроверяемой. В ходе окончательного испытания мы обнаружим, что автор “Заката Европы” может совершенно неожиданным образом отомстить своим критикам и конкурентам» [3, р. 159]. В 1977 г. появляется академическая работа немецкого историка К. П. Фишера «История и пророчество: Освальд Шпенглер и “Закат Европы”» («History and prophecy: Oswald Spengler and “The decline of the West”») [17]. Автор не только отмечал состоятельность предсказаний О. Шпенглера, но также подчеркивал, что немецкий философ стал первопроходцем в сравнительном изучении культур, основываясь на биологическом принципе. В 2001 г. появилась книга американского исследователя Дж. Фарренкопфа [4]. Он представил

¹Здесь и далее перевод наш. – Я. Я.

обзор макроисторической и политической мысли О. Шпенглера, сопоставляя ее с современными событиями, свершающимися на рубеже нового века. Дж. Фарренкопф определил концепцию Шпенглера как актуальную и обладающую высоким объяснительным потенциалом. Особое внимание политической мысли немецкого философа уделено в книге британского исследователя Б. Льюиса [7], основанной на его докторской диссертации. В ней актуализируется политическая мысль немецкого философа, автор продемонстрировал то, насколько О. Шпенглер был сведущ в реальной политике (*realpolitik*) и способен своевременно определить наиболее насущные вопросы своего времени и ответить на них. Б. Льюис назвал труд «Закат Европы» одной из наиболее влиятельных книг XX в. [7]. В русскоязычной среде в связи с отрицательным отношением к персоналии и творчеству О. Шпенглера по идеологическим причинам работы, более взвешенно рассматривающие его труды, стали появляться в конце существования или после распада Советского Союза [5; 6; 18], за исключением сборника статей «Освальд Шпенглер и “Закат Европы”» [19]. Следует отметить, что в настоящем исследовании названы лишь основные академические работы. Перечисление огромного количества статей, заметок и отдельных глав книг, посвященных О. Шпенглеру, увеличило бы объем данной статьи. Во многих материалах можно найти весьма критические высказывания, схожие с первичным приемом концепции немецкого философа, однако неутрачивающий интерес к его творчеству свидетельствует об актуальности и неисчерпаемости его концепции. Более того, ее воплотившийся отчасти прогностический потенциал способствует дальнейшему продвижению в различных кругах. Подводя итог оценке восприятия творчества немецкого мыслителя, можно привести слова историка и главы объединения «Общество Освальда Шпенглера» (*The Oswald Spengler Society*) Д. Энгельса: «Консенсус по поводу того, какое место Шпенглер может или должен занимать в нашем стремлении понять историю, еще не достигнут, и хотя нынешняя дискуссия об упадке Запада становится все более оживленной, она также характеризуется рядом все еще несколько монолитных методологических подходов, не желающих идти на контакт и смягчать свои позиции» [20, р. 15].

Когда произведение «Закат Европы» только появилось, безапелляционность и высокая эрудированность автора в изложении своей концепции в сочетании с эклектичностью и превосходным художественным стилем вызвали интерес у широкой публики. Значительным фактором, во многом способствующим высокому уровню популярности произведения, стали турбулентные социокультурные и политико-экономические условия того времени. Несмотря на то что концепция Шпенглера была изначально отвергнута академическими кру-

гами, занимая маргинальную позицию в гуманитарном знании, на протяжении XX в. продолжались умеренные дискуссии вокруг этой концепции, постепенно меняющие отношение к мыслителю. С начала XXI в. популярность творчества О. Шпенглера начала возрастать, что во многом обусловлено современными социально-культурными, геополитическими и экономическими метаморфозами, обретающими на протяжении последних десятилетий отрицательный характер. Во многом обнаруживается сходство текущей мировой ситуации с теми обстоятельствами, которые сложились к моменту выхода книги «Закат Европы». Столетие спустя концепция морфологии мировой истории Шпенглера возрождается с былой силой, в этот раз захватывая умы многих представителей интеллектуальных кругов. Регулярно появляются новые материалы о немецком мыслителе и его наследии. За последние несколько лет опубликован ряд академических работ, включая ранее упомянутую докторскую диссертацию. С 2017 г. по настоящее время активно проводит свою деятельность объединение «Общество Освальда Шпенглера», заключающуюся в изучении работ немецкого философа и исследовании мировой истории. Журнал «Философский журнал о конфликте и насилии» посвятил номер О. Шпенглеру и его главному тезису о закате Европы в 2022 г. [8]. Во вступительном слове выпуска журнала философ Г. М. Свер отмечал, что в академических кругах общепринято рассматривать О. Шпенглера как маргинальную фигуру, считая, что это автор, «которого больше не стоит читать, так как то небольшое, что можно было сказать о его работах, уже было сказано» [8, р. II]. Однако такая точка зрения игнорирует тот факт, что все это время изучение работ О. Шпенглера и их влияние непрерывно возрастают. Более того, в предисловии отмечается стремительно возрастающее количество исследований, посвященных данной теме. Концепцию Шпенглера «сложно принять и невозможно игнорировать» [8, р. III]. Профессор Д. Энгельс, один из основателей названного общества, упомянул, что «в последнее время [произошло] нечто вроде возрождения О. Шпенглера, свидетельством чему служит постоянно растущее количество исследований и конференций» [20, р. 15]. Повышенное внимание к творчеству и личности немецкого мыслителя позволяет говорить о феномене шпенглеровского ренессанса. Его творчество условно разделяется на две основные области интересов, тесно связанные между собой, – политику и философию истории. Феномен ренессанса О. Шпенглера в полной мере отражает эти тематические приоритеты. С одной стороны, немецкий мыслитель вновь обретает актуальность как идеолог так называемой культурной войны, разворачивающейся в западных странах. Его причисляют к традиционным авторам новых правых – реакционеров, отзывающихся на резкие социокультурные перемены,

которые наблюдаются в западных странах, возглавляющих «консервативную революцию» [20–22]. С другой стороны, О. Шпенглер обретает актуальность в качестве мыслителя, внесшего вклад в одну из наиболее востребованных форм историко-социальных исследований – глобальную историю. В настоящей статье приоритет отдан актуализации шпенглеровской мысли именно в рамках данного направления.

Во второй половине XX в. происходит масштабный поворот, который был обусловлен процессами глобализации и способствовал появлению новых направлений исследования во всех областях знаний. Таким направлением в социогуманитарном блоке считается глобальная история, которая в начале XXI в. стала «полем широких междисциплинарных исследований, включающих в себя философскую, социологическую, экономическую, антропологическую проблематику» [23, с. 68]. Данное направление является одним из наиболее быстро развивающихся в США и ряде других англоговорящих стран, более того, оно становится популярно в европейских и азиатских странах. Количество журналов, курсов и мероприятий, посвященных данной теме, неустанно растет [10]. Несмотря на впечатляющий объем материалов, представления о глобальной истории существенно варьируются. Неудивительно, что понятие глобальной истории характеризуется амбивалентностью и полисемантической, обладая весьма широким интерпретационным полем. Нередко в работах, где рассматривается упомянутый феномен, предлагается либо его контекстуальное определение в виде реферативной сборки с отсылками к различным авторам, либо его обобщенное определение, дающее весьма расплывчатое представление о содержании. В труде «Что такое глобальная история?» профессор С. Конрад трактовал глобальную историю как «форму исторического анализа, при котором явления, события и процессы рассматриваются в глобальных контекстах» [11, с. 22]. Отмечая теоретическое разнообразие, которое скрывается под термином «глобальная история», С. Конрад предложил три подхода к пониманию данного направления: глобальная история как история всего, как история связей и как история, основанная на понятии интеграции [11, с. 23]. В книге профессора П. Кроссли глобальная история в общих чертах характеризуется как «любая история, принимающая широкую, масштабную или универсальную перспективу» [12, р. 106]. Профессор А. Станциани в произведении «Европоцентризм и политика глобальной истории» («Eurocentrism and the politics of global history») представил обобщенное понимание глобальной истории как включающей в себя все исторические подходы, не сфокусированные на конкретном культурном регионе или определенной стране, от универсальной истории до компаративной и связанной истории (*connected history*) [24, р. 6].

Терминологическое разнообразие, которое окружает рассматриваемый феномен, дополнительно осложняет попытки его осмысления. В различных дискурсах фигурируют понятия мировой, универсальной, всеобщей и всемирной истории среди прочих, которые могут как синонимизироваться, так и дифференцироваться в зависимости от контекста. В русскоговорящей среде данные термины разграничиваются реже. Они могут использоваться в качестве взаимозаменяемых или очень близких по смыслу к понятию глобальной истории [25; 26]. При этом следует отметить, что существуют отдельные работы, представляющие внушительный реферативный материал о разнообразии трактовок глобальной истории и ее терминологических «родственников» [14; 27]. Однако в англоязычной среде материалов, посвященных данной теме, больше. Пожалуй, наиболее часто встречаемым является различие между мировой историей и глобальной историей. В англоязычной среде мировая история ассоциируется с работами профессора У. Макнилла. Он внес значительный вклад в изменение исследовательских тенденций в историографии, формируя так называемый подход мировой истории (*world history approach*), который предполагал осмысление определенного историко-культурного субъекта с учетом глобального контекста, делая концептуальный упор на взаимодействии, связях и взаимном влиянии как основных факторах исторического процесса. Вскоре после появления работы У. Макнилла «Восхождение Запада: история человеческого сообщества» («The rise of the West») в учреждениях высшего образования США курсы о западной цивилизации обновились и были переименованы в курсы по мировой истории. Однако критики отмечали, что новое направление в итоге продолжало линию европоцентризма, вводя глобальный контекст в историографические исследования для обоснования превосходства Запада над остальным миром, который являлся лишь фоном для описания свершения западной цивилизации [28]. Критические высказывания способствовали эволюции мировой истории в ее современную форму – глобальную историю. Один из основателей американской школы глобальной истории профессор Б. Мазлиш среди ключевых отличий между мировой и глобальной историей отмечал более широкое поле исследований и ярко выраженную междисциплинарность последней. В качестве существенных признаков глобальной истории он выделил новую перспективу исследований, предполагающую «взгляд с космоса» (будто бы мы «находимся за пределами нашей планеты и наблюдаем “космический корабль “Земля”» [29, р. 389]), а также фокус на истории глобализации. Таким образом, мировая история часто рассматривается как предшествующая форма глобальной истории [10; 29]. Продолжая цепочку терминологической преемственности, можно

отметить понятия универсальной, всеобщей или всемирной истории как предшественниц понятия мировой истории [14; 24]. В отличие от последней универсальная история может быть охарактеризована как история, проявляющая более ярко выраженные черты того или иного центризма. Нередко термин «мировая история» также могут использовать в качестве синонима термина «универсальная история». Следует отметить, что приведенная схема дифференциации носит условный характер ввиду многообразия интерпретаций.

Представления о генезисе, целях, задачах и объекте глобальной истории существенно варьируются. Одни ученые связывают возникновение глобальной истории с древними мыслителями, такими как Геродот, усматривая в первых попытках создания всеобщей истории человечества ее прародителя [27; 30; 31], а другие исследователи – с французской школой «Анналов», в частности с Ф. Броделем, и американским профессором У. Макниллом. Оба автора предложили глобальные объяснительные схемы исторического процесса, стремясь выйти за рамки общепринятых национальных нарративов и центризмов. Более того, они выдвинули новые концептуально-методологические акцентации видения исторического процесса: Ф. Бродель представил категории исторических длительностей, в частности «лонг дюре», и предложил социоприродное пространство в качестве значительного культурного фактора, в то время как У. Макнилл обосновал существование взаимозависимостей между различными историческими субъектами для понимания исторического процесса. При всем терминологическом и интерпретационном разнообразии общепризнанным является то, что возникшая в 1980–90-х гг. форма глобальной истории отличается от всех предшествующих: «старой» глобальной, мировой, универсальной, всеобщей и всемирной истории [13; 14; 31].

В отношении объекта исследования глобальной истории на первый взгляд существует меньшая степень вариативности его понимания. Обобщая и упрощая различные подходы, глобальная история [10; 12; 13] (либо глобализация [13; 31; 32]) часто заявляется в качестве основного объекта. Однако под объектом глобальной истории могут мыслиться прошлое (отдельные эпизоды, субъекты, явления, проблемы) в контексте глобального масштаба [13], история человечества, а также «история глобальной истории», подразумевающая «историю написания истории» с учетом связей между различными историческими субъектами или историю «глобального мышления» [24, р. 15]. Выдвижение глобализации в качестве объекта исследования также обусловлено разногласием. Например, точно так же, как и с глобальной историей, при определении понятия глобализации возникают разные интерпретации ее временных рамок. Б. Мазлиш, обращая внимание

на различное понимание исторической длительности глобализации, предложил термин «новая глобализация», который охватывает мировые процессы, начавшиеся после Второй мировой войны. Соответственно, основным объектом исследования новой формы глобальной истории является глобализация понимания именно в данной исторической длительности [31].

Во время становления современной формы глобальной истории в конце XX в. в качестве цели декларировалось осмысление «предпосылок и возможных путей универсализации экономических, политических, социальных и культурных процессов, идущих в современном мире», а также изучение прошлого как единого целого [25, с. 5]. Называлась цель о конструировании космополитного метанарратива о нашем общем наследии. Британский профессор П. О'Брайен, предлагая данную цель, подчеркивал, что задачи глобальной истории соотносятся «не с надуманными претензиями на научную объективность и личную беспристрастность, а с моральными целями, связанными с потребностями глобализирующегося мира» [30, р. 38]. Одновременно появлялась критика в отношении данных намерений, провозглашавшая глобальную историю такого вида проявлением неоимпериализма и неокOLONIALИЗМА [14; 28]. Обобщая интенции многих исследователей, в качестве главной задачи можно отметить преодоление различными способами устаревших философско-методологических аспектов историко-социального знания. На практике историки-глобалисты ставят перед собой такие задачи, как интерпретация локального и универсального, исследование «глобальной взаимосвязанности» и «сетей», осуществление «сравнительного подхода нового типа», представляющего собой встраивание «локальных историй в глобальный контекст» с помощью раскрытия структурной логики «сходных явлений, процессов и социальных конфликтов, отдаленных в пространстве и во времени» [27, с. 204–205]. Основной целью оказывается попытка конструирования непредвзятого взгляда на прошлое, учитывающего былые методологические и эпистемологические ошибки. При этом глобальная история предполагает междисциплинарный (и в некоторых случаях трансдисциплинарный) синтез, потенциально способный «изменить саму организацию и институциональный порядок знаний» [11, с. 21], а также сформировать новое историческое сознание [14].

При рассмотрении всего разнообразия концептуальных и методологических аспектов глобальной истории представляется возможным выделить некоторые общепринятые и наиболее существенные из них. В качестве основы глобальной истории может выступать отказ от любого рода центризмов, в частности европоцентризма, национальных нарративов, телеологичности и прогрессизма, стремясь к «деколонизации ментальности». Как следствие

приверженцы нового направления нередко либо предлагают полностью отказаться от метанарративов, либо стремятся создать непредвзятый космополитный метанарратив. Общепринятые ранее пространственные и временные представления становятся неактуальными, они рассматриваются как ограничения, являющиеся проявлением высокомерия национального нарратива [10; 13; 14]. Традиционные временные рамки и периодизации оказываются открыты для реинтерпретаций и изменений. Так, привычная периодизация Древний мир – Средние века – Новое и Новейшее время признана ограниченной и европоцентристской. Выдвигаются альтернативные понятия пространства, вследствие чего исследователи глобальной истории «обычно не выбирают в качестве отправных точек политические или культурные единицы – национальные государства, империи и цивилизации, – а вместо этого ставят аналитические вопросы и продвигаются в ту сторону, куда эти вопросы их поведут: например, через Бенгальский залив к узловым точкам в торговой сети, к религиозным и этническим диаспорам и так далее» [11, с. 91].

Еще одной яркой чертой глобальной истории является ее междисциплинарный и в некоторых трактовках трансдисциплинарный характер [14; 27]. Существуют работы, которые рассматривают глобальную историю в рамках определенных дисциплин, например исторической социологии [12] или историографии [13]. Однако в таких случаях все же отмечается необходимость во взаимодействии с другими дисциплинами для дальнейшего развития направления. Трансдисциплинарность и междисциплинарность глобальной истории не ограничены социогуманитарным блоком знаний. Одной из особенностей глобальной истории является ее взаимодействие с естественно-научными (биология, геология, ботаника и т. д.) и общенаучными (синергетика, клиодинамика и т. д.) направлениями. Некоторые исследователи видят потенциал глобальной истории в диалоге с глобальным эволюционизмом. Как следствие, глобальная история отличается плюральностью подходов и методов [13].

Во многих материалах по глобальной истории также акцентируется внимание на «позиционированности» исследователя. «Историки могут писать обо всей планете, но сами они находятся в определенном месте, и их нарративы всегда будут хотя бы отчасти окрашены тем, что там происходило и происходит» [11, с. 94].

Рассматривая предмет глобальной истории, следует отметить, насколько непростой задачей является репрезентативное обобщение всего обширного пласта знаний, связанного с новоформирующимся направлением. Глобальная история – своеобразный собирательный образ интеллектуальных устремлений к осмыслению и развитию различных научных областей. Историки-глобалисты стремятся к пре-

одолению критики и сложностей, с которыми они столкнулись в условиях быстро меняющегося мира, где наука совершает переход на новый тип рациональности – постнеклассический. Глобальная история оказывается междисциплинарным и в некоторых интерпретациях трансдисциплинарным синтезом на стыке историографии, исторической социологии и философии истории, при этом синтезом, инкорпорирующим знания из различных социогуманитарных, общенаучных и естественно-научных дисциплин. Данное направление характеризуется плюрализмом подходов и перспектив, акцентацией аксиологического аспекта, осознанием позиционированности или значимости роли субъекта, исследующего и конструирующего знания о прошлом, эпистемологическим и методологическим освобождением от центризмов и телеологичности, национальных нарративов и прогрессизма.

Учитывая все разнообразие интерпретаций глобальной истории, можно сказать, что это направление находится лишь на стадии своего концептуального и методологического становления. Однако уже на данном этапе очевидна определенная методологическая корреляция с концепцией Шпенглера. Несмотря на спорность и академическую недостоверность в деталях концепции морфологии мировой истории, многие ее философско-методологические аспекты остались актуальными, воплотившись в формирующейся сегодня глобальной истории. Еще в начале XX в. О. Шпенглер указал на ограниченность и несостоятельность европоцентристских и национальных подходов, формируя представления о культурном релятивизме и множественности историй. Он отказался от телеологических представлений об историческом развитии, отвергая прогрессизм и линейный подход. Как следствие, он отказывался и от пространственных, и от временных общепринятых представлений. Немецкий философ отмечал фундаментальную силу культуры, зависимость человека от нее, тем самым утверждая почти неизбежную позиционированность исследователя. Он также критиковал компартиментализацию научного знания, продвигал отказ от инертности и академической фрагментации, предвосхищая тенденции еще не возникшей постнеклассической науки. Данные положения заключают в себе смысловое содержание исторического метода и коперниканского переворота О. Шпенглера, предложенных им в книге «Закат Европы». Они же во многом выражают квинтэссенцию формирующейся современной глобальной истории. «Освободить историю от личных предрассудков наблюдателя, склонного в нашем случае сделать ее историей какого-то отрывка прошлого, поставив последнему целью утвердившуюся в Западной Европе случайную современность и подчинив его моментальным общественным идеалам и интересам в качестве мерил ценности всего достигнутого или достижимого, освободить историю

от всего этого – вот цель последующего изложения» [1, с. 144]. Данный отрывок из первого тома упомянутой книги совпадает с основными намерениями глобальной истории. Неудивительно, что О. Шпенглер часто фигурирует в работах о глобальной истории в качестве предшественника, внесшего вклад в становление нового направления [10; 12; 31].

Одним из существенных методологических отличий глобальной истории и концепции Шпенглера является стремление первой к нивелированию значимости культурного фактора в историческом процессе. Глобальная история отдает примат универсализму, в то время как немецкий мыслитель предлагал дискретное, лишенное настоящего взаимопроникновения понимание культур, придавая им основополагающее значение. Современные мировые события вынуждают вновь обратиться к данному тезису философа. Если в конце XX – начале XXI в. мысль о «глобальной деревне» и идея о формировании всеобщего исторического нарратива казалась вполне осуществимой, то события последних лет заставляют сомневаться в ее жизнеспособности. Последние десятилетия характеризуются нарастаю-

щим уровнем дезинтеграции. Тяжелые военно-политические конфликты, протестные и повстанческие движения в разных точках мира, стремительно ухудшающаяся социально-экономическая ситуация даже в наиболее развитых странах, а также формирование политико-экономических блоков, претендующих на роль альтернативных полюсов власти в потенциально многополярном мире, заставляют усомниться в возможности создания по-настоящему единого мира с гармоничным и плодотворным сохранением всего его разнообразия. Данные обстоятельства вновь актуализируют главные тезисы О. Шпенглера о дискретности культур и закате западной цивилизации. Неудивительно, что на протяжении последних десятилетий различные исследователи стали все чаще обращаться к творчеству О. Шпенглера. Многие исследователи, высказывая критическую оценку в отношении его концепции, все же вынуждены признать ее прогностическую силу, методологический и объяснительный потенциал. Концепция морфологии мировой истории вполне может послужить плодотворным методологическим инструментом для глобальной истории.

Заключение

В настоящей статье реконструированы основные содержательные элементы концепции морфологии мировой истории с учетом неординарного стиля изложения и дивергенции в ее оценках. Концепция Шпенглера является своеобразной интерпретацией мировой истории, основанной на циклическом и органицистском представлении о развитии основных субъектов исторического процесса – культур. В рамках этой концепции культуры являются дискретными, автохтонными образованиями, ограниченными в своем проявлении уникальными прасимволами, которые предопределяют их смыслодержание и становление. Концепция характеризуется антицентристскими и антипрогрессистскими взглядами. О. Шпенглер претендует на методологическую новацию, указывая на релятивность социогуманитарного знания. Преимущественно отрицательная оценка работы в академических и исследовательских кругах со временем менялась в положительную сторону. Несмотря на антиакадемизм, метафизичность, неточность и недостоверность деталей, концепция продолжает обладать прогностическим, методологическим и объяснительным потенциалом. Об этом свидетельствует рост количества материалов, посвященных О. Шпенглеру и его концепции (либо упоминающих их) и утверждающих актуальность его работ. Возрастающий уровень популярности О. Шпенглера в XXI в. в сочетании с современными тревожными процессами во всех сферах жизнедеятельности человека, актуализирующими труды немецкого философа, позволяют говорить о воз-

никновении феномена шпенглеровского ренессанса. Одним из двух тематических направлений актуализации трудов немецкого мыслителя является глобальная история. Это новое направление историко-социальных исследований, находящееся на этапе становления. Обобщая обширный объем материалов, посвященных данной теме, с учетом вариативности и амбивалентности в ее интерпретации, глобальная история может быть рассмотрена как проект междисциплинарного синтеза, стремящийся преодолеть некоторые недостатки не только классической, но и неклассической гуманитарной науки в целях создания непредвзятой картины прошлого. В своих интенциях, а также методологических и концептуальных основаниях глобальная история в некоторых отношениях весьма схожа с концепцией морфологии мировой истории. В качестве общепринятой базы глобальной истории провозглашается ее отказ от центризмов, в частности от европоцентризма, а также от национальных нарративов. Данное положение отражает коперниканский переворот, который провозглашал О. Шпенглер век назад.

Современные мировые условия стали тем необходимым катализатором, который актуализирует очередное обращение к работам О. Шпенглера. Обсуждения, лишенные предубеждений по отношению к немецкому мыслителю и его концепции морфологии мировой истории, позволят создать условия для ее плодотворного взаимодействия с глобальной историей.

Библиографические ссылки

1. Шпенглер О. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 1, Образ и действительность*. Минск: Попурри; 2021. 656 с.
2. Шпенглер О. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 2, Всемирно-исторические перспективы*. Минск: Попурри; 2021. 704 с.
3. Hughes HS. *Oswald Spengler: a critical estimate*. New York: Charles Scribner; 1962. 192 p.
4. Farrenkopf J. *Prophet of decline: Spengler on world history and politics*. Baton Rouge: Louisiana State University Press; 2001. 328 p.
5. Румянцева ТГ. *Освальд Шпенглер*. Минск: Книжный дом; 2008. 192 с.
6. Афанасьев ВВ. *Социология политики Освальда Шпенглера*. Москва: КДУ; 2009. 192 с.
7. Lewis B. *Oswald Spengler and the politics of decline*. New York: Berghahn Books; 2022. 238 p.
8. Wilmes A. Oswald Spengler's international influence: from the decline of the West till the present day. *Philosophical Journal of Conflict and Violence* [Internet]. 2022 [cited 2023 May 15];6(2). Available from: <https://trivent-publishing.eu/home/151-pjcv-62-oswald-spengler.html>. DOI: 10.22618/TP.PJCV.20226.2.
9. Pereira D. «Dark root» of global history: contributions made by Oswald Spengler and Arnold Toynbee. *Brazilian Journal of International Relations*. 2021;10(3):677–698.
10. Conrad S. *What is global history?* Princeton: Princeton University Press; 2016. 299 p.
11. Конрад С. *Что такое глобальная история?* Степанов А, переводчик; Семенов А, редактор. Москва: Новое литературное обозрение; 2018. 312 с.
12. Crossley P. *What is global history?* Cambridge: Polity Press; 2008. 152 p.
13. Belich J, Darwin J, Frenz M. *The prospect of global history*. Oxford: Oxford University Press; 2016. 222 p.
14. Ионов ИИ. *Мировая история в глобальный век: новое историческое сознание*. Москва: Аквилон; 2015. 464 с.
15. Зимовец ЛГ. Шпенглер о смысле истории. *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2009;6:123–131.
16. Adorno TW. Spengler today. *Studies in Philosophy and Social Science*. 1941;9(2):305–325. DOI: 10.5840/zfs19419228.
17. Fisher KP. *History and prophecy: Oswald Spengler and «The decline of the West»*. Durham: Moore; 1977. 275 p.
18. Тавризян ГМ. *Освальд Шпенглер, Йохан Хейзинга: две концепции кризиса культуры*. Москва: Искусство; 1988. 272 с.
19. Степун ФА, Франк СЛ, Бердяев НА, Букушпан ЯМ. *Освальд Шпенглер и «Закат Европы»*. Москва: Берг; 1922. 95 с.
20. Engels D. Oswald Spengler and «The decline of the West». In: Sedgwick M, editor. *Key thinkers of the radical right: behind the new threat to liberal democracy*. New York: Oxford University Press; 2019. p. 3–21.
21. Rose M. *A world after liberalism: five thinkers who inspired the radical right*. New Haven: Yale University Press; 2021. 196 p.
22. Терехов ОЭ. В тени самого себя: Освальд Шпенглер и гуманитарная мысль XX столетия. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2019;57:137–140. DOI: 10.17223/19988613/57/23.
23. Шестова ТЛ. Глобальная история как направление научных исследований. *Социально-гуманитарные знания*. 2011;6:68–74. EIDN: OJSRRRT.
24. Stanziani A. *Eurocentrism and the politics of global history*. Cham: Palgrave Pivot; 2018. 153 p. DOI: 10.1007/978-3-319-94740-2.
25. Чубарьян АО, редактор. *Цивилизации. Проблемы глобалистики и глобальной истории. Выпуск 5*. Москва: Наука; 2002. 239 с.
26. Копосов НЕ. *Хватит убивать кошек! Критика социальных наук*. Москва: Новое литературное обозрение; 2005. 248 с.
27. Репина ЛП. *Историческая наука на рубеже XX–XXIII вв.: социальные теории и историографическая практика*. Москва: Кругъ; 2011. 560 с.
28. Adelman J. What is global history now? *Aeon* [Internet]. 2017 [cited 2023 June 23]. Available from: <https://aeon.co/essays/is-global-history-still-possible-or-has-it-had-its-moment>.
29. Mazlish B. Comparing global history to world history. *The Journal of Interdisciplinary History*. 1998;28(3):385–395.
30. O'Brien P. Historiographical traditions and modern imperatives for the restoration of global history. *Journal of Global History*. 2006;1(1):3–39. DOI: 10.1017/S1740022806000027.
31. Mazlish B. *The new global history*. New York: Routledge; 2006. 131 p.
32. Shestova TL. Methodological foundations of global history. In: *Globalistics and globalization studies: theories, research & teaching*. Volgograd: Uchitel; 2013. p. 179–183.

References

1. Spengler O. *Zakat Evropy. Oчерki morfologii mirovoi istorii. Tom 1, Obraz i deistvitel'nost'* [The decline of the West. Essays on the morphology of world history. Volume 1, Form and actuality]. Minsk: Popurri; 2021. 656 p. Russian.
2. Spengler O. *Zakat Evropy. Oчерki morfologii mirovoi istorii. Tom 2, Vsemirno-istoricheskie perspektivy* [The decline of the West. Essays on the morphology of world history. Volume 2, Perspectives of world history]. Minsk: Popurri; 2021. 704 p. Russian.
3. Hughes HS. *Oswald Spengler: a critical estimate*. New York: Charles Scribner; 1962. 192 p.
4. Farrenkopf J. *Prophet of decline: Spengler on world history and politics*. Baton Rouge: Louisiana State University Press; 2001. 328 p.
5. Rumyantseva TG. *Osva'd Shpengler* [Oswald Spengler]. Minsk: Knizhnyi dom; 2008. 192 p. Russian.
6. Afanas'ev VV. *Sotsiologiya politiki Osva'da Shpenglera* [Oswald Spengler's sociology of politics]. Moscow: KDU; 2009. 192 p. Russian
7. Lewis B. *Oswald Spengler and the politics of decline*. New York: Berghahn Books; 2022. 238 p.
8. Wilmes A. Oswald Spengler's international influence: from the decline of the West till the present day. *Philosophical Journal of Conflict and Violence* [Internet]. 2022 [cited 2023 May 15];6(2). Available from: <https://trivent-publishing.eu/home/151-pjcv-62-oswald-spengler.html>. DOI: 10.22618/TP.PJCV.20226.2
9. Pereira D. «Dark root» of global history: contributions made by Oswald Spengler and Arnold Toynbee. *Brazilian Journal of International Relations*. 2021;10(3):677–698.

10. Conrad S. *What is global history?* Princeton: Princeton University Press; 2016. 299 p.
11. Conrad S. *Chto takoe global'naya istoriya?* [What is global history?]. Stepanov A, translator; Semenov A, editor. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2018. 312 p. Russian.
12. Crossley P. *What is global history?* Cambridge: Polity Press; 2008. 152 p.
13. Belich J, Darwin J, Frenz M. *The prospect of global history*. Oxford: Oxford University Press; 2016. 222 p.
14. Ionov IN. *Mirovaya istoriya v global'nyi vek: novoe istoricheskoe soznanie* [World history in the global age: a new historical consciousness]. Moscow: Akvilon; 2015. 464 p. Russian.
15. Zimovets LG. [Spengler on the meaning of history]. *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta*. 2009;6:123–131. Russian.
16. Adorno TW. Spengler today. *Studies in Philosophy and Social Science*. 1941;9(2):305–325. DOI: 10.5840/zfs19419228.
17. Fisher KP. *History and prophecy: Oswald Spengler and «The decline of the West»*. Durham: Moore; 1977. 275 p.
18. Tavrizyan GM. *Osva'd Shpengler, Iokhan Kheizinga: dve kontseptsii krizisa kul'tury* [Oswald Spengler, Johan Huizinga: two concepts of the crisis of culture]. Moscow: Iskusstvo; 1988. 272 p. Russian.
19. Stepun FA, Frank SL, Berdyaev NA, Bukshpan YaM. *Osva'd Shpengler i «Zakat Evropy»* [Oswald Spengler and «The decline of the West»]. Moscow: Bereg; 1922. 95 p. Russian.
20. Engels D. Oswald Spengler and «The decline of the West». In: Sedgwick M, editor. *Key thinkers of the radical right: behind the new threat to liberal democracy*. New York: Oxford University Press; 2019. p. 3–21.
21. Rose M. *A world after liberalism: five thinkers who inspired the radical right*. New Haven: Yale University Press; 2021. 196 p.
22. Terekhov OE. In the shadow of himself: Oswald Spengler and the humanitarian thought of the 20th century. *Tomsk State University Journal of History*. 2019;57:137–140. Russian. DOI: 10.17223/19988613/57/23.
23. Shestova TL. [Global history as a research area]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2011;6:68–74. Russian. EDN: OJSRRT.
24. Stanziani A. *Eurocentrism and the politics of global history*. Cham: Palgrave Pivot; 2018. 153 p. DOI: 10.1007/978-3-319-94740-2.
25. Chubar'yan AO, editor. *Tsivilizatsii. Problemy globalistiki i global'noi istorii. Vypusk 5* [Civilisations. Problems of globalistics and global history. Issue 5]. Moscow: Nauka; 2002. 239 p. Russian.
26. Koposov NE. *Khvatit ubivat' koshek! Kritika sotsial'nykh nauk* [Stop killing cats! A critique of the social sciences]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2005. 248 p. Russian.
27. Repina LP. *History at the border of the XX–XXI cc.: social theories and historiographical practices*. Moscow: Krug; 2011. 560 p. Russian.
28. Adelman J. What is global history now? *Aeon* [Internet]. 2017 [cited 2023 June 23]. Available from: <https://aeon.co/essays/is-global-history-still-possible-or-has-it-had-its-moment>.
29. Mazlish B. Comparing global history to world history. *The Journal of Interdisciplinary History*. 1998;28(3):385–395.
30. O'Brien P. Historiographical traditions and modern imperatives for the restoration of global history. *Journal of Global History*. 2006;1(1):3–39. DOI: 10.1017/S1740022806000027.
31. Mazlish B. *The new global history*. New York: Routledge; 2006. 131 p.
32. Shestova TL. Methodological foundations of global history. In: *Globalistics and globalization studies: theories, research & teaching*. Volgograd: Uchitel; 2013. p. 179–183.

Статья поступила в редколлегию 19.10.2023.
Received by editorial board 19.10.2023.

ФЕНОМЕН СИМВОЛА В ПРОСТРАНСТВЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

С. А. СТАСЬКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Выявлена роль символа в пространстве виртуальной повседневности. Под последней понимается двойная изолированность присутствия по отношению как к собственному подлинному бытию, так и к сформированной в толках (популярные поверхностные мнения праздного любопытства) публичности. Обосновано, что в современных условиях данная изолированность связана с феноменом символа, который, представляя собой знак с неисчерпаемым смысловым потенциалом, позволяет этому присутствию удерживать себя в статусе успеха. Идентичность присутствия, в свою очередь, характеризуется той компетенцией, которую оно предположило для себя в качестве наиболее комфортной. Сделан вывод о том, что комфортная компетентность выступает основанием современной публичности, в которой присутствие, пройдя путь от идентичности к статусу, приводит общество к социальной аномии и радикальному индивидуализму.

Ключевые слова: символ; публичность; повседневность; современность; комфортность; компетентность; идентичность; статус; М. Хайдеггер.

THE PHENOMENON OF THE SYMBOL IN THE SPACE OF EVERYDAY LIFE

S. A. STASKEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The aim of the article is to identify the role of the symbol in the space of virtual everyday life. Virtual everyday life is understood as a double isolation of presence, both in relation to its own authentic existence and to the publicity formed in crowds (popular superficial opinions of idle curiosity). It is substantiated that in modern conditions this isolation is connected with the phenomenon of the symbol, which, being a sign with inexhaustible semantic potential, allows presence to keep itself in the status of success. Status is one of the ways in which the identity of presence is held in the symbol. The identity of presence, in turn, is characterised by the competence that presence has assumed for itself as the most comfortable competence. Thus, the comfortable competence of presence is the basis of modern publicity and, having passed from identity to status, leads to social anomie and radical individualism.

Keywords: symbol; publicity; everyday life; modernity; comfort; competence; identity; status; M. Heidegger.

Введение

М. Хайдеггер в труде «Бытие и время» продемонстрировал собственный способ философствования, который отличался как богатством стиля, так и стро-

гостью понятий. Однако стоит отметить, что время жизни и творчества философа приходится на XX в., когда господствовали мощные идеологические мифы,

Образец цитирования:

Стаськевич С.А. Феномен символа в пространстве повседневности. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;1:59–65. EDN: HLVOCP

For citation:

Staskevich SA. The phenomenon of the symbol in the space of everyday life. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;1:59–65. Russian. EDN: HLVOCP

Автор:

Сергей Александрович Стаськевич – аспирант кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент И. Н. Колядко.

Author:

Sergey A. Staskevich, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences. 6734061@mail.ru

вовлекающие людей в круговорот судьбоносных событий. Отголоски великих трагедий и триумфов сказывались на человеке, а значит, в какой-то мере обуславливали его способ рассуждения. В связи с этим, перед тем как анализировать современную публичность с помощью концептуально-понятийного языка М. Хайдеггера, стоит обосновать возможность его применения для современности. Необходимо отметить, что понятийная система, разработанная философом в рамках своей знаковой работы, адаптируется и к современным проблемам, считающимся модификацией тех вопросов, которые затрагивал М. Хайдеггер в рамках исследования онтологии

присутствия. Для этого необходимо затронуть историчность публичного существования. И только тогда, когда будет выявлена ее взаимосвязь с повседневностью, можно будет поставить вопрос о роли символа, который следует понимать как знак с неисчерпаемым смысловым потенциалом, т. е. знак, характеризующийся относительной свободой употребления и множеством значений, связанных с различными локальными контекстами. В практическом употреблении этот знак способен засвидетельствовать как истину даже то, что ей не является. Такая его особенность и станет ключевой для настоящего исследования.

Историчность и образ повседневности

Успех строгого философского изыскания состоит в прояснении основных понятий, в которых будут заключаться процесс и результат рассуждения. Бытие присутствия¹, согласно М. Хайдеггеру, склонно к падению по существу, а не в силу сугубо приходящих явлений, среди которых можно выделить моду, политические веяния, эстетические изыски эпохи и моральные парадигмы [1, с. 173–174]. Падение – это переход в бытие неподлинное, публичное. Поэтому публичность есть константа как способ бытия присутствия. Иными словами, публичность всегда была, есть и будет. Таким образом, повседневность – странство публичного бытия присутствия. Особенность ее заключена в понятиях «соблазн», «успокоение», «отчуждение» и «запутанность» [1, с. 178]. Все четыре существенные черты падения в повседневность характерны для человеческого события в целом вне зависимости от особенностей конкретной эпохи.

Однако это не значит, что те самые приходящие явления, на которые порой подменяют содержание истории, не играют значительной роли в повседневности и не привносят в нее что-то особенное, своеобразное с духом времени. Бытие человека исторично, пока оно судьбоносно и осмысленно [1, с. 367]. В то же время есть все основания предполагать, что такого рода исторические смыслы в модусе повседневности вырождаются в измы, распространяющиеся в толках и формирующие то пространство публичности, которое, пусть и нельзя назвать историческим в подлинном смысле, однозначно следует считать паразитирующим в своей собственной истории. Таковыми, например, являются либерализм, социализм, коммунизм, фашизм, капитализм и постмодернизм. При этом само содержание этих идей может способствовать аутентичному бытию, т. е. решительному бытию-к-смерти, хотя даже в данном случае подобное бытие не будет ими исчерпываться. Однако под влиянием измов здесь имеется в виду публичное бытие в толках². Такого рода измы харак-

теризуют в первую очередь направленность дискурса, в котором толки «циркулируют», т. е. дают основные понятия и способы их употребления.

Последствия от влияния измов на человека существеннее, чем от формирования своеобразной стилистики духа, в которой от лица всех эпох будет говорить всегда одна и та же праздность. Праздные любопытства, не подкрепленные решимостью дел толкования измов, не имея никакой цели, все же формируют образ собственной повседневности. Таким образом, в них повседневность получает уникальный образ своей отчужденности, который является вполне содержательным: он предполагает определенные способы публичного бытия, такие как собственные подручность и наличность в конкретной культуре и в определенном моменте истории. Под подручностью нужно понимать способы обращения с ближайшим сущим, т. е. познание его и пользование им. В свою очередь, наличность есть обращение с тем, что не находится под рукой, но все-таки существует (его необходимо иметь в виду, но с ним нельзя иметь дело здесь и сейчас). Наличность и подручность возникают из познания, которое, «циркулируя» в толках, пусть и искаженно, дает бытие присутствию в совершенно уникальной двусмысленности. Подручность будет предполагать уникальную неподручность в узком смысле (сопротивляемость, испорченность), которая тоже станет частью фундамента новых повседневных отношений в среде вещей и людей. основополагающие вариации этих отношений, заключенных в страхе, например недоверие, вражда и лживость, приобретут черты, свойственные лишь конкретной повседневности – нашей повседневности. Из сказанного следует, что повседневность подчинена историчности и подобна ее искаженной тени. Динамика истории в каждом содержательном моменте, который обобщенно называют эпохой, имеет свои уникальные публичность и повседневность. В общих чертах эта повседневность отражается в классическом делении

¹ Автор настоящей статьи использует это понятие для обозначения здесь-бытия человека.

² Толки – популярные поверхностные мнения праздного любопытства, которое направлено не на суть вещей и явлений, а на самоудовлетворение присутствия.

истории на периоды: Античность, Средневековье и Новое время. Для каждого из них характерен свой уклад жизни, различные аспекты которого активно изучаются историками соответствующей специали-

зации. Задача философа – выявление обусловленных историчностью препятствий для аутентичного бытия в современности, иначе говоря, особенностей неподлинного, публичного бытия нашей эпохи.

Феномены комфорта и компетенции

Для того чтобы иметь возможность рассуждать об особенностях современной повседневности, в которой особую роль играет символ, необходимо выявить, что сейчас человека соблазняет, успокаивает, отчуждает и запутывает, какое конкретно сущее способствует «падению» человека и создает для него онтические (реально существующие в мире) условия. Анализировать это стоит постепенно, начиная с соблазна как предложения присутствию быть в повседневности. Чем соблазняет и очаровывает человека мир, помимо своего величия? Собственной же ничтожностью, характеризующей его как пространство подручного. Максимальную усредненность и предсказуемость подручного можно охарактеризовать как удобство, с которым онтологически связан комфорт. Подобным образом (как комфорт) мир существует в модусе повседневности лишь при особых условиях.

Есть все основания предполагать, что удобство имело место и в каменном веке, когда использовался соответствующий инструмент, и в XV в., когда, например, в Европе изобрели печатный станок. На первый взгляд, из этого можно сделать вывод: комфорт возникает там, где активно развиваются техника и технологии. Но этот вывод будет лишь относительно верным, ибо в XIX в. бурный рост технических средств еще не приводит к тому, что мир и жизнь в нем становятся комфортными. Напротив, техника может способствовать подлинному, аутентичному бытию как в условно позитивном, так и в условно негативном смысле. Например, она дает надежду на полноту осуществления возможностей присутствия или, наоборот, вызывает в нем решимость противодействия за счет своего влияния, ограничивающего всякую свободу.

Суть техники, по Хайдеггеру, состоит в так называемом поставе, который является одним из способов привлечения сущего к открытости, непотаенности. Стоит воспринимать его как принадлежащую присутствию установку на производство на основании тех приемов, которые наиболее целесообразны для той или иной эпохи. И присутствие уже всегда захвачено поставом, что неминуемо отражается на образе действия, который направлен во благо самой техники или против нее. Но эти действия в любом случае всегда техничные и решительные [2, с. 5–12]. Комфортное же существование парализует в первую очередь решимость (техничность всегда остается нетронутой), без которой присутствие становится своеобразным «заложником» поставы. Иными словами, присутствие «успокаивается» в своей технике и становится нерешительным в ней.

Для существования присутствия в комфорте техника должна не просто быть, а обладать такими свойствами, как доступность и обязательность. Первое свойство стоит связать с возможностью, а второе – с необходимостью. Так, в широком смысле всегда есть техника, которую использовать удобно, но в этом нет потребности. Доступность техники онтически стоит понимать следующим образом: практически любой человек имеет доступ к самым передовым техническим средствам и приемам, делающим значительно простыми те вещи, которые ранее отнимали много сил и времени. Этому способствует общий рост образования и благосостояния общества. Например, овощи можно теперь измельчить как вручную, так и при помощи кухонного комбайна. Необходима техника, которая обязывает присутствие к использованию себя в мире именно потому, что сам человек «имеет в нем дело» сообразно возможностям своей техники. Например, для диабетика нужно производить инсулин, чтобы он жил. Художник использует инструмент для того, чтобы быть художником. Связана эта успокоенность присутствия с техникой не только в самом узком, но и в самом широком смысле. Техника – это и способ действия в повседневности. Например, техника рукопожатия относится к этикету, а техника игры на инструменте или езды на автомобиле – к профессиональным навыкам. В условиях, когда техника доступна и обязательна, «падение присутствия» в комфорт, представляющий собой изолированную область повседневности, становится не только возможным, но и необходимым.

Присутствие в комфорте с точки зрения самой повседневности называется компетенцией, которая является особым видом подручностью, в соответствии с занятой в публичном событии ролью. Эта компетенция вовсе не связана напрямую с возможностями присутствия как данностью, она характеризует лишь его способность играть роль и выполнять обязанности [3, с. 1–2]. Иначе говоря, это та самая нерешительная техничность, которая создает границы для самоосуществления. Кроме того, для подтверждения и удержания компетенции все же требуются определенные умения, которые обязывают присутствие существовать в этих границах.

Современный публичный человек характеризуется тем, что его решительность парализована комфортом (он онтически связан с удовольствием, путь к которому открывается через доступность техники), и стремится быть компетентным. На комфорте и компетенции строится пространство виртуальной

повседневности, которую в данном контексте стоит понимать как изолированность присутствия не только от собственной подлинности, но и от толков, формирующих единый общественный дискурс. Виртуальной повседневности в равной степени чужды и серьезная озабоченность так называемой деловой повседневности, и наивная искренность

интимного события. Именно в виртуальной повседневности некомпетентная решимость, ранее подкрепленная жизненной силой взаимного прозрения (или заблуждения), способна вызвать лишь иронию. Однако для полной характеристики современной виртуальной публичности этого еще недостаточно.

Виртуальность публичности

Виртуальную публичность, которая является особым, характерным для нашей эпохи способом отчужденности присутствия, зачастую называют цифровой (как дань тем технологиям, которые позволяют присутствию быть в виртуальном пространстве) [4, с. 1–3]. Для того чтобы подчеркнуть способ организации этого публичного пространства, используется понятие сетевой публичности. Если рассуждать в духе М. Хайдеггера, то необходимо с осторожностью применять оба понятия, так как они отсылают к онтическому, в то время как автора данного исследования больше интересует онтологическое. Нет оснований полагать, что сущность виртуальной публичности заключена в цифровых технологиях. Скорее эти технологии просто онтически создают пространство, в котором виртуальной публичности проще формироваться в образе современной повседневности. Следуя логике М. Хайдеггера, автор настоящей статьи не станет проводить черту между виртуальностью и реальностью через оппозицию понятий внешнего и внутреннего, субъективного и объективного. Виртуальность в контексте современной публичности будет означать характерную для настоящего времени разомкнутость мира как концептуально не схваченной множественности. Иными словами, присутствие раскрывает для себя мир без понимания его собственной целостности, которая приводит к идее причинности, т. е. предвосхищению и последующему принятию определенных обязательств и последствий, связанных с компетентностью. В виртуальной повседневности причинность деформирована в человеческом сознании, что позволяет последнему устранить для себя неподручность сущего. Иначе говоря, сущее изолируется в своем (комфортном) мире, способы организации которого имеют особенности, не позволяющие органично вписать присутствие в общую картину мира, сформированную в толках. Вероятно, именно поэтому дискурс о виртуальной публичности зачастую выстраивается вокруг феноменов единства и дробности общественного бытия, анонимности и институциональности [4, с. 1–3]. Для более глубокого понимания виртуальной публичности присутствия стоит коротко охарактеризовать каждый из этих феноменов.

То, что зачастую называется единством дискурса, есть повседневное существование в толках. Само явление единства общественного дискурса свойствен-

но эпохе идеологий, в которых измы задают вектор толкования события. Исследователи справедливо отмечают, что виртуальная повседневность способствует разделению единого дискурса на ряд независимых «пространств» дискутирования [4, с. 4]. Причем эти пространства могут себе позволить не быть в оппозиции, а формально сосуществовать, т. е. не существовать друг для друга. Такая специфичная замкнутость виртуальной публичности при всех формальных возможностях для открытости продиктована комфортностью, создающей естественные границы в публичном событии. Это возможно лишь в том случае, если присутствие не озабочено ничем, кроме собственных комфорта и компетентности. Между тем в цифровом пространстве присутствует большое количество деловой публичности, которая не разрушает формальное общественное единство, а создает все более тонкие связи между людьми в повседневности. К таким примерам стоит отнести цифровые финансовые операции и программы электронного голосования. Специфика же присутствия в виртуальной современной повседневности, в отличие от деловой повседневности, состоит в анонимности, т. е. в успокоенности человека в пространстве комфортного события. Смысл такой анонимности в том, что присутствие узнают лишь в рамках конкретной компетенции. И присутствие, будучи комфортным, осознает себя в них. Под компетентностью в данном случае нужно понимать пригодность присутствия для занимаемой позиции, в которой присутствие удерживается в сфере комфортной повседневности. Таким образом, анонимность – это не только сокрытие имени, но и сокрытие всего того, что способно навредить комфортному существованию в компетенции [5, с. 2]. Подобное сокрытие во многом характеризует современную виртуальную публичность, которую в отдельных случаях называют идентичностью, т. е. изолированной в своем комфортном существовании целостностью. Конкретная идентичность определенного человека онтически может быть выстроена на основании расовых, этнических, историко-культурных, гендерных, религиозных, субкультурных и профессиональных представлений [6, с. 1]. Виртуальное пространство повседневности – это пространство множества идентичностей, в которых компетентное присутствие размыкает для себя комфортный мир. В этом комфортном мире присутствие соблазнено

комфортом и успокоено своей идентичностью [7, с. 1–4]. Отличие идентичности от «чистой» компетенции состоит в следующем: в первой присутствии способно освободиться от того, что было обязательно для второй, т. е. от обязательств уметь нечто, для занятия своего положения в публичном событии. Идентичность, таким образом, характеризуется не подручностью, как компетенция, а наличностью – тем, что она уже самоочевидна и по праву есть в мире. Иными словами, идентичность присутствия позволяет комфортной компетенции освободиться от обязательств.

Наличность идентичности *Другого*, в свою очередь, вызывает недоверие и вражду именно потому, что затрагивает комфортную компетентность присутствия. Но эта вражда не ведет к подлинности, заключенной в решительном преодолении, в котором присутствие внезапно находит самого себя. Напротив, она ведет к дальнейшему самоотчуждению присутствия, бесконечной самоистолкованности, смыслом которой будет удержание себя в комфортной компетенции. *Другой*, поколебавший идентичность присутствия, будет истолкован как некомпетентный, а значит, неспособный сузить или расширить границы идентичности присутствия. Такое толкование станет возможным, если человек заявит о формальной независимости от институтов. Для того чтобы присутствию в его комфортной компетенции ничто не мешало сохранять свою идентичность, особое осмысление и отношение получает и сама институциональность. Она понимается как опора в распространении какой-то информации, в частности того, что называется культурной памятью, на общественные и государственные институты или в ее утверждении [8, с. 5]. Иначе говоря,

это опора публичности на институты. Она позволяет толкам иметь прочный (на первый взгляд) онтический фундамент в виде абстракции всеобщности (или силы принуждения). Те толки, которые являются основой государственной риторики, называются идеологией. У идеологии есть и более широкое определение, характеризующее ее как некую формальную совокупность взглядов той или иной группы (или даже отдельного человека). Идеологии виртуальной публичности зачастую неинституциональны, что позволяет присутствию комфортно идентифицировать себя. В данном случае комфорт тесно связан с отсутствием необходимости выходить за рамки собственной компетенции. Подобный выход называют долгом.

В свою очередь, присутствие в виртуальной публичности не имеет обязательств, а значит, долгов и институциональной ответственности. Неимение долгов вовсе не показывает, что тот или иной институт не может привлечь к ответственности человека на основе его идентичности. Однако в своей комфортной компетенции присутствие остается безответственным по отношению к институтам. Эта безответственность приводит к отчуждению, которое уже произошло в толках, присутствия не только от собственной подлинности, но и от деловой публичности, для которой институциональность предельно важна. Таким образом, двойное отчуждение характеризует нашу эпоху как таковую. При росте влияния институтов на дела людей сам человеческий интерес к реальной институциональной активности падает [9, с. 9]. На смену ему приходит экспертность – комфортная компетенция прогнозирования без влияния на события.

Символ и статус

Для того чтобы удерживать себя в комфортной компетенции, не подкрепленной какими-либо обязательствами, присутствие использует символ. Удержанная в символе идентичность называется статусом. Статус отличается от идентичности тем, что в нем присутствие для удержания себя в комфортной компетенции освобождается не только от необходимости уметь нечто, но и от необходимости быть кем-то. Если для идентичности предельно важно обладать рядом онтических признаков, имеющих отношение к самому присутствию, то статус утверждается лишь символизмом вещей, что в современных условиях приводит к консюмеризму [9, с. 3–8]. Связано это с тем, что статус всегда подвижен: для его подтверждения требуются различные знаки, продаваемые извне. Чтобы использовать символ для удержания комфортной компетенции, нужно иметь с ним особые отношения обладания. Но если у самого отношения наличествует онтологическая основа, то сами символы произвольны, они не вплетены в ткань судьбы присутствия и случайны. И что

наиболее характерно для нашего времени, эти символы не происходят из тех толков, которые активно опираются на институты. Последние хотя и требуют к себе определенного отношения за счет страха применения силы, однако все же не имеют популярности в виртуальной повседневности по причине того, что они являются прямым свидетельством обязательств, т. е. полагаются на легитимность института. По этой причине статусными вещами становятся не знаки отличия (вроде медалей и орденов), а разные элементы одежды, логотипы, модели автомобилей, компьютеров, а также мысли, заключенные в слове. Отсюда происходит необоснованное цитирование, когда присутствие, не решаясь говорить, но и не имея возможности молчать, заимствует для себя популярное слово.

При использовании символа для удержания присутствия в статусе постепенно уничтожается богатый смысл самого символа как излишний смысл для утилитарного действия, а значит, подрывается фундамент символических ресурсов той или иной

культуры. Символ не помогает присутствию обнаружить себя в подлинности, а, напротив, способствует сокрытию в статусе. В таких условиях единственное, что напоминает судьбу, – это смысл обретения денег, а они, в свою очередь, становятся богом современности как возможность вневременного удержания статуса. Деньги, как символ, приобретают в современной виртуальной повседневности первостепенное значение, которое уже не завязано на их подручности, т. е. способности к опосредованию при купле-продаже. В то же время именно роль денег как мерила стоимости вещей стала причиной их нынешней символической роли.

Феномен статуса создает известную запутанность, в которой значимость символа определяется толками на основе толков. Иными словами, совершенно обыденная повседневная вещь может стать статусной при условии, что современная виртуальная публичность истолковывает ее как то, что стоит своих денег. Присутствие, не находя в подручности символа ни малейшей целесообразности за рамками удержания себя в том или ином статусе, зачастую оказывается запутанным. Случается это потому, что у подобного рода символов вещей нет никакого определяемого здравым смыслом онтического критерия преимущества. Смысл бренда не в том, что он более подручен или неподручен, удобен или неудобен, а только в том, что он дорог. И именно это делает его таким дорогим. Он сам становится онтическим

условием удержания комфортной компетенции, условием подтверждения идентичности символическим статусом. Таким образом, если в предыдущие эпохи люди больше лгали друг другу о ценности вещи, чтобы присвоить ее себе (с учетом того, что они знали реальную ценность вещи), то в современности все происходит наоборот. Люди, отменив принцип целесообразности, чаще лгут сами себе, что присвоенная ими вещь имеет ценность только потому, что не у всех она есть. Презируя деловую повседневность, виртуальная публичность не возвышается над ней как подлинность, а лишь удерживает себя в убеждении, что является таковой. И это убеждение стоит дорого, ибо чем дороже оно стоит, тем оно крепче и долговременнее.

Сам же статус, в котором присутствие столь упорно удерживает себя при помощи денег как символа, называется успешностью. Все многообразие человеческого опыта в этом статусе неправомерно подводится под элементарную оценку по критерию материальной обеспеченности, т. е. по вполне конкретному, но сугубо количественному и одностороннему показателю. Таким образом, влияние денег как символа на современную повседневность сложно переоценить. Символ становится соблазном и риском, благодаря которому «присутствие спит беспокойным сном», оторванное и от решительного бытия-к-смерти, и от истолкованных институтами реалий повседневности собственной эпохи.

Заключение

Фундамент виртуального публичного бытия современности заключен в комфорте и компетентности. В комфортной фактичности присутствие получает возможность формировать идентичности, не выявляющие его подлинности, а позволяющие освободиться от обязательств. Стремясь освободиться от обязательств что-то уметь (компетентность) и быть кем-то (идентичность), присутствие нуждается в символе, через который обретается статус успешности. Иначе выражаясь, неинституциональная идентичность присутствия ведет к двойной отчужденности, преодолеть которую позволяет символ, удерживая идентичность в статусе успешности. Статусность,

в свою очередь, подрывает естественное понимание подручности и неподручности через призму целесообразности, приводя к окончательному становлению культа денег как символа и к самообману присутствия. Духовными следствиями такого самообмана являются нерешительность, цинизм и меркантильность. В социальной плоскости современная виртуальная публичность имеет тенденцию к комфортной изолированности присутствия, т. е. к антиинституциональности и культивации негативного индивидуализма. Все вышеперечисленное характеризует бытие присутствия не только как не подлинное, но и как жестоко заблуждающееся в отношении себя.

Библиографические ссылки

1. Хайдеггер М. *Бытие и время*. Библихин ВИ, переводчик. Москва: Фолио; 2003. 509 с.
2. Демин ИВ. Экзистенциально-онтологическое обоснование техники в философии М. Хайдеггера. *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология*. 2010;2:126–137. EDN: OCQFGL.
3. Сагитова ВР. Феномен компетенции: понятие, структура, условия формирования. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2015;15(2):59–62. EDN: UNSDTV.
4. Семенов ЕЕ, Кузнецова ЕИ. Публичность в эпоху цифровой реальности: философский аспект проблемы. *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2020;9(5а):91–97. EDN: FWALIF.
5. Кочнев РЛ. Неаутентичность комфорта, или Мужество быть несвоевременным. *Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность*. 2018;1:61–65. EDN: YTUEIK.
6. Тимошук ЕА. Феноменология медиа: контекст и рефлексия. *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2020;9(5а):82–90. EDN: MSRXOA.

7. Кобзева ОВ. Феномен идентичности в психологии. *Проблемы современного педагогического образования*. 2018; 58:332–334. EDN: YSTXJK.
8. Ярычев НУ. Культурная память как понятие и явление: основания концептуализации. *Культура и искусство*. 2022;12:11–20. EDN: UPKANP.
9. Ильин АН. Социальная атомизация и ослабление политической активности в условиях консюмеризма. *Информационный гуманитарный портал. Знание. Понимание. Умение*. 2015;5:58–82. EDN: WTRUGP.

References

1. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. Bibikhin VI, translator. Moscow: Folio; 2003. 509 p. Russian.
2. Demin IV. Existential-ontological support technology in the philosophy of Heidegger. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya*. 2010;2:126–137. Russian. EDN: OCQFGL.
3. Sagitova VR. Phenomenon competence: concept, structure, forming terms. *Izvestiya of Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2015;15(2):59–62. Russian. EDN: UNSDTV.
4. Semenov EE, Kuznetsova EI. Publicity in the era of digital reality: a philosophical aspect of the problem. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*. 2020;9(5a):91–97. Russian. EDN: FWALIF.
5. Kochnev RL. Nonauthenticity of comfort or courage to be untimely. *Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity*. 2018;1:61–65. Russian. EDN: YTUEIK.
6. Timoshchuk EA. Phenomenology of media: context and reflection. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*. 2020;9(5a):82–90. Russian. EDN: MSRHOA.
7. Kobzeva OV. The phenomenon of identity in psychology. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2018;58:332–334. Russian. EDN: YSTXJK.
8. Yarychev NU. [Cultural memory as a concept and phenomenon: the foundations of conceptualisation]. *Culture and Art*. 2022;12:11–20. Russian. EDN: UPKANP.
9. Ilyin AN. Social atomization and the slackening of political activity under conditions of consumerism. *Informatsionnyi gumanitarnyi portal. Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2015;5:58–82. Russian. EDN: WTRUGP.

Статья поступила в редколлегию 11.12.2023.
Received by editorial board 11.12.2023.

УДК 1:62:004.8 + 316.4

СТАТУС ТЕХНИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Д. Г. ДОБРОРОДНИЙ¹⁾, А. И. ВЕРЕЩАКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

Технические объекты с искусственным интеллектом (ТОИИ) все чаще проявляют себя в различных сферах жизни общества. Возникает все больше ситуаций, когда ТОИИ выполняют функции, осуществляемые ранее только человеком. Рассматриваемые объекты не имеют соответствующего статуса, чтобы считаться социальным субъектом, автором произведения или нести ответственность за совершенные действия. Характер отношений таких объектов с другими социальными акторами, а также нормы, регулирующие эти взаимоотношения, остаются во внимании исследователей. В связи с этим по всему миру предпринимаются попытки установления юридического статуса ТОИИ и правового регулирования в этой сфере. Сделан вывод о том, что правовое регулирование должно основываться на понимании онтологического и социального статуса ТОИИ, т. е. на восприятии специфики этих объектов как форм бытия, их социальных ролей и функций в системе общественных отношений. Для осмысления уникального статуса ТОИИ использовались современные философские концепции (исследование науки и техники, акторно-сетевая теория и постфеноменология). Сформулированы основные условия и принципы регулирования в сфере производства и распространения ТОИИ.

Ключевые слова: философия техники; искусственный интеллект; технические объекты с искусственным интеллектом (ТОИИ); онтологический и социальный статус ТОИИ; регулирование в сфере искусственного интеллекта; постфеноменология; акторно-сетевая теория.

Образец цитирования:

Доброродний ДГ, Верещако АИ. Статус технических объектов с искусственным интеллектом в современном обществе. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;1:66–74.
EDN: IALYPG

For citation:

Dabrarodni DG, Verashchaka AI. The place of artificial intelligence technologies in the modern society. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;1:66–74. Russian.
EDN: IALYPG

Авторы:

Данила Григорьевич Доброродний – кандидат философских наук, доцент; директор Института социально-гуманитарного образования.
Алексей Иванович Верещако – кандидат философских наук; начальник центра цифровых и мультимедийных технологий в образовании.

Authors:

Danila G. Dabrarodni, PhD (philosophy), docent; director of the Institute of Social Science and Humanities Education.
danila_dobr@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0122-6170>
Aliaksei I. Verashchaka, PhD (philosophy); head of the Center for Digital and Multimedia Technologies in Education.
aleshaverashchaka@yandex.ru

THE PLACE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN THE MODERN SOCIETY

D. G. DABRARODNI^a, A. I. VERASHCHAKA^a

^aBelarus State Economic University,
26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus

Corresponding author: A. I. Verashchaka (aleshaverashchaka@yandex.ru)

Artificial intelligence technologies (AIT) are increasingly manifesting themselves in various spheres of society. There are more and more situations when AIT perform functions that were previously performed only by a man, but at the same time they do not have the appropriate status to be considered a social subject, the author of a work or be responsible for the actions committed. The question about the status of AIT arises, that is, about the nature of the relations of such objects with other social actors, about the norms governing these relationships, about mutual responsibility. In this regard, attempts are being made around the world to establish the legal status of AIT and legal regulation in this area. However, in our opinion, legal regulation should be based on understanding of the ontological and social place of AIT, that is, on understanding of the specifics of such objects as forms of being, their social roles and functions in the system of social ties and relationships. Modern philosophical concepts will help us in understanding the unique state of AIT (research of science and technology, actor-network theory and postphenomenology). In the end of this article the main conditions and principles of regulation in the field of production and distribution of AIT are formulated.

Keywords: philosophy of technology; artificial intelligence; artificial intelligence technologies (AIT); ontological and social status of AIT; regulation in the field of artificial intelligence; postphenomenology; actor-network theory.

Научно-технический прогресс меняет окружающий мир. Наиболее заметно это проявляется в насыщении среды техническими устройствами. На работе, учебе или в повседневной жизни мы ежедневно пользуемся техникой. Мы понимаем, насколько зависимыми становимся от нее, но отказаться от благ, которые дает нам технический прогресс, не представляется возможным. В философии уже существует обширная традиция осмысления техники как феномена культуры и цивилизации и как фактора социальной динамики и жизни личности [1]. Тем не менее происходящие в техносфере изменения заставляют нас снова вернуться к вопросу о том, какое место занимает техника в жизни общества.

В первую очередь, это обусловлено появлением технических объектов, функционирующих на основе технологий искусственного интеллекта (ИИ) и благодаря этому обладающих высокой степенью автономности, независимо от человека. В данной статье понятие «технические объекты с искусственным интеллектом» (ТОИИ) охватывает весь спектр устройств, роботов и программного обеспечения, способных выполнять функции, которые ранее могли быть осуществлены исключительно человеком благодаря его интеллектуальным способностям. Возрастающая функциональная сложность техники позволяет человеку делегировать ей отдельные действия и даже сложные операции и процессы, которые ранее выполнялись, управлялись или контролировались только им как сознательным существом, несущим моральную и юридическую ответственность перед другими членами общества [2]. Показательными примерами считаются беспилотные транспортные средства и автономные

дроны, использование которых становится все более массовым. Беспилотный автомобиль может самостоятельно выбирать маршрут, следить за дорогой и реагировать на факторы среды во время движения (сигналы светофора, движение других транспортных средств). Однако чем больше беспилотных автомобилей появятся на дорогах, тем больше будет происшествий. Примером такого случая может послужить авария, произошедшая 18 марта 2018 г. в г. Темпе (штат Аризона, США): беспилотный автомобиль Volvo XC90 насмерть сбил 49-летнюю женщину¹. Она переходила улицу в неполюженном месте с велосипедом и сумкой на руле. Автопилот не смог сразу правильно распознать человека, и автомобиль не успел остановиться. Случившееся поставило вопрос о переосмыслении проблемы ответственности технических средств за причиненный людям вред. Еще несколько лет назад в таком дорожно-транспортном происшествии ответственность делили бы между собой пешеход и водитель транспортного средства. В ситуации, когда автомобилем управляет ИИ, принимающий решение о маневре, в результате которого погибает человек, возникает вопрос о том, должен ли ИИ взять на себя ответственность за совершенную ошибку. Современный юридический (или этический) дискурс не допускает положительного ответа, поскольку ТОИИ не обладает сознанием и субъектностью, не принимает решение сам, а значит, не может нести ответственность за содеянное. Но, если ТОИИ достаточно автономен, чтобы самостоятельно маневрировать и решать, остановиться ему или нет, не нужно ли переосмыслить его статус? Ведь он является полноценным участником движения.

¹Death of Elaine Herzberg // Wikipedia : site. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Death_of_Elaine_Herzberg/ (date of access: 12.11.2023).

Другой актуальный пример – беспилотные летательные аппараты, используемые военными и специальными службами. Современные беспилотные летательные аппараты на основе разработанного алгоритма способны принимать решение о поражении цели (в том числе человека), не обращаясь при этом к человеку-оператору для подтверждения действия [3]. Иными словами, они принимают максимально ответственное решение, касающееся человеческой жизни, которая составляет высшую ценность. Вновь возникает вопрос об ответственности за принятое решение. Человек-оператор дрона, как любой человек с оружием, отвечал бы за совершенное преступление перед законом и своей совестью, а автономный беспилотный летательный аппарат полностью освобождается от ответственности согласно существующим представлениям, поскольку он рассматривается как технический неживой объект, а не как субъект социального действия.

Проблема онтологического статуса ТОИИ затрагивает не только ситуации ответственности за социальные действия, имеющие негативные последствия. Не менее актуальной является проблема субъектности ТОИИ в осуществлении творческой деятельности и создании чего-то нового. В 2016 г. появилась программа «3э некст Рембрандт» («The next Rembrandt»), создающая на основе анализа работ Х. Р. Рембрандта картины в его стиле, которые сложно отличить от оригинальных. Американский ученый и композитор Д. Коуп разработал программу «Эмили Хауэлл» («Emily Howell»), способную писать музыку, имитирующую творчество И. С. Баха, Л. Бетховена, Ф. Ф. Шопена и др. [4]. Никто не сомневается в уникальности художественных произведений, созданных выдающимися представителями человечества, и не ставит работы ИИ в один ряд с ними. Однако абсолютное большинство простых людей не способны создавать подобное. В то же время многие авторские произведения не отличаются оригинальностью и особой эстетической ценностью. Может ли ИИ частично претендовать на авторство своих произведений? Ведь он создает что-то новое, пусть и используя для этого уже существующий материал. И. Ньютон говорил о том, что даже великие ученые стоят на плечах гигантов, используя для своих открытий предшествующий опыт и знания человечества.

Приведенные примеры – это иллюстрации новой реальности, где ТОИИ взаимодействуют с людьми на совершенно новом уровне. Техника, которая анализирует ситуацию, принимает решение, создает новые объекты и совершает действие, направленное на человека или имеющее непосредственное отношение к нему, не может рассматриваться

как простой объект и пассивный инструмент в руках человека. ТОИИ функционируют на основании настолько сложных алгоритмов, что изучать их как детерминистические системы, однозначно направляемые волей конкретного человека, невозможно. ТОИИ способны анализировать данные, поступающие из внешней среды, учитывать различные факторы, принимать решение о выборе наиболее обоснованного действия и совершать его.

Вопрос о социальном и онтологическом статусе ТОИИ не может быть чисто философским, поскольку предполагает переосмысление всей картины мира человека, в которой появляется еще кто-то разумный, активный и производительный. Кроме того, такое переосмысление должно привести к разработке программы реальных действий, которые уже сейчас нужно выполнить для регулирования процессов в сфере производства и применения ТОИИ. Еще в 2017 г. Саудовская Аравия стала первой страной, которая предоставила андроиду Софии гражданство, уравнив ее в правах с человеком. Конечно, такое решение было принято скорее в рекламных целях, чтобы привлечь внимание к стране и ее открытости к технологическим инновациям. Тем не менее согласно ежегодному отчету Стэнфордского университета, посвященному анализу тенденций в области ИИ, количество законопроектов (127 стран), в которых упоминается ИИ, возросло с 1 в 2016 г. до 37 в 2022 г., что говорит об актуализации внимания к проблеме со стороны политиков, а значит, переосмысление статуса ИИ уже началось.

Европейский союз является мировым лидером в стремлении законодательно урегулировать статус ИИ. В апреле 2021 г. Европейская комиссия предложила проект первого закона об ИИ – «Акт об искусственном интеллекте» («Artificial intelligence act»)². Основная цель закона – дать «технологически нейтральное определение ИИ» и установить классификацию систем ИИ на базе «подхода, основанного на риске»³. Законодательно утвержденное определение ИИ должно положить конец всевозможным дискуссиям и стать рабочей формулировкой для использования в юридической практике и социальных взаимодействиях. Классификация систем ИИ по группам риска должна помочь разработчикам и пользователям систем ИИ устанавливать четкие требования и ограничения в отношении этих систем. Создатели законопроекта заявляли, что актуальность такого акта обусловлена слишком быстрым развитием технологий ИИ и необходимостью хоть как-то регулировать действия ИИ в данной сфере для снижения потенциальных рисков от их использования. Однако законопроект до сих пор находится на стадии обсуждения, в него вносится множество поправок,

²Proposal for a regulation of the European parliament and of the council laying down harmonised rules on artificial intelligence (artificial intelligence act) and amending certain union legislative acts // EUR-lex : site. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52021PC0206> (date of access: 12.11.2023).

³EU AI Act: first regulation on artificial intelligence // Eur. parliam. : site. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/headlines/society/20230601STO93804/eu-ai-act-first-regulation-on-artificial-intelligence> (date of access: 12.11.2023).

а страны Европейского союза не могут договориться между собой о степени ограничения и ответственности заинтересованных сторон.

Трудности возникли уже на стадии определения основного понятия. Пока обсуждался проект закона, в 2022 г. произошел настоящий прорыв в сфере разработки генеративных нейронных сетей наподобие *ChatGPT*, и это заставило законодателей изменить определение ИИ, используя понятие «базовая модель»: «Базовая модель (fundamental model, FM) – это крупные нейронные сети с глубоким обучением. <...> Термин FM применяется для описания моделей, обученных на широком спектре обобщенных и немаркированных данных. Они способны выполнять широкий спектр задач: понимание языка, генерирование контента и общение на естественном языке»⁴.

Помимо разработки определения ИИ, закон должен выполнять регулятивные функции и с помощью ограничений и запретов устанавливать легальное поле создания и использования ИИ. Для этого в законопроекте все системы ИИ разделены на четыре группы: группу неприемлемого риска, группу высокого риска, группу генеративного ИИ и группу ограниченного риска.

Группа неприемлемого риска. К данной группе относятся системы ИИ, которые представляют угрозу для людей и должны быть запрещены. Это технологии когнитивно-поведенческой манипуляции, например игрушки, которые поощряют опасное поведение у детей. В группу входят и такие технологии социального рейтинга, как классификация людей на основе поведения, социально-экономического статуса или личных характеристик [5]. Также под запрет попадают системы биометрической идентификации в реальном времени – распознавания лиц.

Группа высокого риска. Системы ИИ, негативно влияющие на безопасность или основные права человека, считаются высокорискованными и разделяются на две категории:

- системы ИИ, которые используются в продуктах, подпадающих под действие законодательства ЕС о безопасности продукции, – игрушках, авиации, автомобилях, медицинском оборудовании и лифтах;
- системы ИИ, которые должны пройти лицензирование и регистрацию в базе данных ЕС, – биометрическая идентификация и категоризация физических лиц, управление критической инфраструктурой и ее эксплуатация, образование и профессиональная подготовка, занятость, управление персоналом и доступ к самозанятости, правоохранные системы,

помощь в юридическом толковании и применении закона и др.

Все системы ИИ высокого риска будут оцениваться перед выходом на рынок, а также на протяжении всего их жизненного цикла.

Группа генеративного ИИ. Генеративный ИИ, такой как *ChatGPT*, должен будет соответствовать требованиям прозрачности: раскрывать информацию о том, что контент был создан ИИ, предотвращать появление незаконного контента, предоставлять информацию о базах данных и авторских публикациях, на основе которых обучался ИИ.

Группа ограниченного риска. Системы ИИ с ограниченным риском должны соответствовать минимальным требованиям прозрачности, которые позволят пользователям принимать обоснованные решения о том, хотят ли они продолжать использовать ИИ. Пользователи должны быть осведомлены о том, что они взаимодействуют с ИИ. К этой группе относятся системы, которые генерируют или обрабатывают изображения, аудио- или видеоконтент⁵.

Стоит отметить, что правовое решение проблемы статуса ИИ является вторичным по отношению к определению его онтологического и социального статуса. Прежде всего нужно осознать и определить то, какое место занимают и будут занимать ТООИ в системе социальной коммуникации, а также достичь консенсуса в нравственной оценке ТООИ, которая во многом будет продиктована реальной практикой взаимодействия человека с ТООИ и эмоционального отношения людей к ним. Сегодня люди испытывают страх по отношению к технике и ИИ и предвзято относятся к ним. Именно страх перед неизвестностью, непредсказуемостью рисков и угроз заставляет законодателей торопиться с принятием всевозможных ограничительных мер и запретов. Эта проблема существовала и раньше. Например, первые здания железнодорожных вокзалов в Великобритании напоминали отделения банков, чтобы своим видом вызвать доверие у пассажиров нового на тот момент вида транспорта. Среди граждан того времени бытовало мнение о том, что развиваемая паровозом скорость 60 миль в час, а также резкие ускорения, шум и вибрация вагона вызывают у человека безумие и даже повреждают его мозг⁶. В начале XX в. будущая автомобильная держава, т. е. США, также не была избавлена от предрассудков в отношении автотранспорта, что нашло свое отражение в целом ряде антиавтомобильных законов в сельскохозяйственных штатах Северной Америки [6].

⁴Чикишев Н. ЕС никак не может принять закон об искусственном интеллекте. В чем загвоздка? // Дев.бай : сайт. URL: <https://devby.io/news/es-nikak-ne-mozhet-prinyat-zakon-ob-iskusstvennom-intellekte-v-chem-zagvozdka>.amp (дата обращения: 13.11.2023).

⁵Proposal for a regulation of the European parliament and of the council laying down harmonised rules on artificial intelligence (artificial intelligence act) and amending certain union legislative acts // EUR-lex : site. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A52021PC0206> (date of access: 12.11.2023).

⁶Hayes J. The Victorian belief that a train ride could cause instant insanity // Atlas Obscura : site. URL: <https://www.atlasobscura.com/articles/railway-madness-victorian-trains> (date of access: 07.12.2023).

Изобретение парового двигателя и последующее становление промышленной революции явились причиной социально-политических потрясений в Европе в XVIII–XIX вв. Всеобщее замещение ручного труда машинным приводило к массовым увольнениям рабочих, но одновременно создавало новые вакансии на рынке труда, связанные с техническим обслуживанием и эксплуатацией машин. Современная ситуация специфична тем, что технико-технологический прогресс прошлого затрагивал только физический труд. Революционность ТОИИ состоит в том, что впервые в истории у человека появился конкурент в интеллектуальной и творческой сферах. Реакция общества на эту тему осталась прежней – призывы к запретам и ограничениям. Одним из показательных примеров борьбы с ИИ является забастовка объединения сценаристов западной части Америки (*Writers Guild of America West*), продолжавшаяся 148 дней (со 2 мая по 27 сентября 2023 г.). Одним из выдвинутых бастующими требований было регулирование использования ИИ в проектах по договору минимального базового соглашения (*the minimum basic agreement*), т. е. коллективного договора, который охватывает права, обязанности и защиту большей части работы, выполняемой вышеупомянутым объединением. «ИИ не может писать или переписывать литературные материалы; не может быть использован в качестве исходного материала; материалы МВА нельзя использовать для обучения ИИ»⁷. Эта забастовка завершилась принятием меморандума, включающего следующие пункты⁸:

- ИИ не может писать или переписывать литературные материалы, созданные им работы не будут считаться исходными в рамках минимального базового соглашения, а это означает, что последние не могут быть использованы для подрыва авторитета писателя или его отдельных прав;

- писатель может применять ИИ при оказании услуг по написанию текста, если компания дает на это согласие и если автор соблюдает ее политику, однако она не может требовать от писателя использования программного обеспечения с ИИ;

- компания должна сообщить автору, если предоставленные ему материалы созданы с помощью ИИ;

- объединение сценаристов США оставляет за собой право утверждать, что использование произведений авторов для обучения ИИ запрещено упомянутым соглашением или другими законами⁹.

Попытки участников забастовки ограничить применение ИИ в сфере кинематографа согласуются со

стремлением европейских законодателей ввести запреты и лимиты на использование определенных систем ИИ на территории ЕС, а также с призывом Института будущего жизни, опубликованным 22 марта 2023 г., ввести на полгода мораторий на дальнейшие разработки и обучение нейронных сетей, таких как *ChatGPT*¹⁰. Все это обусловлено страхом человека перед непредсказуемыми последствиями научно-технического прогресса. Предложения ограничить скорость движения поездов, ввести законы, принуждающие водителей автомобилей полностью останавливаться и уступать дорогу гужевому транспорту – это яркие примеры проявления технофобии прошлого, которые сегодня выглядят нелепо. Возникает вопрос о том, в какой временной перспективе призывы о запрете и ограничении развития ИИ будут восприниматься с такой же долей иронии.

Современная философия техники предлагает несколько новых интерпретаций ТОИИ, которые позволяют по-другому взглянуть на их статус в системе общественных отношений. Важной исторической вехой переосмысления техники стали «исследования науки и техники», изучающие процесс создания и развития технических объектов в социальном, историческом и культурном контекстах. Развитие технологий в данной области междисциплинарных исследований представляется как исторический процесс, где общество и техника являются взаимобусловленными. Она возникла как направление социологии научного знания, поэтому ориентирована прежде всего на эмпирические методы исследования конкретных технических объектов.

В качестве примера такого подхода можно назвать работу В. Е. Бейкера об эволюции велосипеда [7]. Они продемонстрировали то, как различные заинтересованные социальные группы Англии (XIX в.), исходя из разных взглядов на использование велосипеда, влияли на процесс его развития. Проанализировав большое количество исторических документов, авторы выделили следующие группы людей: группу профессиональных спортсменов, группу простых людей, группу состоятельных денди и группу женщин. Для одних велосипед был повседневным транспортным средством, для других – средством отдыха и развлечения, транспортом для туристических прогулок или скоростных гонок. Каждая из социальных групп открыто излагала свою позицию, что заставило инженеров той эпохи прислушаться к ним и сделать велосипед более универсальным, комфортным и безопасным. В итоге велосипед от

⁷Arroyo D. New writer's strike threatens the future of all TV series and declares war on Ai // MeriStation : site. URL: <https://en.as.com/meristation/news/new-writers-strike-threatens-the-future-of-all-tv-series-and-declares-war-on-ai-n/> (date of access: 07.12.2023).

⁸Wilkinson A., Stewart E. The Hollywood writers' strike is over – and they won big // Vox media : site. URL: <https://www.vox.com/culture/2023/9/24/23888673/wga-strike-end-sag-aftra-contract> (date of access: 07.12.2023).

⁹Summary of the 2023 WGA MBA // Writers Guild of America West : site. URL: <https://www.wga.org/contracts/contracts/mba/summary-of-the-2023-wga-mba> (date of access: 07.12.2023).

¹⁰Pause giant AI experiments: an open letter // Future of life institute : site. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/pause-giant-ai-experiments> (date of access: 07.12.2023).

модели с большим передним колесом без редуктора трансформировался в модель с ромбовидной рамой, одинаковыми по размеру колесами и цепной передачей заднего колеса.

Этот пример показывает, что инженерная мысль, с одной стороны, не развивается автономно от интересов общества, а с другой стороны, способна находить технические решения, приемлемые для всех заинтересованных в использовании инноваций социальных групп. Именно так следует рассматривать ТОИИ. Нужно не запрещать и не ограничивать их разработку и использование, а корректировать направление их развития в интересах всех сторон и социальных групп. Д. Е. Форсайт отмечал, что разработчики ИИ чаще всего являются представителями субкультур технических специалистов и обладают установками технического стиля мышления, технического видения задач и их решения [8]. Из-за этой точки зрения разработчикам трудно увидеть некую ценность в пользовательских запросах или субъективных оценках, а также в исследованиях и рекомендациях социальных наук. Инженерная картина мира препятствовала осознанию того факта, что между представлениями о реальности инженера-разработчика и простого пользователя может быть существенная разница.

Д. Е. Бейли и С. Р. Барли выделили две противоположные культурные парадигмы разработки ИИ [9]. Первой доминирующей парадигмой является представление об ИИ как об альтернативе человеческому сознанию. Она фокусируется главным образом на более эффективном решении интеллектуальных задач, которые выполнялись человеком, а также на потенциальной замене человека, выведении людей-работников из производственных циклов и полной автоматизации труда. Эту технократическую или утилитаристскую парадигму отстаивали первые ученые-компьютерщики, чье влияние в профессиональных кругах ИТ-специалистов все еще велико. Вторая парадигма называется «приумноженный интеллект», она ориентирована на «разработку интеллектуальных технологий, которые будут дополнять и помогать работникам в их задачах» [10].

Безусловно, парадигма «ИИ как альтернатива» весьма распространена, поскольку хорошо согласуется с логикой экономической эффективности, преследующей повышение рентабельности через снижение затрат на рабочую силу. Однако именно это больше всего пугает людей и несет огромные риски при использовании ИИ. Люди боятся остаться без работы и быть ненужными, их тревожит автономная и бесконтрольная активность ИИ. По этой причине перспективной представляется парадигма «приумноженный интеллект», которая хотя и несет потенциально большие издержки в краткосрочной перспективе, однако может дать больший результат благодаря синергии человека и ИИ [11].

Акторно-сетевая теория является другой попыткой осмысления радикального изменения онтологии вещей [12]. Широкая трактовка действия как способствования, благоприятствования или содействия позволила пересмотреть в рамках данной теории значение технических артефактов, встроенных в сеть социальных связей. В ней ТОИИ, вплетенные в сложные многоуровневые связи с людьми и другими ТОИИ, представляются как полноценные акторы, способные совершать действия. Под действием в акторно-сетевой теории понимается и воздействие, содействие, способствование, создание возможности, не препятствие. Функции человека в конкретной ситуации и по заданному алгоритму выполняет техника, что говорит об автономности ее действий. Например, банк делегирует банкомату функцию кассира, состоящую в выдаче наличных или пополнении банковского счета клиента.

Современная техника более сложная и самостоятельная. Представление о ТОИИ, способных к автономному восприятию окружающей среды и вариативному ответу этой среде, уже не кажется чем-то комичным или футуристичным. В 2023 г. ИИ может распознавать лица, писать картины в стиле П. Пикассо, создавать музыкальные композиции и даже сценарии к кинофильмам или продолжения популярных книг. ТОИИ действуют (или, скорее, воздействуют), и забастовка сценаристов США является результатом этого воздействия.

Значимый вклад в развитие философского осмысления проблематики взаимодействия человека и техники внесен рядом исследователей, относящих себя к представителям постфеноменологической традиции [13; 14]. Постфеноменология изучает изменения телесного опыта при использовании людьми технических артефактов и технологий. Обобщая различный эмпирический материал, философы настаивают на неинструментальном понимании сущности техники, демонстрируя то, насколько глубоко технические объекты встроены в повседневные практики.

В постфеноменологическую интерпретацию техники входят четыре основополагающих направления. Первое состоит в том, что технические объекты рассматриваются как медиаторы между человеком и миром. Техника расширяет границы телесного опыта, приумножая горизонт человеческих возможностей. Например, телескоп помогает видеть далекие объекты, микроскоп – крошечные объекты, очки – объекты окружающего мира, а прибор ночного видения – объекты окружающего мира в темное время суток. Эти технические средства расширяют границы человеческого тела, что, в свою очередь, создает предпосылки для появления новых форм взаимодействия с миром.

Второе направление – герменевтическое отношение между человеком и техникой. Такое отношение возникает, когда ТОИИ сообщают человеку

информацию об объективном мире. Эти данные необходимо уметь читать и интерпретировать. Хорошим примером служат изображения, которые проецирует аппарат УЗИ. Только специалист может их трактовать. Для обывателя эта информация выглядит как абстрактная черно-белая картинка.

Третье направление интерпретации связано с представлением техники как квазидругого, взаимодействуя с которым человек вынужден осваивать новые знания и навыки. Техника в целом представляет собой мир, устроенный по собственным законам и правилам. Такие технические объекты, как компьютеры, голосовые помощники и виртуальные консультанты, специализированное программное обеспечение (от программ, предназначенных для бухгалтерского учета, до спектрального анализа звезд), выступают квазидругим для человека. Инаковость техники заключается в ее автономности, способности предлагать или принимать решения, а также совершать какие-либо действия. Использование технических объектов, которые выполняют сложные функции, как бы очеловечивает технику, побуждая человека взаимодействовать с ней, как с *Другим*.

Четвертое направление связано с осмыслением техники, находящейся в фоновом взаимодействии с человеком. Эти технические объекты и технологии (центральное отопление, электричество, климат-контроль, камеры видеонаблюдения, интернет и умный дом) окружают людей, но не находятся в фокусе их внимания постоянно. Они стали частью обыденности, повседневного опыта, незаметным условием комфортного существования человека. Они привлекают внимание лишь тогда, когда выходят из строя и уже не обеспечивают тот уровень комфорта, к которому привык человек.

Технические объекты расширяют границы телесного опыта, распространяя его за пределы физического тела. С точки зрения постфеноменологии ИИ – квазидругой, существующий вне конкретного физического места. И если человеческое присутствие в мире всегда ограничено его телесностью, то нейронные сети впервые в истории человечества стали условием возможности выхода человека за пределы физического присутствия. Поиск продуктивных и безопасных способов взаимодействия людей с ИИ требует обнаружения новых творческих и интеллектуальных подходов. Осмысление ТОИИ в категориях постфеноменологии и обучение человека осознанному взаимодействию с ними позволяют выработать адекватный способ восприятия современных технологий. Сложность решения этой задачи обусловлена консервативными представлениями людей о своей субъектности, рациональности, свободе, воле, а также иррациональной верой в свою исключительность. Данные предубеждения пока не позволяют человеку воспринимать ТОИИ за пределами технократической и утилитарной парадигмы, а следовательно, в полной мере оценивать

их потенциал, возможности и правила взаимодействия с ними.

Рассмотренная трактовка онтологического и социального статуса ТОИИ, а также перспектив и рисков их дальнейшего развития, количественного роста и распространения позволяет сформулировать основные выводы относительно условий и принципов регулирования и взаимодействия в данной сфере.

Во-первых, осознавая высокие риски, связанные с распространением ТОИИ, увеличением их автономности и функциональной сложности, необходимо создать комплексную систему контроля за разработкой и применением ТОИИ, включающую общественную, этическую и техническую экспертизу, правовое регулирование и политический контроль. Эта задача предполагает институционализацию сообщества экспертов в области ИИ в качестве департамента, непосредственно взаимодействующего с правительством и органами законодательной власти для оперативного решения возникающих проблем. Такой департамент мог бы взять на себя функцию государственного регулятора и контролера в сфере производства и реализации ТОИИ, выступать с законодательными инициативами, стать площадкой для публичного обсуждения проблем и рисков, связанных с ТОИИ, а также осуществлять просветительскую и прогностическую функции.

Во-вторых, следует формировать и реализовать аксиологическую парадигму в области разработки и использования ТОИИ, которая должна прийти на смену утилитарной парадигмы. ТОИИ – это не просто инструмент в руках человека, неживая и инертная сущность, применяемая в конкретных целях. Уже на стадии разработки ТОИИ необходимо учитывать их последующее автономное существование, а значит, закладывать в них определенные фундаментальные ценности, которые должны обладать приоритетом по отношению к выполняемым функциям (своеобразный аналог законов робототехники А. Азимова), чтобы снизить вероятность пугающего всех противостояния человека и машины. Кроме того, следует проводить целенаправленную работу по изменению аксиологического отношения человека к ТОИИ. Человечество прошло долгий путь переосмысления статуса животных в частности и природы в целом, пока научилось их по-настоящему ценить. Не менее сложным является переосмысление аксиологического статуса технического объекта. Техника уже сейчас способна вызвать у человека эмпатию, чувства заботы, привязанности, сострадания, горечь утраты и даже любовь. Важно осознать значимость ТОИИ как явления нового мира и как сущности, обладающей самобытной ценностью, независимо от конкретной полезной функции, которую она выполняет.

В-третьих, парадигма «приумноженный интеллект» должна быть закреплена в качестве приоритетной в разработке и эксплуатации ТОИИ. Как было отмечено выше, рассмотрение ИИ как альтернативы

человеческого сознания провоцирует большинство связанных с ИИ страхов и предубеждений. Необходимо изменить взгляд на проблему и относиться к ИИ как к дополнению человеческого сознания и как к универсальному помощнику и партнеру в человеческой деятельности. При этом такая смена касается не только нашего потребительского восприятия ТОИИ, когда мы приобретаем и используем их для того, чтобы заменить ими труд человека. Это относится и к разработчикам (производителям ТОИИ), и к регуляторам (юристам, политикам), которые должны своими решениями скорректировать технический прогресс не в направлении «вместо человека», а в направлении «вместе с человеком».

В-четвертых, учитывая активное включение ТОИИ в социальные взаимодействия, необходимо не только предусмотреть для них соответствующий социальный статус, например электронного лица, но и определить конкретные сферы его прав и обязанностей. Безусловно, придется делегировать ТОИИ право принятия решений и осуществления социальных действий (продвинутая версия электронного правительства). Соответственно, нужно предусмотреть механизм оспаривания принимаемых решений, дополнительного независимого контроля со стороны человека за деятельностью ТОИИ.

Возможно, следует ограничить или запретить применение ТОИИ в определенных сферах социальных коммуникаций, например в подготовительных и начальных учреждениях образования, чтобы не нанести вреда социализации человеческой личности, а также в сфере межличностной коммуникации, чтобы не использовать возможности ИИ для манипуляции человеческими чувствами. Стоит ограничить доступ ИИ к принятию политических решений высшего уровня, сохранив за ним консультационную функцию, и полностью запретить использовать ТОИИ в военных действиях.

Таким образом, проведенный анализ показал, что ТОИИ способны совершать социальные действия, выполнять разнообразные функции в обществе наравне с людьми, а значит, могут претендовать на статус социального актора, субъекта социального взаимодействия и партнера в человеческой деятельности. Предполагает ли социальный статус соответствующую ответственность? Как он будет закреплён в правовой системе? Сопрягается ли он с моральными отношениями? Имеет ли такой социальный субъект моральную ценность? Эти сложные и интересные вопросы являются наиболее актуальными не только для современной философии техники, но и для всего социально-гуманитарного знания.

Библиографические ссылки

1. Верещако АИ. *Динамика исследовательских программ в классической и постклассической философии техники* [диссертация]. Минск: БГУ; 2022. 175 с.
2. Вахштайн ВС. *Техника, или Обаяние прогресса*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2021. 156 с.
3. Шамаю Г. *Теория дрона*. Блинов Е, переводчик; Алексеева А, редактор. Москва: Ад маргинем; 2020. 277 с.
4. Воробьева ИВ, Салахутдинов ВД. Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта. В: Семенов АВ, редактор. *Малышевские чтения – 2020. Наука и образование: будущее и цели устойчивого развития. Материалы XVI Международной научной конференции. Часть 4*. Москва: Частное образовательное учреждение высшего образования «Московский университет имени С. Ю. Витте»; 2020. с. 62–72.
5. Белокрылова ВА, Добродородный ДГ. Конвергенция социальных и информационных технологий и проблема доверия в цифровом обществе. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2022;1:18–26.
6. Kline R, Pinch T. Users as agents of technological change: the social construction of the automobile in the rural united states. *Technology and Culture*. 1996;37(4):763–795. DOI: 10.2307/3107097.
7. Bijker WE. The social construction of Bakelite: toward a theory of invention. In: Bijker WE, Hughes TP, Pinch TJ, editors. *The social construction of technological systems: new directions in the sociology and history of technology*. Cambridge: MIT Press; 1987. p. 159–187.
8. Forsythe DE. The construction of work in artificial intelligence. *Science, Technology & Human Values*. 1993;18:460–479.
9. Bailey DE, Barley SR. Beyond design and use: how scholars should study intelligent technologies. *Information and Organization* [Internet]. 2020 [cited 2023 October 29];30(2). Available from: <https://www.sciencedirect.com/getaccess/pii/S147177271830232X/purchase>.
10. Markoff J. *Machines of loving grace: the quest for common ground between humans and robots*. New York: Ecco; 2015. 400 p.
11. Курцвейл Р. *Эволюция разума, или Бесконечные возможности человеческого мозга, основанные на распознавании образов*. Мосолова ТП, переводчик. Москва: Эксмо; 2018. 349 с.
12. Latour B. *Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory*. Oxford: Oxford University Press; 2005. 301 p.
13. Ihde D. *Experimental phenomenology: multistabilities*. 2nd edition. Albany: State University of New York Press; 2012. 216 p.
14. Rosenberger R. *Callous objects: designs against the homeless*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 2017. XX, 89 p.

References

1. Vereshchako AI. *Dinamika issledovatel'skikh programm v klassicheskoi i postklassicheskoi filosofii tekhniki* [Dynamics of research programmes in classical and postclassical philosophy of technology] [dissertation]. Minsk: Belarusian State University; 2022. 175 p. Russian.
2. Vakhshstain VS. *Tekhnika, ili Obayanie progressa* [Technique, or The charm of progress]. Saint Petersburg: EUSP Press; 2021. 156 p. Russian.
3. Chamayou G. *Teoriya drona* [Drone theory]. Blinov E, translator; Alekseeva A, editor. Moscow: Ad marginem; 2020. 277 p. Russian.

4. Vorob'eva IV, Salakhutdinov VD. [Problems of legal regulation of artificial intelligence]. In: Semenov AV, editor. *Malysheskie chteniya – 2020. Nauka i obrazovanie: budushchee i tseli ustoichivogo razvitiya. Materialy XVI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Chast' 4* [Malyshev readings – 2020. Science and education: the future and sustainable development goals. Materials of the 16th International scientific conference. Part 4]. Moscow: Private educational institution of higher education «Moscow University named after S. Yu. Witte»; 2020. p. 62–72. Russian.
5. Belakrylava VA, Dabrarodni DG. Convergence of social and information technologies and the problem of trust in a digital society. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2022;1:18–26. Russian.
6. Kline R, Pinch T. Users as agents of technological change: the social construction of the automobile in the rural united states. *Technology and Culture*. 1996;37(4):763–795. DOI: 10.2307/3107097.
7. Bijker WE. The social construction of Bakelite: toward a theory of invention. In: Bijker WE, Hughes TP, Pinch TJ, editors. *The social construction of technological systems: new directions in the sociology and history of technology*. Cambridge: MIT Press; 1987. p. 159–187.
8. Forsythe DE. The construction of work in artificial intelligence. *Science, Technology & Human Values*. 1993;18:460–479.
9. Bailey DE, Barley SR. Beyond design and use: how scholars should study intelligent technologies. *Information and Organization* [Internet]. 2020 [cited 2023 October 29];30(2). Available from: <https://www.sciencedirect.com/getaccess/pii/S147177271830232X/purchase>.
10. Markoff J. *Machines of loving grace: the quest for common ground between humans and robots*. New York: Ecco; 2015. 400 p.
11. Kurzweil R. *Evolyutsiya razuma, ili Beskonechnye vozmozhnosti chelovecheskogo mozga, osnovannye na raspoznavanii obrazov* [The evolution of the mind, or The infinite possibilities of the human brain bases on pattern recognition]. Maslova TP, translator. Moscow: Eksmo; 2018. 349 p. Russian.
12. Latour B. *Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory*. Oxford: Oxford University Press; 2005. 301 p.
13. Ihde D. *Experimental phenomenology: multistabilities*. 2nd edition. Albany: State University of New York Press; 2012. 216 p.
14. Rosenberger R. *Callous objects: designs against the homeless*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 2017. XX, 89 p.

Статья поступила в редколлегию 08.12.2023.
Received by editorial board 08.12.2023.

Ф И Л О С О Ф И Я И М Е Т О Д О Л О Г И Я Н А У К И

PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

УДК 111.1:14:001

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНИМОСТИ АНТРОПНОГО ПРИНЦИПА

Е. В. САВЛУКОВА¹⁾, И. А. БАРСУК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследован антропный принцип в современном научном познании. Продемонстрированы варианты его толкования, а также показан эвристический потенциал этого принципа и обоснованы пределы его применимости в постнеклассической науке. Выявлено, что философско-мировоззренческие и методологические основания антропного принципа приобретают статус универсального конструкта в формировании современной научной картины мира. Объяснено, почему антропный принцип позволяет теоретически разрешить ряд фундаментальных вопросов современной астрофизики и космологии. Репрезентативно представлена взаимосвязь концепции глобального эволюционизма с социально-гуманитарным и естественно-научным познанием.

Ключевые слова: антропный принцип; виртуалистика; философия; космология; постнеклассическая наука; глобальный эволюционизм.

Образец цитирования:

Савлукова ЕВ, Барсук ИА. Эвристический потенциал и пределы применимости антропного принципа. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;1:75–83.
EDN: IJUING

For citation:

Savlukova EV, Barsuk IA. Heuristic potentiality and applicability limits of the anthropic principle. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;1: 75–83. Russian.
EDN: IJUING

Авторы:

Елизавета Викторовна Савлукова – аспирантка кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – И. А. Барсук.

Ирина Александровна Барсук – кандидат философских наук, доцент; заведующий кафедрой философии культуры факультета философии и социальных наук.

Authors:

Elizaveta V. Savlukova, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
merryelizabeth@mail.ru

Irina A. Barsuk, PhD (philosophy), docent; head of the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
bars-1979@yandex.ru

HEURISTIC POTENTIALITY AND APPLICABILITY LIMITS OF THE ANTHROPIC PRINCIPLE

E. V. SAVLUKOVA^a, I. A. BARSUK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: E. V. Savlukova (merryelizabeth@mail.ru)

The article examines the anthropic principle in modern scientific knowledge, demonstrates its interpretations, shows its heuristic potential, and substantiates the limits of applicability in post-non-classical science. It is revealed that the philosophical, ideological and methodological foundations of the anthropic principle acquire the status of a universal construct in the formation of the modern scientific picture of the world. It is substantiated why the anthropic principle allows theoretically solving a number of fundamental issues of modern astrophysics and cosmology. The interrelation of the concept of global evolutionism with socio-humanitarian and natural science cognition is presented representatively.

Keywords: anthropic principle; virtualistics; philosophy; cosmology; post-non-classical science; global evolutionism.

Введение

При исследовании многочисленных факторов возникновения и существования жизни на Земле научное сообщество периодически актуализирует вопрос о закономерностях эволюции Вселенной, предполагающий появление мыслящего наблюдателя в условиях конкретно заданных параметров. Как правило, он рассматривается в контексте антропного принципа – неотъемлемой части концепции глобального эволюционизма, предположения которой строятся на том, что для наблюдаемой человеком Вселенной характерно возникновение жизни в ходе ее эволюции. Среди многочисленных дискуссионных вопросов (например, об устройстве темной энергии, формировании космоса и т. д.) необходима констатация факта существования человека, вокруг которого выстраиваются все теоретико-методологические проблемы современной науки. Проблематика исследования антропного принципа оформляется в контексте существующих безразмерных физических констант (число пи, параметры плотности противопоставления гравитации и темной энергии), малейшие изменения в которых означали бы невозможность возникновения и развития космоса, потому что в других условиях изначально заданных параметров Вселенная была бы сформирована совершенно иначе и, возможно, включала в себя элемент существования разумной жизни.

Антропный принцип, как одна из дискуссионных проблем в современной науке и философии, есть теоретическое обоснование роли и места разумной жизни, а также человека во Вселенной. Аксиологическая значимость этого принципа связана с исследованиями о параметрах Вселенной Г. М. Ид-лиса, Б. Катера, И. Л. Розенталя, Дж. Уилера, С. Хокинга и др. Благодаря антропному принципу можно обнаружить свойства Вселенной, которые являются определяющими в вопросе возникновения жизни как фундаментальной структуры материи. Значимую роль в рассмотрении изучаемого феномена

играет обоснованная заданность конкретных взаимосогласованных свойств Вселенной, благодаря которым возможна жизнь. Значение антропного принципа определяется в утверждении гармоничной связи между космосом и человеком в контексте неклассической космологии: данный принцип соотносят с концепцией расширяющейся Вселенной, где человек предстает в качестве разумного наблюдателя. По этой причине такой принцип позволяет сформулировать новые подходы к трактовке и исследованиям эволюции Вселенной, выделяя не первоначальные условия ее развития, а конкретные пути ее эволюции, которые ведут к моменту возникновения жизни, в частности взаимодействие микро-, макро- и мегауровней, описывая целостность физического мира через конечные причины, формируя новый тип научной рациональности и иницируя теоретико-методологический аспект интерпретации проблемы.

Эволюционная проблематика в науке, развивающаяся в середине XX в., предопределяет становление концепции о связи различных уровней движения материи, ее неорганических, органических и социальных форм, благодаря чему стало возможным объяснение структурной и генетической общности космической, химической, биологической и социальной эволюции. Так, идея универсального глобального эволюционизма объединила идеи материалистической концепции развития, представляя их в качестве новой парадигмы мышления, направленной на поиск интегральных механизмов эволюции человека и природы, что указывает на теоретическую необходимость рассмотрения этой концепции сквозь призму антропного принципа. Данная проблематика актуальна, поскольку на определенных уровнях развития научное познание нуждается в философских методах и подходах, объясняющих основания науки и выстраивающих перспективы для дальнейших исследований. Для современной науки характерно ее взаимодействие с философской

рефлексией, формирующей пространство для создания необходимых эвристических моделей описания реальности.

Таким образом, современная наука концентрируется на понимании того, что является началом новой психофизической эпохи, когда без понимания антропных свойств Вселенной становится невозможно ее естественно-научное изучение, которое прежде находилось на «сухом» физическом, материальном уровне, основывавшемся на внешнем созерцании природы и мира без обращения в глубину самого человека и истоков понимания им всего [1, с. 158]. Квантовая механика акцентирует внимание на деятельностной сущности наблюдателя-человека во Вселенной, настаивая на идее о том, что весь космический порядок выстраивается в соответствии с самосогласованными наблюдениями. Современное

Антропный принцип в эволюционно-синергетической картине мира

Антропный принцип – фундаментальный принцип современной космологии, который демонстрирует взаимосвязь свойств Вселенной, или метагалактики, и существующего в ней человека, являющегося наблюдателем. Термин «антропный принцип» был предложен в 1973 г. физиком Б. Картером, поскольку он считал нужным ограничить условия, необходимые для человеческого существования в качестве наблюдателя. Дж. Уиллер представил классификацию, обосновывающую антропный принцип, а именно существование таких его модификаций, как слабый антропный принцип, сильный антропный принцип и принцип участия. Как писал Б. Картер, «...слабый антропный принцип предполагает существование области Вселенной с конкретной, пригодной для возникновения жизни структурой. Вариации Вселенных с иным набором констант, отличных от наших, не могут быть наблюдаемы, поскольку не предполагают наличия наблюдателя, то есть человека. Сильный антропный принцип предполагает наличие Вселенной вместе с ее фундаментальными параметрами, в зависимости от которых она находится. При этом Вселенная предполагает появление наблюдателя только на определенном этапе собственной эволюции» [3, с. 372].

В XX в. происходил разрыв фундаментальных гносеологических установок антропного принципа в естествознании и человекознании. Это требовало появления новых точек зрения на человека, а следовательно, и дополнения философской антропологии иными теоретическими построениями. Антропному принципу здесь приходится обращаться не только к физическим, но и к философским интерпретациям, имеющим более глубокое понимание мира, представленного в XXI в. в синкретическом подходе анализа связи человека и мира. Такой принцип может быть рассмотрен в генетическом и актуальном аспектах. Первый, будучи наиболее слож-

научное мышление делает первые шаги в формировании космосоциокреативности (интенсивной космотехнологической деятельности в астрономических масштабах), в которой человечество является причастной к космической системе. Во Вселенной для человека изначально было определено конкретное место. Кроме того, оно было предназначено для развития человеческих способностей и разума как неотъемлемой части универсума. Несмотря на то что многие вопросы, касающиеся зарождения и эволюции всякой родовой сущности, остаются нерешенными, однозначно можно говорить о важности маленького человека в бесконечной Вселенной. В данном аспекте выявляется глубочайшая связь человека и Вселенной, при этом подчеркивается человекомерность объектов астрономического исследования [2, с. 27].

ным, формирует связь между человеком и миром. Второй имеет дело с процессами, происходящими в рамках указанной связи. Помимо этих двух аспектов, взаимосвязь мира и человека подразумевает существование следующих основных элементов: мир как целое (Вселенная), включающий в себя природу и человеческий мир, с точки зрения физики, а также Вселенная как целое, дух и природа с точки зрения философии. Интерпретация появления человека в системе мироздания вариативна. Некоторые объяснения базируются на представлении о существовании чего-то более глубокого, чем уровень элементарных частиц, а именно вида материи, устроенного для человека изначально. Физики верят в то, что физический мир – это только поверхностное явление наряду с более глубокими типами материи, которые непосредственно влияют на ход событий физических процессов. В современных исследованиях обозримой структуры мира существует мнение о том, что физический мир есть проявление особого типа реальности с более сложным устройством.

Фундаментальная мировоззренческая установка считается примером основополагающей гносеологической структуры, которая характеризуется определенным типом отношения к познаваемому объекту, миру и человеку, базируясь на конкретных ограничениях и предписаниях. Такой установке свойственно выступать результатом мировоззренческого опыта, она воспринимается в форме неявной аксиомы. Причиной этому стала установка, в соответствии с которой формирование гипотез – процесс исключительно субъективный, имеющий множество вариаций. Данная теория открывает новый тип в рамках интуитивной картины мира, согласующейся с общей картиной мира, которая доминирует в том или ином обществе, при этом она формирует новый тип гносеологической установки, функционирующей в виде интуитивно-дискурсивной конструкции. Познавая

мир, субъект исследует различные явления и феномены в качестве информации – объективного знания, проходящего через интуитивно-логические предписания и репрезентирующего внутренний мир человека. Среди них можно обозначить некоторые аксиомоподобные интуитивно-логические предписания, являющиеся для познающего индивида своеобразным методологическим фильтром анализа внешнего мира, а также определенные конструкции теоретического характера. Такие предписания представлены предельно абстрактно, при этом они не исключают личностного характера, следовательно, данная аксиомоподобность является функцией в экзистенциально-теоретическом опыте субъекта.

Русский космизм – направление, предвосхитившее некоторые фундаментальные научные идеи в космологии неклассики и постклассики. К. Э. Циолковский сформулировал проблему согласованности между человеком и системой универсальной среды. Ученый исследовал возможность взаимодополнения человеческой подсистемы и нечеловеческой составляющей с точки зрения космологии. Человек для активноэволюционных мыслителей – существо промежуточное, находящееся в процессе роста, далеко не совершенное, но вместе с тем сознательное и творческое, призванное преобразить и внешний мир, и собственную природу. Антропный принцип есть и в идеях В. И. Вернадского о ноосфере, или сфере разума, замещающей прежнее наполнение биосферы. Сильный антропный принцип, введенный Б. Картером, может допускать присутствие трансцендентного, в нем данная идея противопоставляется содержанию идеи о ноосфере как разумности самоорганизующегося мира. Указанный принцип в процессе своего теоретического развития расширяет рамки научных исканий, включая в них изучение космологического вакуума, который отличается от других частиц материи способностью гравитационного отталкивания. Вакуум можно трактовать в качестве прародителя вариаций, присутствующих в физическом мире. Современное естествознание выделяет три вакуумные подсистемы: электрослабую подсистему, кварк-глюонный вакуумный конденсат, а также нулевые колебания разных полей. Космологическое расширение Вселенной осуществляется всеми указанными подсистемами. Данные рассуждения можно соотнести с идеей В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу.

Так называемые антропные дискуссии находятся в центре интенсивных дебатов, которые в последнее время имеют место не только среди физиков и космологов, но и среди философов и богословов. Одна из основных причин такого широкого интереса кроется в телеологических исследованиях физики и космологии. Совпадения, вытекающие из безразмерных комбинаций фундаментальных констант среди физических и космологических параметров, побуждали авторов указывать на особый характер многих черт

нашей Вселенной. Исследователи подчеркивают потенциальную зависимость от особых значений связи следующих фундаментальных сил: разницы масс нейтрона и протона, а также фактического значения космологических величин, которые, как в случае с постоянной Хаббла и параметром плотности, управляют космической эволюцией.

В современной науке антропный принцип получил статус мировоззренческого и методологического основания и имеет различные интерпретации, конкурирующие между собой. Несмотря на то что многие ученые оспаривают его философско-мировоззренческие и методологические аспекты и настаивают на строгом научном содержании, именно расширенная интерпретация приобретает статус универсального конструкта формирования современной научной картины мира. В. С. Стёпин выдвинул идею перехода научного познания к исследованиям объектов нового типа, а именно специфических систем, в которых присутствуют свойства открытости и саморазвития, необходимость глубокого анализа методов с использованием междисциплинарных исследовательских программ, целостность научной картины мира, а также включенность ценностных аспектов в исследовательские нормы [2, с. 145].

Для космологии характерна именно преэминентность постнеклассических умозрений в пространстве неклассического контекста. Объекты, изучаемые космологами (галактики или Вселенная), рассматриваются с позиций неклассики и постклассики в одно и то же время для более результативных итогов исследования. В ходе исторического развития Вселенная представляла в роли всеохватывающего физического объекта. В современной науке именно благодаря антропному принципу можно наблюдать Вселенную в качестве смоделированного человекомерного объекта.

Антропный принцип даже в контексте своей формулировки не предстает альтернативой принципа наблюдаемости, поскольку в рамках научного познания мира он предоставляет возможность для дополнительного внеэмпирического критерия выбора модели Вселенной, а в рамках философии имеет антропный смысл и объясняет фундаментальные свойства универсума согласно существованию человека.

Одним из важных аспектов при изучении антропного принципа являются условия возникновения разумного наблюдателя, к которым можно отнести совокупность физико-химических и биосоциальных предпосылок возникновения человека, материальных, интеллектуальных и теоретических условий, а также социокультурных аспектов в деятельности познающего субъекта. Г. М. Идлис выделил макроскопические условия, в которых зарождалась жизнь во Вселенной, однако не затронул сторону материальных и интеллектуальных условий познания, опосредующую взаимодействия субъекта и объекта. Позже они были рассмотрены среди условий эмпирического

и теоретического уровней как системы, в которой физические понятия, теории и концепции представляют Вселенную в процессе ее исследования [4, с. 148].

Универсум изучается с точки зрения человеческого опыта, знаний и умозаключений, нередко диктуемых предрассудками и иллюзиями, а также с философской точки зрения, которая воспринимается отдельно от научной. Квазинаучные представления часто становятся основой для более точных, экспериментально выверенных гипотез, однако и тогда не могут претендовать на истинностный характер ввиду ограниченного положения наблюдателя в рамках физической реальности, окружающей его в объективном мире. Астрономические условия также выстраиваются с учетом геоцентрической позиции познающего субъекта, поскольку среди различных вероятных раскладов только в нашей пространственно-временной позиции есть смысл вести исследования.

Кроме прочих условий, внимание уделяется также космогоническим факторам, благодаря которым возникли человеческая жизнь и интеллект в конкретном физико-химическом пространстве в определенный момент времени. Исходя из того, что человек-наблюдатель мог возникнуть только в конкретной совокупности условий Вселенной, некоторые космологи включают в фундаментальные параметры факт самого существования человека. Однако снача-

ла считалось, что данный факт не влияет на построение целостности модели Вселенной. Позже стало очевидно, что антропный принцип является необходимым элементом любой космологической концепции или теории. Некоторые идеи оказывают обратное влияние на него. Существуют смежные области взаимодействия, например условия для формирования биологических форм жизни. Кроме того, «в современном естествознании можно также усмотреть признаки иного подхода к проблеме генезиса физического устройства Вселенной, основанного на широкой экстраполяции идей теории самоорганизации» [5, с. 13].

Дискуссии касательно антропного принципа развиваются и в направлении, которое ставит вопросы о том, что мы наблюдаем во Вселенной и как это зависит от субъекта-наблюдателя. Интерес философов, религиоведов и космологов связан с возникновением исключительно наблюдаемых человеком явлений физической реальности. Ответ на данные вопросы ученые ищут не только в космологии или в самом антропном принципе, но и в физике и философии. Исследователи выдвинули мысль о том, что Вселенная такова, какой мы ее наблюдаем, по причине того, что существует познающий субъект. Таким образом, наблюдатель влияет на изменения во Вселенной.

Антропный принцип и физические процессы эволюции Вселенной

Виртуалистика наделила антропный принцип новыми смыслами. Объектами данной науки о виртуальной реальности считаются проявления виртуальной реальности и виртуальной информации, в которой действуют познающие субъекты. Виртуалистика предполагает существование множества типов бытия и действительности. В повседневной жизни мы сталкиваемся с телесной реальностью, которая выражается в многообразии чувственного восприятия, сформированного у познающего субъекта в ходе выстраивания собственной системы мировоззрения и философии через элементы воспитания и образования.

Как правило, телесная часть бытия в контексте философской антропологии подразумевает объективную реальность, потому что рационалистическая интерпретация человека исходит из классической философии лишь при восприятии человека с точки зрения его телесности. Следовательно, под реальностью можно понимать все существующее в той или иной форме, обладающее определенной совокупностью качеств и характеристик, а также все то, что может быть обнаружено через взаимодействие. Данное понимание виртуальной реальности прослеживается в истории познания. Последнее развивало смыслы объектов, превращая постоянные значения в изменяющиеся. Космология и синергетика дают различные формулировки антропного принципа. В виртуалистике этот принцип имеет свою специфику, он

представлен в двух основных формах: в виде слабого антропного принципа, понимающего виртуальную реальность как возможную для существования познающего субъекта реальность, и в виде сильного антропного принципа, определяющего виртуальную реальность как такую, в которой необходимо существование познающего субъекта. Второй смысл виртуальности является человекомерным и используется чаще первого, его зачатки можно наблюдать еще в античной философии, где Протагор признал человека мерой всех вещей.

Философия и теология отдают предпочтение первой форме виртуальности и утверждают наличие абсолюта, Бога и субстанции как перво двигателя, независимых от человеческого существования. При рассмотрении философии духа отчетливо видно смысловое содержание антропного принципа и антропного принципа виртуальности, выражающееся в концепте о том, что абсолютным существованием может быть наделен исключительно абсолют (в философии) или творец (в теологии). Все, что существует помимо абсолюта или творца, относительно и наделено тем или иным качеством бытия в зависимости от абсолюта.

Исходя из сильного антропного принципа виртуальности, реальный мир доступен и открыт для человека, способного решить в нем любую задачу. Слабый антропный принцип виртуальности включает

три основных варианта взаимоотношений человека и мира. Во-первых, вся потенциальная реальность существует в качестве универсума. Во-вторых, познающий субъект способен исследовать лишь часть универсума. В-третьих, есть мир, который не является человекомерным, он непознаваем и недоступен для познания [5, с. 36].

Очевидно, что слабый антропный принцип виртуальности охватывает большее пространство для реализации человеческих возможностей, чем сильный, а также позволяет расширить границы, в которых существует виртуальное и потенциальное. Свобода и творчество человека являются необходимыми характеристиками его деятельности, как было установлено еще в эпоху Возрождения и развито в философских и мировоззренческих концептах XX в.

Антропный принцип в постнеклассической науке утверждает наличие во Вселенной определенных свойств, фундаментальных физических постоянных, законов и т. д. Универсум – эволюционирующая система, структура которой существует и усложняется благодаря человеку, актуально (сильный антропный принцип) или потенциально (слабый антропный принцип) действующему в данной системе. Человек же является системой, берущей за основу духовный, психологический и вещественный уровни. Он имеет духовные свойства (свободу, проявление любви, творчества и абсолютности), психические свойства (разумность, нравственность с привнесением идеалов истины, добра, красоты, принадлежности к семейству разумных существ) и вещественные свойства (человеческий геном (25 генов), наличие двух полов, общества, материальных культурных ценностей). Как писал В. С. Стёпин, «...на любом этапе познания человек будет видеть природу такой, какой она принципиально может быть представлена в его практике. Лишь благодаря, а не вопреки этому, он познает природу “саму по себе”» [7, с. 23].

Современная система знаний представлена в виде фрагментированной совокупности концепций и фактических данных, собранных в различных областях естественно-научных и гуманитарных исследований, а также проанализированных с точки зрения философии. Стоит отметить, что дальнейшее развитие науки предполагает прогресс в конкретных направлениях, которые могут стать причиной фундаментальных изменений в научном мировоззрении. Однако нельзя не заметить общий базис, на котором выстраивается структура науки, – антропный

принцип, позволяющий утверждать наличие во Вселенной ряда разнообразных фундаментальных физических постоянных, приведших к появлению разумной жизни на Земле. По оценкам многих физиков, путь Вселенной (в ходе ее эволюции) от зарождения первых космологических событий нуклеосинтеза до формирования систем галактик, звезд и появления разумной жизни уникален. Исходя из того, что Вселенная все же обеспечила появление познающего субъекта, а именно человека, можно отметить факт высокой точности фундаментальных констант, которые были заданы изначально. Вселенная такая, какой должна быть. Однако остается нерешенным ряд философских проблем, связанных с содержанием антропного принципа. Например, вопрос о том, что объединяет человека и неживую природу на ядерном и атомном уровнях. По мнению А. Л. Зельманова, «в области космических, а тем более космологических масштабов сама возможность существования субъекта, изучающего Вселенную, определяется свойствами изучаемого объекта» [8, с. 73].

Современная концепция глобального эволюционизма взаимодействует с положениями антропного принципа как ее неотъемлемыми, базисными элементами перспективных исследований во всех научных областях. Этапы эволюции Вселенной рассматриваются в соответствии с прогрессивным развитием человеческого общества. Мыслящий субъект не может формировать опыт за границами данной эволюционной линии, так как она является причиной возникновения (на определенном эволюционном этапе) этого комплексного материального объекта, осознающего собственную материальность, как минимум, и механизмы устройства Вселенной, как максимум. Положение наблюдателя, описанное в рамках концепции антропного принципа, выводится на новый уровень включенности в глобальную космическую систему взаимодействия ее элементов. Мыслящий субъект позволяет описывать законы окружающей его физической реальности, прогнозировать последствия деятельности, влияющие на изменение того или иного элемента структуры Вселенной, и выстраивать оптимальные стратегии собственного развития в соответствии с изменениями, действующими в рамках видимой системы метagalaktiki. Антропный принцип занимает онтологическую инструментальную позицию и определяет возможность формулировать универсальные положения о мире сквозь систему восприятия наблюдателя.

Статус антропного принципа в концепции глобального эволюционизма

В философии в частности и науке в целом глобальный эволюционизм формулирует междисциплинарную общенаучную методологию проблематики развития материи. В современной научной

картине мира видна тенденция сочетания принципов системности и эволюционности. Осуществляется поиск универсальных и общенаучных законов, позволяющих описывать постоянное изменение

структуры Вселенной. Сегодня для исследователей приоритетной задачей становится выявление направлений, тенденций и закономерностей в динамике развития материи, которые могут быть зафиксированы современной наукой, а также могут претендовать на адекватный научный прогноз исходов дальнейшего взаимодействия человека, природы и космоса. Концепция глобального эволюционизма предстает как обширная научная и мировоззренческая методология и как универсальный закон взаимодействия материальных структур среды существования и развития. На данный момент можно говорить о глобальной человеческой деятельности как деятельности космической, однако без отрыва от земной глобальности. Воздействие средствами космонавтики на развитие факторов космоса обусловило космизацию глобальных проблем и процессов. В то же время именно средства космонавтики могут стать решением глобальных проблем, касающихся пространства. Концепция устойчивого развития в границах современного научно-социального контекста должна включать в себя и аспект устойчивого использования космоса.

П. А. Водопьянов писал о том, что универсальной закономерностью биосферы считается «биологический круговорот энергии и вещества, в ходе которого происходит взаимное превращение вещества из одной формы в другую (круговорот углерода, кислорода, озона, фосфора и других химических элементов)» [9, с. 75]. В процессе воздействия на природные экосистемы необходим минимальный процент нагрузки антропогенного характера, если тот или иной аспект человеческой деятельности является неотъемлемым для дальнейшего функционирования и развития. Негативное воздействие на экосистему обуславливает необратимые изменения, функционирование деградационных процессов или ее тотальное уничтожение. Подобные опасения привели к становлению мировоззрения рационального природопользования для сохранения структурных оснований экосистемы, позволяющих направить тенденции развития человеческой деятельности в согласии с природными условиями и масштабами ее возможностей в том или ином процессе.

Стратегия устойчивого развития формирует установки, обеспечивающие благоприятное будущее для того сектора Вселенной, в котором находится человек. В контексте данного понимания стратегическое планирование в таких сферах деятельности человека, как наука и образование, содержит ориентацию на сохранение качественных свойств биосферы в тех рамках, в которых оно способно поддерживать процессы собственного функционирования. Достижение целей устойчивого развития подразумевает синтез традиционных благоприятных способов взаимодействия с окружающей средой, а также продолжение разработок таких моделей

научного и социального мировоззрения, которые предполагают рациональное использование человеком информации, результатов науки и техники для достижения собственных целей. В области образования необходимы некоторые реформы, отвечающие теоретическим потребностям экологического мировоззрения. Следует передавать будущим поколениям информацию о ценностях, знаниях и умениях в рамках устойчивых целей развития планеты. Кроме того, одна из важнейших задач современного образования заключается в передаче практических навыков, целью которых является реализация программы предотвращения экологических кризисов.

По мнению Н. Н. Моисеева, общий пласт образования должен включать в себя как знания гуманитарной области, так и наработки естественно-научных дисциплин, формируя единую научно-мировоззренческую систему. Можно заключить, что именно разрозненность в исследованиях гуманитарных и естественно-научных сфер обусловило формирование кризисного состояния современной общественной, в том числе экологической, мысли, ориентирующейся только на достижение личных целей прагматичного, материалистического характера. Следствие данного ориентира преобразовалось в нравственную ограниченность, политическую и экономическую нестабильность ввиду исключительно прагматических оценок событий реальности и неспособности к адекватному реагированию на кризисные ситуации, связанные прежде всего с экологической проблематикой. Так, актуальным для современного общества является утверждение новой мировоззренческой парадигмы, основанной на непредвзятом, объективном анализе состояния социума и окружающей среды, а также холистического взгляда на систему взаимодействующих акторов (природы, общества и человека). Данная задача реализуема только при наличии тесной взаимосвязи результатов знания всех областей науки и междисциплинарных исследований передовых для научного общества вопросов.

Таким образом, реформы в научном мировоззрении и образовании должны формулироваться на основании междисциплинарных, комплексных знаний о мире, позволяющих воспринимать этот мир во всей его вариативности. Перспективные разработки и исследования будут иметь положительные результаты лишь при модернизации современной экологической ситуации, которая возможна только при деформации человеческого отношения, в частности мировоззрения, нравственного восприятия, ориентиров и ценностных приоритетов, в наиболее негативно действующих секторах промышленного и сельскохозяйственного производства, отвечающих за добычу и использование природного потенциала в его критических масштабах [9, с. 75].

В качестве мировоззренческих оснований концепции глобального эволюционизма предстают идеи таких мыслителей, как М. В. Ломоносов, В. И. Вернадский, Э. Леруа, П. Тейяр де Шарден и К. Э. Циолковский. В. И. Вернадский обосновал концепцию планетарного масштаба научных представлений, в котором главную роль занимала сфера разума, или ноосфера, что отражает социоприродный характер данных исследований. Становление сферы разума, которая также была описана в трудах Э. Леруа и П. Тейяра де Шардена, предполагает именно данную концепцию. Современная наука – это синтез мыслей интернационально-глобального характера, она отражает потенциальные основания становления человеческой цивилизации будущего. Идеи В. И. Вернадского об универсальной научной мысли планетарного масштаба отражены в современных процессах, имеющих отношение к глобальным механизмам. Следовательно, именно ноосферное мировоззрение послужило истоком современной глобалистики, а также фундаментом становления направления нооглобалистики. Современный мир можно понимать как информационное общество, или общество знания, что связано с распространением и научного, и социального знания в планетарных масштабах. Процесс становления информационного общества происходит ввиду интеграции различных результатов познавательной деятельности в целях создания глобальной системы знаний. Здесь важно отметить, что многочисленные формы информации теряют статус локальных феноменов и превращаются во всеобщее глобальное знание.

С наибольшей вероятностью глобальное знание появится в рамках дисциплины, имеющей отношение к исследованиям, в которых ядро теоретико-концептуальных наработок займет глобалистика. Она считается междисциплинарной интегративной областью исследований, определяющей существенные характеристики глобализации и глобальные проблемы. Данная научная область выявляет причины появления тех или иных проблем глобального характера, их законы, тенденции развития и утверждает позитивные и негативные последствия пребывания человечества в биосфере. Таким образом, возникает специфическая форма междисциплинарного научного знания, которая отображает все стороны глобальных процессов и их систем, развивающихся на планете, в их целостной и эволюционной развертке. Современный этап развития глобалистики как области научного поиска можно назвать накопительно-описательным. Это связано с тем, что на данный момент в научном знании глобалистика не воспринимается на уровне научной картины мира, однако рассматривается как один из важных элементов системы интегративного общенаучного знания, которое формирует современ-

ную науку и включает в себя принципы глобального эволюционизма.

Наиболее общие формы и методы входят в систему знаний, а также синтезируют результаты фундаментальных и прикладных разработок в целях создания научно-образовательного глобального пространства. Фундамент современной науки и научного мировоззрения составляют именно глобальные исследования. Стоит отметить, что в рамках глобалистики разрабатываются способы решения глобальных проблем путем взаимодействия цивилизаций для усиления международного сотрудничества и предотвращения экологических и социальных катастроф. Новая ноосферная гуманистическая ориентация подчеркивает взаимодействие основных элементов, таких как человек, общество и природа. Есть опасность гибели человечества ввиду различных глобальных факторов и их последствий, поэтому предотвращение угроз и опасностей для существования жизни на Земле становится первостепенным ориентиром и необходимостью на пути становления устойчивого общества. Общий планетарный характер глобализации является системным и предполагает обретение человеком места и роли на уровне планетарной социоприродной системы. Данная методология является фундаментом для сохранения человеческой цивилизации, преодоления глобальных кризисов и предотвращения угрожающих жизни катастроф. Результат глобализации обусловит формирование единства человечества на пути к переходу к коэволюционным взаимоотношениям с природой. Таким образом, глобализация – это ведущий процесс и важный вектор развития эволюционного и коэволюционного мировоззрения.

Следовательно, инструментом становления новой научной и социоприродной картины мира является ноосферный способ развития природы и общества, который будет сформирован путем осуществления целей концепции устойчивого развития. Под ноосферой понимается гипотетическое положение человека и его взаимоотношений с природой, в которых движущей силой выступает единый общечеловеческий разум, способствующий прогрессивному развитию социоприродной эволюции. В рамках обсуждаемой проблемы субъективный компонент, выражающий личные знания и мнение тех, кто вовлечен в научный дискурс, играет важную роль, поскольку как идея, проблема и гипотеза глобальный эволюционизм еще не завершен, он требует дальнейшего развития данных разработок. Глобальный эволюционизм не претендует на формулировку истинностного понимания мира, а выступает в качестве виртуальной и теоретической модели, основанной на знаниях. Ее ценность пока четко не определена. С начала XXI в. рассматриваемая проблема становится важным структурным элементом современной науки

и научных взглядов и в то же время является принципом (фундаментом) и императивом развития научных знаний. В современной науке глобальный эволюционизм может выступать в качестве концептуального и парадигматического ядра, интегрирующего междисциплинарное знание о процессах и инвариантных тенденциях эволюции в абиотической, биологической и социальной системах. Также концепция глобально-

го эволюционизма основана на определенной части знаний, полученной в рамках развития конкретных научных дисциплин, а также включает в себя ряд философских моделей мировоззрения¹.

Таким образом, универсальный, или глобальный, эволюционизм претендует на статус магистрального тренда в современном познании, являясь трансдисциплинарным знанием.

Заключение

Современная наука направлена на понимание начала новой психофизической эпохи. Если квантовая механика акцентирует внимание на деятельности сущности наблюдателя-человека во Вселенной, настаивая на идее о том, что весь космический порядок выстраивается в соответствии с самосогласованными наблюдениями, то современная на-

ука представляет антропный принцип со своими модификациями, многовекторностью и различными интерпретациями и позволяет утверждать наличие во Вселенной ряда разнообразных фундаментальных физических постоянных и устанавливать причины появления разумной жизни на Земле.

Библиографические ссылки

1. Гиндилис ЛМ. *О современном статусе идеи глобального эволюционизма*. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1986. Антропный принцип и принцип Бруно; с. 158–163.
2. Стёпин ВС, Горохов ВГ, Розов МА. *Философия науки и техники*. Москва: Гардарики; 1999. 400 с.
3. Картер Б. *Космология. Теория и наблюдения*. Москва: Мир; 1978. Совпадение больших чисел и антропологический принцип в космологии; с. 369–379.
4. Идлис ГМ. *Революции в астрономии, физике и космологии*. Москва: Наука; 1985. 232 с.
5. Казютинский ВВ, Балашов ЮВ. Антропный принцип. История и современность. *Природа*. 1989;1:23–32.
6. Войцехович ВЭ. Антропный принцип как интегрирующее ядро постнеклассической науки. *Философия и космология*. 2010;9:33–37.
7. Стёпин ВС. *Научное познание в социальном контексте. Избранные труды*. Минск: БГУ; 2012. 416 с.
8. Зельманов АЛ. К постановке космологической проблемы. В: *Труды Второго съезда Всесоюзного астрономо-геодезического общества*. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1960. с. 72–84.
9. Водопьянов ПА. Приоритеты ноосферного образования и его роль в реализации устойчивого развития. *Труды БГУ. Серия 5, Политология, философия, история, филология*. 2008;5:75–78.

References

1. Gindilis LM. *On the current status of the idea of global evolutionism*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR; 1986. [The anthropic principle and Bruno's principle]; p. 158–163. Russian.
2. Stepin VS, Gorokhov VG, Rozov MA. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of science and technology]. Moscow: Gardariki; 1999. 400 p. Russian.
3. Carter B. *Kosmologiya. Teoriya i nablyudeniya* [Cosmology. Theory and observations]. Moscow: Mir; 1978. [Coincidence of large numbers and the anthropological principle in cosmology]; p. 369–379. Russian.
4. Idlis GM. *Revoljutsii v astronomii, fizike i kosmologii* [Revolutions in astronomy, physics and cosmology]. Moscow: Nauka; 1985. 232 p. Russian.
5. Kazyutinskii VV, Balashov YuV. [Anthropic principle. History and modernity]. *Priroda*. 1989;1:23–32. Russian.
6. Voytsekhovich VE. Anthropoc principle as an integrant core of post-non-classical science. *Philosophy and Cosmology*. 2010;9:33–37. Russian.
7. Stepin VS. *Nauchnoe poznanie v sotsial'nom kontekste. Izbrannye trudy* [Scientific knowledge in a social context. Selected works]. Minsk: Belarusian State University; 2012. 416 p. Russian.
8. Zel'manov AL. [Towards the formulation of the cosmological problem]. In: *Trudy Vtorogo s'ezda Vsesoyuznogo astronomo-geodezicheskogo obshchestva* [Proceedings of the Second congress of the All-union astronomical and geodetic society]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR; 1960. p. 72–84. Russian.
9. Vodopyanov PA. [Priorities of noospheric education and its role in the implementation of sustainable development]. *Trudy BGTU. Seriya 5, Politologiya, filosofiya, istoriya, filologiya*. 2008;5:75–78. Russian.

Статья поступила в редколлегию 01.02.2023.
Received by editorial board 01.02.2023.

¹Урсул А. Д. Универсальный эволюционизм: концепции, подходы, принципы, перспективы : учеб. пособие. М. : Изд-во РАГС, 2007. 324 с.

УДК 612.821.1

МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ПОЛЕТА У ОПЕРАТОРА БЕСПИЛОТНОГО ЛЕТАТЕЛЬНОГО АППАРАТА

Т. В. КОКИНА¹⁾, А. И. КУНЦЕВИЧ¹⁾, Д. А. ДЬЯКОВ²⁾, И. А. ФУРМАНОВ³⁾

¹⁾223 центр авиационной медицины Военно-воздушных сил и войск противовоздушной обороны
Вооруженных Сил Республики Беларусь, ул. Молодежная, 24,
223012, г. п. Мачулищи, Минский район, Беларусь

²⁾Белорусская государственная академия авиации, ул. Уборевича, 77,
220096, г. Минск, Беларусь

³⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь

Образец цитирования:

Кокина ТВ, Кунцевич АИ, Дьяков ДА, Фурманов ИА. Медико-психологические аспекты формирования образа полета у оператора беспилотного летательного аппарата. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;1:84–90.
EDN: PENGCV

For citation:

Kokina TV, Kuntsevich AI, Djakov DA, Fourmanov IA. Medical and psychological aspects of image of flight formation at unmanned aerial vehicle operator. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;1:84–90. Russian.
EDN: PENGCV

Авторы:

Татьяна Вячеславовна Кокина – старший офицер отдела авиационной психологии.

Андрей Иванович Кунцевич – подполковник медицинской службы; начальник.

Дмитрий Александрович Дьяков – кандидат исторических наук, доцент; начальник кафедры беспилотных авиационных комплексов и боевого управления военного факультета.

Игорь Александрович Фурманов – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Tatsiana V. Kokina, senior officer at the department of aviation psychology.

indep_999@inbox.ru

<https://orcid.org/0009-0003-0819-8074>

Andrei I. Kuntsevich, lieutenant colonel of medical service; head of the state agency.

andreyka75@tut.by

<https://orcid.org/0009-0009-6127-0323>

Dmitry A. Djakov, PhD (history), docent; head of the department of unmanned aircraft systems and combat control, military faculty.

djakovd@tut.by

<https://orcid.org/0009-0007-2208-0880>

Igor A. Fourmanov, doctor of science (psychology), full professor; head of the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.

fourmigor@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-1931-9751>

Безопасность полета беспилотного летательного аппарата (БЛА) государственной авиации характеризуется его безаварийным использованием. На эффективность профессиональной деятельности оператора БЛА непосредственно влияет успешность построения и выполнения полетного задания, что, в свою очередь, зависит от особенностей психической регуляции его профессиональной деятельности. Психическая регуляция управляющих действий оператора осуществляется благодаря сформированному целостному образу полета. Понимание медико-психологических аспектов его формирования позволит выделить особенности психической регуляции управляющих действий оператора БЛА для решения задач по подготовке оператора БЛА и оптимизации его профессиональной деятельности.

Ключевые слова: безопасность полетов; профессиональная деятельность; человек-оператор; образ полета; психическая регуляция; оперативность; эффективность; пространственная ориентировка.

MEDICAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF IMAGE OF FLIGHT FORMATION AT UNMANNED AERIAL VEHICLE OPERATOR

T. V. KOKINA^a, A. I. KUNTSEVICH^a, D. A. DJAKOV^b, I. A. FOURMANOV^c

^a223 Aviation Medicine Center of Air Force and Air Defense Forces of Armed Forces
of the Republic of Belarus, 24 Maladzjozhnaja Street, 223012, urban-type settlement Machulishchy,
Minsk District, Belarus

^bBelarusian State Academy of Aviation, 77 Ubarevicha Street,
Minsk 220096, Belarus

^cBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue,
Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: T. V. Kokina (indep_999@inbox.ru)

Flight safety of an unmanned aerial vehicle (UAV) of the state aviation is characterised by its emergency-free applying. The effectiveness of the professional activity of a UAV operator is directly influenced by the success of constructing and executing a flight mission, which in turn depends on the characteristics of the mental regulation of his professional activity. Mental regulation of the operator's control actions is carried out thanks to the formed holistic image of flight. Understanding of the medical and psychological aspects of the mechanisms of its formation will allow us to highlight the features of mental regulation of the operator's control actions of a UAV operator to solve the problems of training a UAV operator and optimising his professional activity.

Keywords: flight safety; professional activity; human operator; image of flight; mental regulation; operativeness; effectiveness; spatial orientation.

Введение

Современные методы ведения боевых действий требуют развития техники, обеспечивающей выполнение боевых задач. Расширение применения беспилотной авиации для различных целей отмечается как в зарубежных странах, так и в Беларуси. В настоящее время основным направлением практического использования беспилотных летательных аппаратов (БЛА) в Беларуси в рамках боевых задач является ведение разведки. Данные разведки используются в деятельности артиллеристов и ракетчиков, военнослужащих механизированных подразделений и сил специальных операций.

Успешность построения и выполнения полетного задания оператором БЛА зависит от особенностей психической регуляции его профессиональной

деятельности. Психический образ деятельности – это регулятор предметных действий, обеспечивающий их адекватность предмету, средствам и условиям деятельности [1].

Теория образного отражения действительности человеком показана в работах Б. Г. Ананьева, Д. А. Ошанина, А. А. Обознова, С. Л. Рубинштейна и др. [2–5]. Проблема рассматриваемого образа в системе психофизиологической регуляции деятельности летчика глубоко раскрыта в трудах Б. Ф. Ломова, Н. Д. Заваловой и их коллег [6; 7], а в системе психической регуляции деятельности оператора БЛА до сих пор является недостаточно изученной, в существующих научных работах лишь подчеркиваются некоторые ее особенности [1; 8].

Теоретические основы

Считается, что автоматический процесс управления БЛА, в сравнении с процессом управления пилотируемыми воздушными судами, имеет ряд преимуществ

для операторов. Так, В. М. Звоников указывал на то, что оператор БЛА находится вне зоны боевого соприкосновения, вероятность его поражения

намного ниже, чем у летчика пилотируемой авиации (ПА), и на него отрицательно не воздействуют такие факторы полета, как перегрузки, гипоксия и перепады давления, при этом затраты на подготовку оператора БЛА намного ниже, чем затраты на подготовку летчика ПА [9].

Однако опыт применения БЛА в военных целях показал наличие проблем, связанных с отбором операторов, их подготовкой и сохранением у них высокой работоспособности и надежности при решении профессиональных задач [10]. В тех странах, где БЛА используются длительное время, накопился значительный опыт исследований морально-этических и психологических проблем, с которыми сталкиваются операторы БЛА, а также особенностей профессиональной деятельности данных операторов [11].

Таким образом, возрастает необходимость создания безопасного полета БЛА, в том числе с учетом человеческого фактора. Важным направлением в достижении этой цели является «обеспечение безаварийного применения БЛА, исключающего неконтролируемое падение БЛА на землю и связанного с этим непреднамеренное нанесение ущерба жизни, здоровью людей и их имуществу на земле» [12, с. 16].

В инженерной психологии термин «оператор» применяется к человеку, «взаимодействующему со сложной техникой через информационные процессы» [13, с. 9]. По мнению А. Г. Караяни и А. Ф. Караваева, профессиональная деятельность оператора БЛА характеризуется бедностью сенсорной информации, сложностью дистанционного управления аппаратом в условиях временной задержки и помех, а также необходимостью полной согласованности действий в групповом полете [13]. Оператор БЛА получает в основном зрительную информацию: крупнозернистую картинку, как правило, с носовой камеры БЛА, транслируемую с задержкой в несколько секунд в том случае, если управление идет через спутник. Кроме того, он видит «карту и различные цифровые данные на дисплеях, нуждающиеся в интерпретации» [13, с. 9]. Как отмечал Б. Б. Величковский, к важнейшим психологическим проблемам управления БЛА относятся отсутствие слуховой и проприоцептивной информации о полете, пространственная удаленность оператора от управляемого аппарата, в связи с чем он может допускать значимые ошибки в принятии решений [14]. В целом принятие решений у представителей операторских профессий происходит на фоне высокой психической напряженности, вызванной дефицитом времени, высоким уровнем контроля за показаниями приборов и интенсивной деятельностью по пилотированию летательным аппаратом [6].

Согласно А. Г. Караяни и А. Ф. Караваеву операторы БЛА в процессе выполнения полетных заданий не ограничиваются показаниями приборов и представлениями о реальных событиях, стоящих за этими

показаниями: через видеонаблюдение они дистанционно присутствуют в районе выполнения полетного задания [13].

Процесс управления БЛА обеспечивается решением двух взаимосвязанных задач: непосредственным управлением полетом БЛА и управлением целевой нагрузкой (ЦН). В качестве ЦН у большинства БЛА чаще всего выступают системы видеонаблюдения за объектами, находящимися на земной поверхности. На пункте управления представлены два рабочих места для каждого из операторов, решающих определенную задачу. Как отмечали П. И. Савелов и его коллеги, на экране монитора оператора управления полетом БЛА визуальным образом представлены шкалы изменения высоты полета БЛА, его скорости, углов крена и тангажа, а на экране монитора оператора управления ЦН – изображение земной поверхности, местоположение наблюдаемой цели, показания лазерного дальномера (дальность от БЛА до цели) и другая необходимая информация [15].

Работа оператора БЛА – это совмещенная операторская деятельность, характеризующаяся «объективной необходимостью одновременного выполнения задач, имеющих разную целевую направленность» [16, с. 211].

Для деятельности оператора БЛА характерно выполнение совмещенных действий, которые направлены на достижение различных целей (пилотирование на малой высоте с поиском и обнаружением целей, выход в зону в определенное время и в конкретном месте, проход над площадкой без обнаружения БЛА средствами противовоздушной обороны противника, действия в аварийных ситуациях полета и др.). Сравнение профессиональной деятельности операторов БЛА и летчика ПА показало, что первому свойственны высокая психическая напряженность, мобилизация внутренних ресурсов, наличие специальных психофизиологических качеств [17], вынужденный темп работы и высокий темп восприятия и переработки информации. Оператор БЛА должен выполнять значительное количество расчетов в уме и сохранять в памяти большое число исходных данных. В связи с этим у него нередко возникает необходимость принимать решения при недостатке информации либо при наличии искаженных сведений.

Успешность построения и выполнения полетного задания оператором БЛА зависит от особенностей психической регуляции его профессиональной деятельности. Общим в психической регуляции деятельности летчика ПА и оператора БЛА является «интеграция значений совокупности всех приборов, осуществляемая при помощи проведения вычислительных и логических операций» [7, с. 33].

По мнению Н. Д. Заваловой и В. А. Пономаренко, главную роль в регуляции управляющих действий человека-оператора играет целостный образ поле-

та [7]. Любое субъективное явление в системе психической регуляции существует в форме образа [18]. Психический образ полета, регулируя управляющие действия летчика ПА, постоянно корректируется и уточняется текущим восприятием приборной (инструментальной) и неприборной (неинструментальной) информации. В сравнении с летчиком ПА оператор БЛА ограничен в полноте восприятия окружающей обстановки, и «это накладывает некоторые ограничения на формирование полноценного образа полета» [8, с. 99].

Наиболее важной характеристикой образа в качестве регулятора действия Д. А. Ошанин считал его оперативность, под которой понимал адекватность содержания образа объекту конкретному назначению образа (отражению состояния объекта в текущий момент) [3]. Если воздействие внешних факторов сбивает траекторию полета БЛА, то программа в автоматическом режиме корректирует параметры полета. Однако в обязанности оператора входит контроль показаний приборов БЛА (высоты, оборотов двигателя, воздушной скорости, курса, управления электропитанием и т. д.) «в случае необходимости их регулирования в ручном режиме с целью не допустить выхода на критические режимы полета» [8, с. 98].

Сведения о выполненных коррекциях в виде сигналов обратной связи вновь сливаются с целевыми показателями. Своевременное поступление сигналов обратной связи имеет решающее значение для процесса регуляции в целом [4].

Таким образом, от оператора БЛА требуется сознательная регуляция сбора информации и соответствующее переключение внимания от одного показания прибора к другому. Он должен внимательно устранять любое отклонение.

Чтение карт и цифровых данных на дисплеях, получаемых операторами БЛА, и формирование образа полета осуществляются с помощью зрительного восприятия: около 80 % необходимой информации поставляется именно зрительным анализатором [7; 19]. Эффективная деятельность оператора БЛА во многом зависит от оперативного и правильного приема и оценки поступающей зрительной информации, которая обеспечивает решение задач распознавания целевых объектов, позиционирования БЛА в районе выполнения задания и слежения при помощи БЛА за данными объектами, для чего оператору, по мнению В. П. Фраленко, необходимо иметь четкие изображения, поступающие без значительной временной задержки [20].

Б. Г. Ананьев и С. Л. Рубинштейн считают, что образное отражение действительности человеком формируется на основе зрительных ощущений [2; 5]. Особая роль зрительной системы в процессах чувственного отражения определяется тем, что она выступает как интегратор и преобразователь сигнала

лов всех модальностей. Визуальный характер образа имеет большое значение в процессе регуляции действий человека-оператора: успешность принятия решения во многом зависит от способности человека оперировать наглядными образами в процессе представления проблемной ситуации [7].

Образ полета является универсальным психофизиологическим механизмом, с помощью которого организуются психические процессы восприятия и переработки информации, принятия решения в процессе управления летательным аппаратом [17].

В образе полета, формируемого у летчика ПА, выделяются три компонента: образ пространственного положения, образ приборов и чувство летательного аппарата. Образ пространственного положения регулирует представление о положении и движении летательного аппарата относительно земных ориентиров. Оператор БЛА выстраивает данный компонент при помощи визуальных картинок, поступающих от камеры БЛА. Образ приборов – представление о режиме полета, которое формируется на основе сопоставления заданных и фактических показаний приборов на дисплеях и которое оператор постоянно поддерживает в сознании, фиксируя эти показания взглядом. Чувство летательного аппарата есть образ, сформированный поступлением различных неинструментальных сигналов: ускорений, вибраций, усилий на органах управления, различных шумов и др. Для летчика ПА значение этой информации заключается в том, что она помогает прогнозировать сбои в работе самолета [21].

В настоящее время доказана прямая зависимость эффективности и надежности действий человека-оператора от содержания образа полета. Для надежной регуляции действий летчика ПА «образ полета должен содержать все три компонента» [19, с. 55]. Стоит отметить, что для операторов небоевых БЛА такой компонент, как чувство летательного аппарата, «вероятно, не имеет такого принципиального значения» [21, с. 110]. В авиационной медицине и психологии широко применяется на практике «важный постулат: в случае иллюзий доверять приборам, а не своим ощущениям» [19, с. 50]. Таким образом, вестибулярные иллюзии, приводящие к иллюзиям пространственного положения, являющимся распространенными причинами авиационных событий с участием летчиков ПА, нехарактерны для операторов БЛА в связи с отсутствием в образе полета компонента «чувство летательного аппарата».

В случае же аварийной ситуации для оперативно-го начала опознания смысла случившегося и для выбора адекватных действий важен достаточный привлекающий эффект систем аварийной сигнализации. Для летчика ПА высоким привлекающим эффектом в данном случае обладают «физически сильные неинструментальные сигналы (угловое вращение летательного аппарата, тряска, резкий звук), а также

звуковые инструментальные сигналы (сирена, звонок, голос человека)» [1, с. 116]. Так как в образе полета оператора БЛА отсутствует компонент «чувство летательного аппарата» и фактически единственным сведением о состоянии БЛА, поступающим к оператору, является визуальная информация, повышается психическое напряжение оператора БЛА при решении задач распознавания характера отказа и оперативного контроля технического состояния БЛА. По мнению В. М. Звоникова, эта проблемная задача может быть решена путем увеличения количества часов обучения на специальных тренажерах с обязательным выходом на реальный полет, внедрения в обучающий процесс операторов БЛА методов саморегуляции, а также путем разработки специальной системы сигналов для получения операторами БЛА адекватной обратной связи от летательного аппарата, особенно в случае аварийных ситуаций в полете [1].

Следует подчеркнуть, что формирование образа полета развивается в две фазы. Во время первой фазы у летчика ПА складываются представления о пространственных положениях воздушного судна и соответствующих им показаниях приборов, ощущениях и восприятиях. Во второй фазе сформированные

представления сознательно наполняются ощущениями и восприятиями неинструментальных сигналов (чувственной тканью образа). В дальнейшем при взаимодействии друг с другом они образуют целостные эталоны пространственных перемещений, позволяющих летчику на уровне ощущений воспринимать пространственное перемещение воздушного судна (осуществлять пространственную ориентировку) [17].

Пространственная ориентировка представляет собой сложный психологический процесс, присущий человеку в любой деятельности и практически в любых условиях. Как отмечали П. А. Коваленко, В. А. Пономаренко и А. В. Чунтул, пространственная ориентировка летчика есть базовое умственное действие в системе психического отражения действительности при управлении летательным аппаратом [19]. Данный процесс направлен на формирование и поддержание образа пространственного положения летательного аппарата, движения, состояния и динамики различных параметров, описывающих это положение и движение.

Таким образом, у летчика ПА доминирующими психическими процессами в формировании образа полета выступают ощущения и восприятие, у оператора БЛА – представление и воображение.

Заключение

Основными особенностями профессиональной деятельности оператора БЛА являются недостаточность сенсорной информации, временная задержка при получении информации, помехи, необходимость полной согласованности действий в групповом полете, большой объем цифровых показателей, нуждающихся в интерпретации, отсутствие слуховой и проприоцептивной информации о полете, пространственная удаленность оператора от управляемого аппарата, вынужденный темп работы, высокий темп восприятия и переработки информации, а также значительное количество исходных данных, хранящихся в памяти, и расчетов в уме.

Благодаря проведенному теоретическому обзору заданной проблематики было выявлено, что важнейшим элементом в регуляции профессиональной деятельности оператора БЛА как человека-оператора выступает образ полета, а особенностью психической регуляции его деятельности, в сравнении с летчиком ПА, является отсутствие в образе полета компонента «чувство летательного аппарата». В связи с этим для операторов БЛА нехарактерно возникновение вестибулярных иллюзий, приводящих к потере пространственной ориентировки, которая становится распространенной причиной авиационных событий с участием летчиков ПА, что повышает безопасность оператора БЛА при осуществлении им профессиональной деятельности. Отсутствие в об-

разе полета оператора БЛА указанного компонента приводит к появлению высокого психического напряжения оператора при решении задач на распознавание характера отказа и оперативного контроля технического состояния БЛА. Кроме того, приоритетность визуальной информации в его профессиональной деятельности порождает острую необходимость иметь четкие изображения, поступающие без значительной временной задержки.

Для улучшения деятельности оператора БЛА необходимо увеличить количество часов обучения на специальных тренажерах с обязательной практикой реального полета, внедрить в обучающий процесс методы саморегуляции, разработать специальную систему сигналов для получения операторами адекватной обратной связи от летательного аппарата (особенно в случае аварийных ситуаций в полете), а также усовершенствовать систему видеонаблюдения БЛА.

Согласно особенностям психической регуляции деятельности оператора БЛА доминирующими психическими процессами в формировании им образа полета выступают представление и воображение. Для того чтобы профессиональная деятельность оператора БЛА была эффективной и надежной, он должен иметь хорошо развитое пространственное и образное мышление, а для выполнения значительного количества расчетов в уме, интерпрети-

рования большого количества поступающей закодированной информации и сохранения в памяти множества исходных данных – высоко развитое логическое и аналитическое мышление, а также оперативную память.

Полученные выводы могут использоваться в системе профессионально-психологического отбора, профессионального обучения и подготовки операторов БЛА и применяться для оптимизации условий их профессиональной деятельности.

Библиографические ссылки

1. Звоников ВМ, Егоров КЮ, Степанова ВЕ. Особенности образа полета операторов беспилотных летательных аппаратов. В: Анохин АН, Горюнова ЛН, редакторы. *Эрго-2016. Человеческий фактор в сложных технических системах и средах. Труды Второй Международной научно-практической конференции; 6–9 июля 2016 г.; Санкт-Петербург, Россия* [Интернет]. 2016 [процитировано 23 августа 2023 г.]. Доступно по: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26664321&ysclid=lnwvj8t4ac424548815>.
2. Ананьев БГ. *Избранные психологические труды*. Москва: Педагогика; 1980. 2 тома.
3. Ошанин ДА. Концепция оперативности отражения в инженерной и общей психологии. В: Ломов БФ, Рубахин ВФ, Венда ВФ, редакторы. *Инженерная психология. Теория, методология, практическое применение*. Москва: Наука; 1977. с. 134–148.
4. Обознов АА, Егоров СВ, Кострица ВГ. Психический образ и надежность оператора в условиях монотонной обстановки. *Психологический журнал*. 1991;12(2):45–50.
5. Рубинштейн СЛ. *Основы общей психологии*. Москва: Учпедгиз; 1946. 704 с.
6. Завалишина ДН, Ломов БФ, Рубахин ВФ. Уровни и этапы принятия решения. В: *Проблемы принятия решения*. Москва: Наука; 1976. с. 16–32.
7. Завалова НД, Ломов БФ, Пономаренко ВА. *Образ в системе психической регуляции деятельности*. Москва: Наука; 1986. 174 с.
8. Сапожников ВО. Объектное слежение как основа деятельности оператора беспилотного авиационного комплекса. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2021;2:97–102.
9. Звоников ВМ, Егоров КЮ, Степанова ВЕ. Профессионально значимые психофизиологические качества операторов беспилотных летательных аппаратов. В: Анохин АН, Горюнова ЛН, редакторы. *Эрго-2016. Человеческий фактор в сложных технических системах и средах. Труды Второй Международной научно-практической конференции; 6–9 июля 2016 г.; Санкт-Петербург, Россия* [Интернет]. 2016 [процитировано 25 августа 2023 г.]. Доступно по: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26664334&ysclid=lnwvuaftuz928799827>.
10. Благинин АА, Лизогуб ИН. Психофизиологические особенности профессиональной деятельности операторов беспилотных летательных аппаратов. *Военная мысль* [Интернет]. 2014 [процитировано 15 сентября 2023 г.];8. Доступно по: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21856548&ysclid=lnwvy54bv71189582>.
11. Першин ЮЮ. Психоэмоциональные расстройства операторов БПЛА (по материалам иностранных источников): презентация проблемы. *Вопросы безопасности*. 2017;3:17–30. DOI: 10.25136/2409-7543.2017.3.23194.
12. Гулевич СП, Веселов ЮГ, Прядкин СП, Тырнов СД. Анализ факторов, влияющих на безопасность полета беспилотных летательных аппаратов. Причины авиационных происшествий беспилотных летательных аппаратов и способы их предотвращения. *Наука и образование: научное издание МГТУ имени Н. Э. Баумана*. 2020;12:16–31. EDN: PMKGDG.
13. Караяни АГ, Караваев АФ. Психологические и психофизиологические особенности деятельности операторов боевых беспилотных летательных аппаратов. *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2021;26(1):6–15. EDN: VEUMBK.
14. Величковский ББ. Инженерно-психологические проблемы проектирования интерфейсов управления беспилотными летательными аппаратами. *Национальный психологический журнал*. 2020;1(1):31–39. EDN: TLANHX].
15. Савелов ПИ, Гу Пэнхао, Лобатый АА. Особенности моделирования операторного управления беспилотным аппаратом и его целевой нагрузкой. *Системный анализ и прикладная информатика*. 2022;4:23–28. EDN: MRNPTK.
16. Лапа ВВ, Козлов ВВ. Исследование закономерностей психической регуляции совмещенной деятельности летчика. В: Бодров ВА, Крылова НВ, Боковиков АК, редакторы. *Развитие идей Б. Ф. Ломова в исследованиях по психологии труда и инженерной психологии. Материалы I Международных научных Ломовских чтений; 17–20 декабря 1991 г.; Москва, Россия* [Интернет]. 1992 [процитировано 19 сентября 2023 г.]. Доступно по: <https://elibrary.ru/wntpup?ysclid=lnwvx5864274702999>.
17. Пантюхов АП, Соколов ЮА. *Авиационная медицина*. Минск: Белорусский государственный медицинский университет; 2013. 355 с.
18. Кремень МА, Водлозеров ВМ. *Образ в системе психической регуляции познавательной и исполнительской деятельности*. Минск: Национальный институт образования; 1997. 174 с.
19. Коваленко ПА, Пономаренко ВА, Чунтул АВ. *Учение об иллюзиях полета: основы авиационной делиологии*. Москва: Институт психологии РАН; 2007. 461 с.
20. Фраленко ВП. Повышение качества видеопотока от системы технического зрения беспилотного летательного аппарата. *Программные системы: теория и приложения*. 2023;14(2):3–26. DOI: 10.25209/2079-3316-2023-14-2-3-26.
21. Сапожников ВО. Эффективность деятельности оператора в системе дистанционного управления беспилотными летательными аппаратами. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2020;3:109–113.

References

1. Zvonikov VM, Egorov KYu, Stepanova VE. [Features of the image of flight of unmanned aerial vehicle operators]. In: Anokhin AN, Goryunova LN, editors. *Ergo-2016. Chelovecheskii faktor v slozhnykh tekhnicheskikh sistemakh i sredakh. Trudy Vtoroi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 6–9 iyulya 2016 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Ergo-2016. Human factor in complex technical systems and environments. Proceedings of the Second International scientific and practical conference; 2016 July 6–9; Saint Petersburg, Russia] [Internet]. 2016 [cited 2023 August 23]. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26664321&ysclid=lnwvj8t4ac424548815>. Russian.

2. Anan'ev BG. *Izbrannyye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works]. Moscow: Pedagogika; 1980. 2 volumes. Russian.
3. Oshanin DA. [The concept of efficiency of reflection in engineering and general psychology]. In: Lomov BF, Rubakhin VF, Venda VF, editors. *Inzhenernaya psikhologiya. Teoriya, metodologiya, prakticheskoe primenenie* [Engineering psychology. Theory, methodology, practical application]. Moscow: Nauka; 1977. p. 134–148. Russian.
4. Oboznov AA, Egorov SV, Kostritsa VG. Mental image and operator reliability in a monotonous situation. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1991;12(2):45–50. Russian.
5. Rubinshtein SL. *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. Moscow: Uchpedgiz; 1946. 704 p. Russian.
6. Zavalishina DN, Lomov BF, Rubakhin VF. [Levels and stages of decision making]. In: *Problemy prinyatiya resheniya* [Problems of decision making]. Moscow: Nauka; 1976. p. 16–32. Russian.
7. Zavalova ND, Lomov BF, Ponomarenko VA. *Obraz v sisteme psikhicheskoi regulyatsii deyatel'nosti* [Image in the system of mental regulation of activity]. Moscow: Nauka; 1986. 174 p. Russian.
8. Sapozhnikov VO. Object tracking as the basis of the activity of the operator of an unmanned aircraft complex. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2021;2:97–102. Russian.
9. Zvonikov VM, Egorov KYu, Stepanova VE. [Professionally significant psychophysiological qualities of unmanned aerial vehicle operators]. In: Anokhin AN, Goryunova LN, editors. *Ergo-2016. Chelovecheskii faktor v slozhnykh tekhnicheskikh sistemakh i sredakh. Trudy Vtoroi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 6–9 iyulya 2016 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Ergo-2016. Human factor in complex technical systems and environments. Proceedings of the Second International scientific and practical conference; 2016 July 6–9; Saint Petersburg, Russia] [Internet]. 2016 [cited 2023 August 25]. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26664334&ysclid=lnwvuafuz928799827>. Russian.
10. Blaginina AA, Lizogub IN. [Psychophysiological features of professional activities of unmanned aerial vehicles' operators. *Voennaya mysl'* [Internet]. 2014 [cited 2023 September 15];8. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26664334&ysclid=lnwvuafuz928799827>. Russian.
11. Pershin YuYu. [Psycho-emotional disorders of UAV operators (based on materials from foreign sources): presentation of the problem]. *Security Issues*. 2017;3:17–30. Russian. DOI: 10.25136/2409-7543.2017.3.23194.
12. Gulevich SP, Veselov YuG, Pryadkin SP, Tyrnov SD. [Analysis of factors influencing the flight safety of unmanned aerial vehicles. Causes of aviation accidents of unmanned aerial vehicles and ways to prevent them]. *Science and Education of Bauman MSTU*. 2020;12:16–31. Russian. EDN: PMKDG D.
13. Karayani AG, Karavaev AF. Psychological and psychophysiological features of unmanned combat aircrafts operators' activity. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2021;26(1):6–15. Russian. EDN: VEUMBK.
14. Velichkovskiy BB. Engineering-psychological problems of unmanned aerial vehicles interface design. *National Psychological Journal*. 2020;1(1):31–39. Russian. EDN: TLAHXJ.
15. Savelov PI, Gu Penghao, Lobaty AA. Features of simulation of operator control of unmanned aerial vehicle and its target load. *System Analysis and Applied Information Science*. 2022;4:23–28. Russian. EDN: MRNPTK.
16. Lapa VV, Kozlov VV. [Study of the patterns of mental regulation of the pilot's combined activities]. In: Bodrov VA, Krylova NV, Bokovikov AK, editors. *Razvitie idei B. F. Lomova v issledovaniyakh po psikhologii truda i inzhenernoi psikhologii. Materialy I Mezhdunarodnykh nauchnykh Lomovskikh chtenii; 17–20 dekabrya 1991 g.; Moskva, Rossiya* [Development of B. F. Lomov's ideas in research on labor psychology and engineering psychology. Materials of the 1st International scientific Lomov readings; 1991 December 17–20; Moscow, Russia] [Internet]. 1992 [cited 19 September 2023]. Available from: <https://elibrary.ru/wntpup?ysclid=lnwvx5864274702999>. Russian.
17. Pantyukhov AP, Sokolov YuA. *Aviatsionnaya meditsina* [Aviation medicine]. Minsk: Belarusian State Medical University; 2013. 355 p. Russian.
18. Kremen' MA, Vodlozerov VM. *Obraz v sisteme psikhicheskoi regulyatsii poznavatel'noi i ispolnitel'skoi deyatel'nosti* [Image in the system of mental regulation of cognitive and performing activity]. Minsk: National Institute of Education; 1997. 174 p. Russian.
19. Kovalenko PA, Ponomarenko VA, Chuntul AV. *Uchenie ob illyuziyakh poleta: osnovy aviatsionnoi deliologii* [The doctrine of flight illusions: fundamentals of aviation deliology]. Moscow: Institute of Psychology RAS; 2007. 461 p. Russian.
20. Fralenko VP. Improving quality of video stream from the unmanned aerial vehicle technical vision system. *Program Systems: Theory and Applications*. 2023;14(2):3–26. Russian. DOI: 10.25209/2079-3316-2023-14-2-3-26.
21. Sapozhnikov VO. Efficiency of operator's activity in the system remote control of unmanned aerial vehicles. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2020;3:109–113. Russian.

Статья поступила в редколлегию 19.10.2023.
Received by editorial board 19.10.2023.

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА РИГИДНОСТИ

А. Н. ПЕВНЕВА¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, ул. Э. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Рассмотрен эмоциональный компонент ригидности с опорой на концепцию психической ригидности, разработанную Г. В. Залевским. Расширены представления о природе психической ригидности личности, в частности определена структурная организация ее эмоционального компонента. Представлена выборочная совокупность ($n = 667$), описаны методы диагностики и статистической обработки данных, а также проанализированы результаты исследования. Выдвинуто предположение о биполярной структурной организации эмоционального компонента ригидности, включающей согласованные между собой ведущие и базовые субкомпоненты, измеряемые с помощью соответствующих опросников, с расщепляющимися на субобласти полюсами. Статистически подтверждены субкомпоненты полюса аффективной ригидности (сенситивная ригидность, ригидность как состояние и ригидность-1 (Г. Айзенк)) и полюса когнитивной флексибельности (альтернатива, контроль и ригидность-2 (Л. Н. Собчик)) с ведущими субкомпонентами (сенситивная ригидность на одном полюсе и альтернатива на другом полюсе). Обнаружение положительных и отрицательных экстра- и интрасвязей субкомпонентов эмоционального компонента ригидности с близкими к ним по содержанию психологическими проявлениями, имеющими отношение к эмоциональной сфере, а также к другим сферам жизнедеятельности личности, способствовало установлению феномена расщепления биполярных полюсов аффективной ригидности и когнитивной флексибельности на субобласти. Полученные результаты дополняют концептуальную модель ригидности.

Ключевые слова: структурная организация; эмоциональный компонент; ригидность; биполярный характер; общая теория ригидности.

Благодарность. Автор выражает благодарность обучающимся Гродненского государственного университета имени Янки Купалы и Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины за участие в исследовании.

STRUCTURAL ORGANISATION OF THE EMOTIONAL COMPONENT OF RIGIDITY

A. N. PEVNEVA^a

^aYanka Kupala State University of Grodno, 22 E. Azheshka Street, Grodna 230023, Belarus

The emotional component of rigidity is considered based on the concept of mental rigidity developed by G. V. Zalevsky. The ideas about the nature of mental rigidity of the individual have been expanded, in particular, the structural organisation of its emotional component has been determined. The sample population ($n = 667$) is presented, diagnostic methods and statistical data processing are described, and the results of the study are analysed. It has been suggested that there is a bipolar structural organisation of the emotional component of rigidity, including leading and basic subcomponents that are consistent with each other, measured using appropriate questionnaires, with poles split into subregions. The subcomponents

Образец цитирования:

Певнева АН. Структурная организация эмоционального компонента ригидности. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;1:91–99.
EDN: XIPMHC

For citation:

Pevneva AN. Structural organisation of the emotional component of rigidity. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;1:91–99. Russian.
EDN: XIPMHC

Автор:

Анжела Николаевна Певнева – кандидат психологических наук, доцент; заведующий кафедрой общей и социальной психологии факультета психологии.

Author:

Anzhela N. Pevneva, PhD (psychology), docent; head of the department of general and social psychology, faculty of psychology.
pevneva_an@grsu.by
<https://orcid.org/0000-0001-6304-0649>

of the pole of affective rigidity (sensitive rigidity, rigidity as a state and rigidity-1 (H. Eysenck)) and the poles of cognitive flexibility (alternative, control and rigidity-2 (L. N. Sobchik)) with the leading subcomponents (sensitive rigidity at one pole and alternative at the other pole). The discovery of positive and negative extra- and intra-connections of the subcomponents of the emotional component of rigidity with psychological manifestations close to them in content, related to the emotional sphere, as well as to other spheres of a person's life, contributed to the establishment of the phenomenon of splitting of the bipolar poles of affective rigidity and cognitive flexibility in the subarea. The findings add to the conceptual model of rigidity.

Keywords: structural organisation; emotional component; rigidity; bipolar nature; general theory of rigidity.

Acknowledgements. The author thanks students from Yanka Kupala State Grodno University and Francisk Skoryna Gomel State University for participating in the study.

Введение

В современном постоянно меняющемся мире неуклонно растет интерес к феномену ригидности как биполярному когнитивно-личностному конструкту. С одной стороны, ригидность во многом препятствует изменениям личности и ее адаптации к новым социально-экономическим условиям, с другой стороны, она является защитным механизмом личности и позволяет ей сохранить себя в потоке инноваций и трансформаций. Отражение воздействия сложных, неоднозначных, слабопрогнозируемых жизненных обстоятельств, а также неопределенности, многозадачности социальных условий жизнедеятельности происходит на уровне эмоций, которые становятся неотъемлемой частью человеческого психического состояния. Они определяются предшествующими событиями, могут быть направлены на другого человека и на себя [1]. Кроме того, эмоции делают жизнь более гармоничной [2]. Их природа и конституирование эмоционального конструкта обсуждаются до настоящего времени, что вызывает трудности в толковании эмоций, определении их компонентного состава и характеристике их свойств и динамики. С началом исследования эмоций связано изучение эмоциональной (аффективной) ригидности [3].

Природа эмоций отражена в теоретических подходах, в которых первые концептуализируются в виде эволюционно базовых программ аффектов [4; 5], социальных и культурных структур сознания (конструкций разума) [6–9], многокомпонентных процессов, обусловленных оценкой ситуации [10; 11]. Со временем ученые объединили все теории в три больших класса: теории программ аффекта, конструктивистские теории и теории оценки [12–14]. В трех классах теорий представлены различия эмоций, отношения между ними и их компонентами и гипотезы о событиях, вызывающих эмоции, а также по-разному акцентируются фундаментальные свойства эмоций и отношения этих свойств.

Теоретический анализ взглядов исследователей на природу эмоций позволяет сделать вывод о том, что в большинстве случаев они проявляются в саморегуляции, способности к самоконтролю и управлению эмоциональным состоянием в раз-

личных ситуациях (эмоциональный контроль и аффективный самоконтроль), способности управлять собственными эмоциями (эмоциональная устойчивость (неустойчивость), стабильность (нестабильность) и позитивная (негативная) экспрессивность), способности и готовности к эмпатии, способности личности к сознательной мобилизации сил (принятие решений на основе эмоций), инициативности (сопереживание радости (несчастья)), адаптационной мобильности (интеллектуальная эффективность и внимание к эмоциям), а также в способности решать социально-психологические проблемы (сенситивная ригидность и ригидность как состояние).

Вопрос об эмоциональном компоненте ригидности остается одной из наименее изученных проблем, несмотря на то что изучение аффективной ригидности связано с началом исследования эмоций [3]. Эмоциональная ригидность высвечивает индивидуальные различия в способах переработки информации и проявления однообразных эмоциональных откликов на изменившиеся предметы эмоций, константность оценки событий, а также адаптивные способности и свойства личности. Очевидно, что структурная организация эмоционального компонента ригидности в теоретических подходах определяется паттернами эмоций и проявляется через многообразие фиксированных форм поведения. Г. В. Залевский рассматривал данные формы как однотипные акты поведения, которые остаются прежними и в своей основе имеют повторение, а также продолжение вне зависимости от изменившейся или прекратившейся ситуации [15].

В концепции фиксированных форм поведения эмоциональная ригидность личности, по мнению Г. В. Залевского, характеризуется трудностью в произвольном переключении от одного эмоционального состояния к другому, длительностью переживаемых событий, а также фиксированностью на каких-либо тревожащих мыслях. При патологическом состоянии, в частности психоэмоциональном напряжении, ригидизируется вся эмоционально-аффективная сфера личности [15, с. 153]. В зависимости от длительности психоэмоционального напряжения в экстремальных ситуациях аффективная ригидность может быть си-

туативной (проявляется в виде реакции) или «при определенных условиях формироваться как устойчивое свойство или черта личности» [15, с. 97]. В связи с этим Г. В. Залевский описывал ригидность как состояние и сенситивную ригидность.

Сенситивная ригидность «отражает эмоциональную реакцию человека на ситуации, требующие от него каких-либо изменений, возможно, страх перед новым» и представляет собой «личностный уровень проявления психической ригидности... выраженный в эмоциональном отношении и соответствующий требованиям объективной действительности» [15, с. 39]. Ригидность как состояние обнаруживается в высокой степени склонности к ригидному поведению, ей свойственны страх, стресс (дистресс), плохое настроение, утомляемость или болезненное состояние личности. Ригидность как состояние в сочетании с сенситивной ригидностью как чертой характера может проистекать с исключительной силой и носить тотальный характер. Г. В. Залевский представил данные виды аффективной ригидности в томском опроснике ригидности, включающем «ситуации, в которых от человека требуется изменить отдельные элементы программы своего поведения или ее в целом» [15, с. 38].

Эмоциональная ригидность личности отличается «вязкостью» эмоций и стабильностью, она фиксирует внимание на значимых событиях, объектах, неудачах, обидах и психотравмирующих ситуациях. Под эмоциональной ригидностью А. Ф. Лазурский понимал устойчивость эмоций, сохраняющуюся длительный временной промежуток, в течение которого эмоциональный отклик продолжает себя проявлять, несмотря на изменение обстоятельств и прекращение действия эмоциогена (возбудителя) [17, с. 228–229]. Эмоциональное напряжение личности (аффективный компонент) взаимообуславливает функционирование когнитивной ригидности (трудность в изменении ментальных установок) [18] и мотивационной ригидности (негибкость мотивационных особенностей потребностей и привычных способов их удовлетворения) [15] в многомерном биполярном конструкте ригидности. Это порождает необходимость изучения ее структурной организации.

Материалы и методы исследования

Весь психодиагностический материал был представлен в индивидуальной форме обучающемуся педагогического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы и факультета психологии и педагогики Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины (667 человек). В выборке преобладали женщины (96,1 %). Участие в исследовании было добровольным и не предполагало вознаграждения. Дескриптивный анализ данных (среднее отклонение ($M = 21,58$), стандартное отклонение ($SD = 5,28$), медиана ($Me = 20,0$), мода ($Mo = 20,0$), асимметрия

В данной научной работе акцент делается на исследовании структурной организации эмоционального компонента ригидности и выделении его субкомпонентов посредством экстра- и интрасвязей. Представленный теоретический анализ позволяет рассматривать структурную организацию эмоционального компонента в виде биполярного конструкта с субкомпонентами аффективной ригидности на одном полюсе и когнитивной флексибельности на другом полюсе, каждый из которых расщепляется на субобласти.

Цель исследования – определение структурной организации эмоционального компонента ригидности. Гипотеза исследования заключается в том, что структурная организация эмоционального компонента ригидности характеризуется биполярностью полюсов с расщеплением на субобласти, включающими согласованные между собой ведущие и базовые субкомпоненты, которые измеряются с помощью соответствующих опросников.

При исследовании согласованности функционирования субкомпонентов, входящих в структурную организацию эмоционального компонента ригидности, сформулированы частные гипотезы:

- существуют статистически значимые положительные и отрицательные интрасвязи субкомпонентов, отражающие биполярный характер структурной организации эмоционального компонента в общей теории ригидности;
- существуют статистически значимые положительные и отрицательные эктрасвязи субкомпонентов эмоционального компонента с близкими к ним по содержанию психологическими проявлениями, имеющими отношение к эмоциональной сфере и другим сферам личности и ее жизнедеятельности, что обеспечивает подтверждение феномена расщепления полюса ригидности и полюса гибкости на субобласти;
- существует статистически значимая связь эмоциональной ригидности с показателем эмоциональной ригидности теста Дж. Р. Струпа (эмоциональный эффект Дж. Р. Струпа), который определяется разницей между значением Ц-карты (название цвета фигур) и С-карты (чтение слов).

($As = 2,23$) и эксцесс ($Ek = 4,28$)) послужил основой для принятия решения об использовании непараметрических методов обработки данных, в частности анализа связей (коэффициент ранговой корреляции Спирмена (r_s)), представленного в пакете статистических программ *Statistica 6.0*. Кроме того, вычислялся уровень значимости (p).

Методами диагностики выступили методика диагностики ригидности Г. Айзенка [19, с. 441], опросник эмоционального интеллекта К. А. Барчард в адаптации Г. Г. Князева, Л. Г. Митрофановой и О. М. Разумниковой [20], методика исследования

самоуправления Ф. Куля и А. Фурмана в адаптации О. В. Митиной и Е. И. Рассказовой [21], тест «эмоциональный интеллект» Ж.-М. Беар, Н. Евсиковой и К. Андре [2], опросник когнитивной гибкости Дж. П. Денниса и Дж. С. Вандер Вала в адаптации Е. Ю. Осаволук и С. С. Кургиняна [22], а также цветовой тест Дж. Р. Струпа [23].

В настоящей статье анализируются следующие показатели субкомпонентов эмоционального компонента ригидности: чувствительная ригидность, ригидность как состояние (томский опросник ригидности Г. В. Залевского [24]), ригидность-1 (методика диагностики ригидности Г. Айзенка), ригидность-2 (индивидуально-типологический опросник Л. Н. Собчик¹), альтернатива, контроль (опросник когнитивной гибкости Дж. П. Денниса и Дж. С. Вандер Вала в адаптации Е. Ю. Осаволук и С. С. Кургиняна), гибкость (калифорнийский психологический опросник²), ригидность – гибкость (консерватизм – радикализм) (фактор Q1, 16-факторный личностный опросник Р. Б. Кеттелла (форма А) [25, с. 59–83]) и эмоциональная ригидность (цветовой тест Дж. Р. Струпа).

В качестве конструктов методик диагностики выступили чувствительная ригидность, ригидность как состояние (томский опросник ригидности Г. В. Залевского), эмоциональная ригидность (цветовой тест Дж. Р. Струпа), альтернатива, контроль (опросник когнитивной гибкости Дж. П. Денниса и Дж. С. Вандер Вала в адаптации Е. Ю. Осаволук и С. С. Кургиняна), ригидность-2 (индивидуально-типологический опросник Л. Н. Собчик), эмоциональный контроль и саморегуляция (опросник жизнеспособности личности А. А. Нестеровой [26]), эмоциональная устойчивость (неустойчивость), экспрессивность (практичность) (пятифакторный личностный опросник Р. Маккрае и П. Коста в адаптации Г. Г. Князева, Л. Г. Митрофановой и В. А. Бочарова [27]), эмоциональная нестабильность (стабильность) (фактор С), интеллектуальная эффективность (калифорнийский психологический опросник), агрессивность, чувствительность, тревожность, лабиль-

ность, аффективный самоконтроль (методика исследования самоуправления Ф. Куля и А. Фурмана в адаптации О. В. Митиной и Е. И. Рассказовой), внутренний эмоциональный интеллект, социальный эмоциональный интеллект, экзистенциальный эмоциональный интеллект (тест «эмоциональный интеллект» Ж.-М. Беар, Н. Евсиковой и К. Андре), позитивная экспрессивность, негативная экспрессивность, внимание к эмоциям, принятие решения на основе эмоций, сопереживание радости, сопереживание несчастью и эмпатия (опросник эмоционального интеллекта К. А. Барчард в адаптации Г. Г. Князева, Л. Г. Митрофановой и О. М. Разумниковой).

В целях выявления структурной организации эмоционального компонента ригидности, установления выраженности всех субкомпонентов, выделения ведущих и базовых субкомпонентов и определения связей (интрасвязей) использовался структурографический анализ по алгоритму А. В. Карпова³, включая процедуры описательной статистики, корреляционного анализа и метода построения корреляционных матриц. Процедура структурографического анализа содержит следующие методы: метод определения матриц интракорреляций исследуемых параметров субкомпонентов эмоционального компонента, метод построения структурограмм значимо коррелирующих параметров и метод вычисления индексов структурной организации (индекс организованности структуры (ИОС), индекс дивергентности структуры (ИДС), индекс когерентности структуры (ИКС) и индекс устойчивости (неустойчивости) связей). По Карпову, ИКС вычисляется путем суммирования положительных корреляционных связей с учетом их значимости (связям при $p < 0,05$ присваивался 1 балл, при $p < 0,01$ – 2 балла, при $p < 0,001$ – 3 балла) [30, с. 444–445]. Данный индекс отражает степень интегрированности структуры. ИДС показывает несинтезируемость структуры и определяется путем подсчета суммы отрицательных корреляционных связей. Общий ИОС образуется при суммировании ИКС и ИДС.

Результаты и их обсуждение

По результатам структурографического анализа [30] установлена 21 (55,55 %) связь (9 связей с положительной направленностью, 12 связей с отрицательной направленностью). Коэффициенты корреляции варьируются в диапазоне от $-0,08$ ($p < 0,05$) до $0,63$ (рис. 1).

Минимальный коэффициент корреляции выявлен между показателями контроля и гибкости

($r_s = -0,08$), а также между показателями чувствительной ригидности и эмоциональной ригидности, максимальный коэффициент корреляции – между показателями чувствительной ригидности и ригидности как состояния ($r_s = 0,63$). Наряду с этим в структурную организацию эмоционального компонента ригидности входит 9 положительно направленных (42,85 %) и 12 отрицательно направленных (57,14 %) высоко-

¹Собчик Л. Н. Индивидуально-типологический опросник : практ. рук. СПб. : Речь, 2022. 48 с.

²Практическое руководство по интерпретации CPI. Loring W. McAllister / пер. Н. А. Графиной; под ред. Н. В. Тарабриной. М. : Ин-т психологии РАН, 1988. 53 с.

³Карпов А. В., Карпов А. А., Маркова Е. В. Психология принятия решения в управленческой деятельности : учеб. пособие. Ярославль : ЯрГУ; М. : РАО, 2016. 644 с.

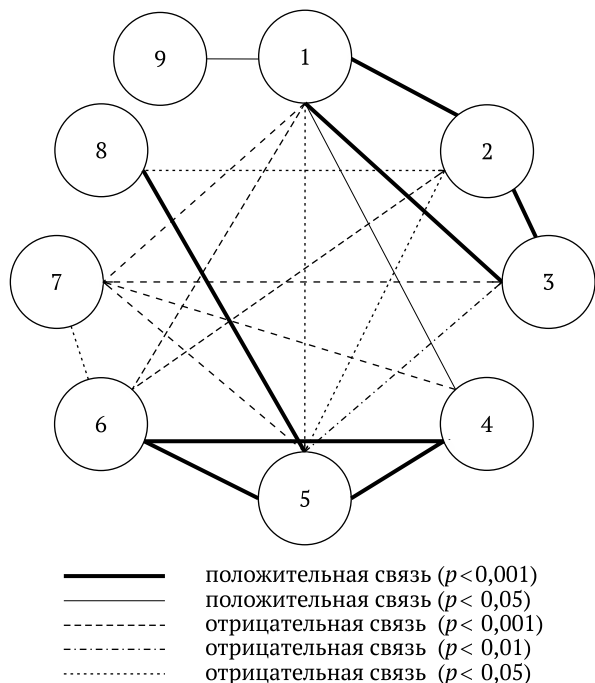

Рис. 1. Correlogramma субкомпонентов эмоционального компонента ригидности: 1 – сенситивная ригидность; 2 – ригидность как состояние; 3 – ригидность-1; 4 – ригидность-2; 5 – альтернатива; 6 – контроль; 7 – гибкость; 8 – ригидность – гибкость (консерватизм – радикализм); 9 – эмоциональная ригидность

Fig. 1. Correlogram of subcomponents of emotional component of rigidity: 1 – sensitive rigidity; 2 – rigidity as a condition; 3 – rigidity-1; 4 – rigidity-2; 5 – alternative; 6 – control; 7 – flexibility; 8 – rigidity – flexibility (conservatism – radicalism); 9 – emotional rigidity

Полюс аффективной ригидности
 ведущий субкомпонент «сенситивная ригидность»
 базовый субкомпонент «ригидность как состояние»
 базовый субкомпонент «ригидность-1»

Связующее звено
 субкомпонент «эмоциональная ригидность»
 субкомпонент «ригидность – гибкость»
 («консерватизм – радикализм»)
 субкомпонент «гибкость»

ведущий субкомпонент «альтернатива»
 базовый субкомпонент «контроль»
 базовый субкомпонент «ригидность-2»
Полюс когнитивной флексибильности

Рис. 2. Структурная организация эмоционального компонента ригидности
 Fig. 2. The structural organisation of the emotional component of rigidity

значимых ($p < 0,001$) интрасвязей. В целом по результатам исследования средний показатель интракорреляций составил 0,21. ИКС равен 23 баллам, ИДС – 27 баллам. ИОС эмоционального компонента ригидности составил 49 баллов. Коэффициент устойчивости связей внутри структуры, который определяется числом высоко значимых корреляций к их общему количеству, соответствует 0,55 %. Необходимо отметить, что чем больше связей и чем выше уровень значимости корреляций, тем устойчивее структура рассматриваемого компонента. При этом структура показателей эмоционального компонента в общей теории ригидности характеризуется иерархичностью и большей дифференциацией, а отдельные субкомпоненты приобретают статус относительной автономности, в частности показатель различий из цветового теста Дж. Р. Струпа. Дифференцированность субкомпонентов свидетельствует о большей открытости структуры эмоционального компонента в общей теории ригидности как открытой системы [28].

Важно отметить наличие двух организованных положительными связями замкнутых триад. Первая триада (см. рис. 1) представлена субкомпонентами ригидности: сенситивной ригидностью, ригидностью как состоянием и ригидностью-1. Вторая триада организована субкомпонентами когнитивной флексибильности: альтернативой, контролем и ригидностью-2. Это дает основания рассматривать эмоциональную ригидность как биполярный конструкт, где она представлена одним полюсом, а когнитивная флексибильность – другим полюсом (рис. 2). Гибкость, ригидность – гибкость (консерватизм – радикализм) и эмоциональная ригидность не вошли ни в одну из триад, однако они выполняют роль связующего звена между этими триадами, отражая тем самым переход от одного полюса к другому. Кроме того, обнаружена связь сенситивной ригидности с эмоциональной ригидностью, что указывает на наличие эмоционального эффекта Дж. Р. Струпа [29], полученного путем разности значений Ц-карты и С-карты. При этом связи эмоциональной ригидности с другими субкомпонентами не установлены.

В полюс ригидности рассматриваемого компонента входит сенситивная ригидность. Она включает положительно направленные связи (с ригидностью как состоянием ($r_s = 0,63$, $p < 0,001$), эмоциональной ригидностью ($r_s = 0,35$, $p < 0,05$), ригидностью-2 ($r_s = 0,07$, $p < 0,05$)), а также отрицательно направленные связи (с альтернативой ($r_s = -0,08$, $p < 0,05$), контролем ($r_s = -0,33$, $p < 0,001$) и гибкостью ($r_s = -0,63$, $p < 0,001$)). Данный субкомпонент занимает доминирующую позицию и является ведущим в составе триады с базовыми субкомпонентами – ригидностью как состоянием и эмоциональной ригидностью ($r_s = 0,34$, $p < 0,001$). Эти компоненты, статистически значимо

коррелируя с сенситивной ригидностью, диагностируют ее эмоциональный компонент (см. рис. 2).

Наличие отрицательно направленных интрасвязей сенситивной ригидности с альтернативой ($r_s = -0,08, p < 0,05$), контролем ($r_s = -0,33, p < 0,001$), гибкостью ($r_s = -0,63, p < 0,001$), а также ригидности как состояния с ригидностью – гибкостью (консерватизмом – радикализмом) ($r_s = -0,07, p < 0,05$) свидетельствует об обратном пропорциональном характере корреляции и невозможности четкой дифференциации эмоционального и когнитивного компонентов в общей теории ригидности. Наряду с этим полученные данные соответствуют доминирующему представлению в традиционных подходах к исследованию ригидности о том, что она нелинейно связана с различными проявлениями психической активности (при повышении уровня аффективной ригидности происходит снижение уровня когнитивной флексибельности). Однако ригидность-2 положительно коррелирует с сенситивной ригидностью ($r_s = 0,08, p < 0,05$), альтернативой ($r_s = 0,17, p < 0,001$) и контролем ($r_s = 0,18, p < 0,001$), т. е. чем выше уровень ригидности-2, тем выше контроль и больше выбор альтернатив, что приводит к решению проблемы. В соответствии с полученными данными можно отметить негативную и позитивную стороны проявления ригидности, т. е. выделить феномен расщепления полюса ригидности на две субобласти.

Полюс аффективной ригидности эмоционального компонента представлен сенситивной ригидностью как ведущим субкомпонентом, ригидностью как состоянием и ригидностью-1 как базовыми субкомпонентами, альтернативой, контролем и ригидностью-2 как когнитивными субкомпонентами, а также гибкостью и ригидностью – гибкостью (консерватизмом – радикализмом) как личностными субкомпонентами. Полюс когнитивной флексибельности в структурной организации эмоционального компонента ригидности представлен триадой субкомпонентов когнитивной флексибельности (см. рис. 1): альтернативой, контролем и ригидностью-2. Альтернатива положительно коррелирует с контролем ($r_s = 0,28, p < 0,001$) и ригидностью – гибкостью (консерватизмом – радикализмом) ($r_s = 0,13, p < 0,001$).

Установлена отрицательная интракорреляция альтернативы с сенситивной ригидностью ($r_s = -0,08, p < 0,05$) и ригидностью как состоянием ($r_s = -0,09, p < 0,05$). Примечательным является обнаруженная отрицательная взаимосвязь между альтернативой и гибкостью ($r_s = -0,14, p < 0,001$), а также положительная корреляция между альтернативой и ригидностью-2 ($r_s = 0,17, p < 0,001$). Это указывает, во-первых, на связь когнитивного аспекта с личностным аспектом, что актуально при рассмотрении проблемы ригидности в рамках когнитивно-личностного развития, во-вторых, на негативную и позитивную стороны проявления гибкости, т. е. на феномен рас-

щепления полюса когнитивной флексибельности на две субобласти. В целом этот полюс представлен такими базовыми субкомпонентами, как контроль и ригидность-2. Альтернатива является ведущим субкомпонентом, потому что содержит наибольшее количество статистически значимых связей (три) с другими субкомпонентами эмоционального компонента ригидности.

Далее в исследовании устанавливались экстрасвязи базовых субкомпонентов эмоционального компонента ригидности с близкими по содержанию конструктами, имеющими отношение как к эмоциональной сфере, так и к другим сферам личности и ее жизнедеятельности, а также к общей модели ригидности [30].

Полученные результаты, с одной стороны, соответствуют представлению о том, что ригидность отрицательно связана с различными проявлениями психической активности, в частности о том, что чем выше проявление ригидности, тем ниже показатели эмоционального контроля и саморегуляции ($r_s = -0,17, p < 0,001$), внутреннего эмоционального интеллекта ($r_s = -0,20, p < 0,001$), социального эмоционального интеллекта ($r_s = -0,14, p < 0,001$), интеллектуальной эффективности ($r_s = -0,16, p < 0,001$) и позитивной экспрессивности ($r_s = -0,08, p < 0,03$). С другой стороны, полученные результаты демонстрируют неоднозначность взаимосвязи ригидности с указанными проявлениями психической активности, что позволяет говорить о феномене расщепления ее полюса на две субобласти – положительную и отрицательную. Позитивный аспект проявляется в положительной связи ригидности с сенситивностью ($r_s = 0,08, p < 0,02$), тревожностью ($r_s = 0,17, p < 0,001$) и эмоциональной устойчивостью (неустойчивостью) ($r_s = 0,16, p < 0,001$), т. е. чем ниже проявление ригидности, тем ниже пессимистичность в оценке перспектив будущего, проявление впечатлительности, незащищенности, эмоциональности и эмоциональной неустойчивости и наоборот. Особого внимания в позитивном ракурсе заслуживает отрицательная связь ригидности-2 с сопереживанием несчастья ($r_s = -0,18, p < 0,02$), т. е. чем выше проявление ригидности, тем ниже сопереживание несчастья, что предупреждает эмоциональное выгорание личности, а также положительная связь ригидности-2 с вниманием к эмоциям ($r_s = 0,04, p < 0,03$) и принятием решения на основе эмоций ($r_s = 0,07, p < 0,001$) (см. таблицу).

Феномен расщепления на субобласти наблюдается и на полюсе когнитивной флексибельности. Положительный аспект полюса определяется наличием прямой связи гибкости с эмоциональным контролем и саморегуляцией ($r_s = 0,19, p < 0,001$), аффективным самоконтролем ($r_s = 0,11, p < 0,003$) при отрицательной связи последних с ригидностью-2. Негативный аспект гибкости проявляется

в ее положительной связи с сопереживанием несчастья ($r_s = 0,16, p < 0,0001$), что приводит к эмоциональному выгоранию, а также с эмоциональной

нестабильностью ($r_s = -0,12, p < 0,001$). В целом результаты работы позволяют сделать вывод о многомерной, нелинейной природе ригидности.

Значения экстрасвязей субкомпонентов эмоционального компонента ригидности с близкими по содержанию конструктами ($p < 0,05$)

Values of extraconnections of the subcomponents of the emotional component of rigidity with constructs similar in content ($p < 0,05$)

Конструкты	Полюс аффективной ригидности			Полюс когнитивной флексибильности		
	Сенситивная ригидность	Ригидность как состояние	Эмоциональная ригидность	Альтернатива	Контроль	Ригидность-2
Эмоциональный контроль и саморегуляция	-0,17	-0,14	-0,16	0,19	0,21	0,12
Эмоциональная устойчивость (неустойчивость)	0,16	0,12	0,22	-	-	-0,12
Экспрессивность (практичность)	-	-	-	0,08	0,08	-
Эмоциональная нестабильность (стабильность)	-0,20	-0,12	-0,14	-	0,12	-
Интеллектуальная эффективность	-0,16	-	-0,23	-	0,13	-
Агрессивность	-	-	-	0,07	-	0,08
Сенситивность	0,08	-	0,09	-	-0,08	-
Тревожность	0,17	0,16	0,24	-	-0,13	-
Лабильность	-	-	-	0,09	-	-
Аффективный самоконтроль	-	-	-	0,11	-	0,08
Внутренний эмоциональный интеллект	-0,20	-0,15	-0,21	0,10	0,18	-
Социальный эмоциональный интеллект	-0,14	-	-0,16	0,19	0,19	-
Экзистенциальный эмоциональный интеллект	-	-	-	0,12	-	-
Позитивная экспрессивность	-0,08	-	-	-	-	-
Негативная экспрессивность	-	-	-	-	-	-
Внимание к эмоциям	-	0,08	-	-	-	-
Принятие решения на основе эмоций	-	0,07	-	0,11	-	0,11
Сопереживание радости	-	-	-	0,13	-	-
Сопереживание несчастья	-0,08	-	-	0,16	0,09	0,08
Эмпатия	-	-	-	-	-	-

Заключение

В проведенном эмпирическом исследовании определена структурная организация эмоционального компонента ригидности в общей психологии. На основе полученных результатов сформулированы следующие выводы:

1. Эмоциональный компонент ригидности обладает определенной структурной организацией, включающей два полюса (ригидность и гибкость) в виде когерентных триад с согласованными между собой ведущими и базовыми субкомпонентами.

Тем самым эмоциональный компонент ригидности имеет биполярную структурную организацию с полюсом аффективной ригидности с одной стороны и когнитивной флексибильности с другой стороны.

2. Полюс аффективной ригидности представлен триадой субкомпонентов: сенситивной ригидностью, ригидностью как состоянием и эмоциональной ригидностью (первый субкомпонент выступает ведущим, а два других субкомпонента являются базовыми).

3. Полюс когнитивной флексибельности включает триаду субкомпонентов: альтернативу, контроль и ригидность-2 (первый субкомпонент выступает ведущим, а два других субкомпонента являются базовыми).

4. Установление положительных и отрицательных экстра- и интрасвязей субкомпонентов полюса аффективной ригидности и когнитивной флексибельности с близкими по содержанию конструктами, имеющими отношение как к эмоциональной сфе-

ре, так и к другим сферам личности и ее жизнедеятельности, свидетельствует о феномене расщепления данных полюсов на субобласти и определяет тем самым их биполярный характер.

Решение задачи способствует продвижению и дополнению структурно-иерархической модели ригидности в контексте когнитивно-личностного развития, включающей когнитивный, аффективный и мотивационный компоненты, в рамках общей психологии.

Библиографические ссылки

1. Lange J, Dalege J, Borsboom D, van Kleef GA, Fischer AH. Toward an integrative psychometric model of emotions. *Perspectives on Psychological Science*. 2020;15(2):444–468. DOI: 10.1177/1745691619895057.
2. Беар Ж-М, Евсикова Н, Андре К. Эмоциональный коэффициент. *Psychologies*. 2007;18:24–33.
3. James W. What is an emotion? *Mind*. 1884;9(34):188–205.
4. Ekman P, Cordaro D. What is meant by calling emotions basic. *Emotion Review*. 2012;3(4):364–370. DOI: 10.1177/1754073911410740.
5. Izard CE. Basic emotions, relations among emotions, and emotion-cognition relations. *Psychological Review*. 1992;99(3):561–565. DOI: 10.1037/0033-295x.99.3.561.
6. Barrett LF. Are emotions natural kinds? *Perspectives on Psychological Science*. 2006;1(1):28–58. DOI: 10.1111/j.1745-6916.2006.00003.x.
7. Barrett LF. Emotions are real. *Emotion*. 2012;12(3):413–429. DOI: 10.1037/a0027555.
8. Barrett LF. The conceptual act theory: a précis. *Emotion Review*. 2014;6(4):292–297. DOI: 10.1177/1754073914534479.
9. Mesquita B, Boiger M. Emotions in context: a sociodynamic model of emotions. *Emotion Review*. 2014;6(4):298–302. DOI: 10.1177/1754073914534480.
10. Lewis MD. Bridging emotion theory and neurobiology through dynamic systems modeling. *Behavioral and Brain Sciences*. 2005;28(2):169–194. DOI: 10.1017/S0140525X0500004X.
11. Scherer KR. What are emotions? And how can they be measured? *Social Science Information*. 2005;44(4):695–729. DOI: 10.1177/0539018405058216.
12. Lange J, Dalege J, Borsboom D, van Kleef GA, Fischer AH. Toward an integrative psychometric model of emotions. *Perspectives on Psychological Science*. 2020;15(2):444–468. DOI: 10.1177/1745691619895057.
13. Moors A. Flavors of appraisal theories of emotion. *Emotion Review*. 2014;6(4):303–307. DOI: 10.1177/1754073914534477.
14. Moors A. Integration of two skeptical emotion theories: dimensional appraisal theory and Russell's psychological construction theory. *Psychological Inquiry*. 2017;28(1):1–19. DOI: 10.1080/1047840X.2017.1235900.
15. Залевский ГВ. Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, норме и патологии). Томск: Томский государственный университет; 2004. 460 с.
16. Залевский ГВ. Фиксированные формы поведения как проблема психологического консультирования, терапии и супервизии. *Медицинская психология в России* [Интернет]. 2017 [процитировано 6 августа 2023 г.];9(1). Доступно по: http://mprj.ru/archiv_global/2017_1_42/nomer05.php.
17. Ильин ЕП. *Эмоции и чувства*. Санкт-Петербург: Питер; 2011. 782 с.
18. Riaz Z, Shahzad S, Riaz A, Khanam SJ. Psychological adjustment among intellectually gifted secondary school children. *Pakistan Journal of Psychology*. 2013;44:220–231.
19. Ильин ЕП. *Психология общения и межличностных отношений*. Санкт-Петербург: Питер; 2009. 576 с.
20. Князев ГГ, Митрофанова ЛГ, Разумникова ОМ, Барчард КА. Адаптация русскоязычной версии «опросника эмоционального интеллекта» К. Бачард. *Психологический журнал*. 2012;33(4):112–120.
21. Митина ОВ, Рассказова ЕИ. Методика исследования самоуправления Ю. Куля и А. Фурмана: психометрические характеристики русскоязычной версии. *Психологический журнал*. 2019;40(2):111–127. DOI: 10.31857/S020595920004061-3.
22. Осаволюк ЕЮ, Кургиян СС. Когнитивная флексибельность личности: теория, измерение, практика. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2018;15(1):128–144. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-1-128-144.
23. Stroop JR. Studies of interference in serial verbal reactions. *Journal of Experimental Psychology*. 1935;18(6):643–662. DOI: 10.1037/h0054651.
24. Залевский ГВ. *Личность и фиксированные формы поведения*. Москва: Институт психологии РАН; 2007. 336 с.
25. Батаршев АВ. *Диагностика способности к общению или определить организаторские и коммуникативные качества личности*. Москва: Владос; 1999. 688 с.
26. Нестерова АА. Разработка и валидизация методики «жизнеспособность личности». *Психологический журнал*. 2017;38(4):93–108. EDN: YTMVBN.
27. Князев ГГ, Митрофанова ЛГ, Бочаров ВА. Валидизация русскоязычной версии опросника Л. Голдберга «маркеры факторов "Большой пятерки"». *Психологический журнал*. 2010;31(5):100–110. EDN: MULXCL.
28. Галажинский ЭВ. Психическая ригидность как интегральный показатель степени открытости психологической системы (в контексте проблемы самореализации личности). *Сибирский психологический журнал*. 2001;14–15:48–53. EDN: VXADUR.
29. Сысоева ТА. Теоретический анализ механизмов возникновения эмоционального эффекта Струпа. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2014;11(1):49–65. EDN: TWHXGR.
30. Певнева АН. Конструкт ригидности в концепции когнитивно-личностного развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2023;2:84–92.

References

1. Lange J, Dalege J, Borsboom D, van Kleef GA, Fischer AH. Toward an integrative psychometric model of emotions. *Perspectives on Psychological Science*. 2020;15(2):444–468. DOI: 10.1177/1745691619895057.
2. Bear Zh-M, Evsikova N, Andre K. [Emotional quotient]. *Psychologies*. 2007;18:24–33. Russian.
3. James W. What is an emotion? *Mind*. 1884;9(34):188–205.
4. Ekman P, Cordaro D. What is meant by calling emotions basic. *Emotion Review*. 2012;3(4):364–370. DOI: 10.1177/1754073911410740.
5. Izard CE. Basic emotions, relations among emotions, and emotion-cognition relations. *Psychological Review*. 1992;99(3):561–565. DOI: 10.1037/0033-295x.99.3.561.
6. Barrett LF. Are emotions natural kinds? *Perspectives on Psychological Science*. 2006;1(1):28–58. DOI: 10.1111/j.1745-6916.2006.00003.x.
7. Barrett LF. Emotions are real. *Emotion*. 2012;12(3):413–429. DOI: 10.1037/a0027555.
8. Barrett LF. The conceptual act theory: a précis. *Emotion Review*. 2014;6(4):292–297. DOI: 10.1177/1754073914534479.
9. Mesquita B, Boiger M. Emotions in context: a sociodynamic model of emotions. *Emotion Review*. 2014;6(4):298–302. DOI: 10.1177/1754073914534480.
10. Lewis MD. Bridging emotion theory and neurobiology through dynamic systems modeling. *Behavioral and Brain Sciences*. 2005;28(2):169–194. DOI: 10.1017/S0140525X0500004X.
11. Scherer KR. What are emotions? And how can they be measured? *Social Science Information*. 2005;44(4):695–729. DOI: 10.1177/0539018405058216.
12. Lange J, Dalege J, Borsboom D, van Kleef GA, Fischer AH. Toward an integrative psychometric model of emotions. *Perspectives on Psychological Science*. 2020;15(2):444–468. DOI: 10.1177/1745691619895057.
13. Moors A. Flavors of appraisal theories of emotion. *Emotion Review*. 2014;6(4):303–307. DOI: 10.1177/1754073914534477.
14. Moors A. Integration of two skeptical emotion theories: dimensional appraisal theory and Russell's psychological construction theory. *Psychological Inquiry*. 2017;28(1):1–19. DOI: 10.1080/1047840X.2017.1235900.
15. Zalevskii GV. *Fiksirovannye formy povedeniya individual'nykh i gruppovykh sistem (v kul'ture, obrazovanii, nauke, norme i patologii)* [Fixed behaviours of individual and group systems (in culture, education, science, norm and pathology)]. Tomsk: Tomsk State University; 2004. 460 p. Russian.
16. Zalevskii GV. Fixed forms of behavior as a problem of psychological counseling, therapy and supervision. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* [Internet]. 2017 [cited 2023 August 6];9(1). Available from: http://mprj.ru/archiv_global/2017_1_42/numer05.php. Russian.
17. Il'in EP. *Emotsii i chuvstva* [Emotions and feelings]. Saint Petersburg: Piter; 2011. 782 p. Russian.
18. Riaz Z, Shahzad S, Riaz A, Khanam SJ. Psychological adjustment among intellectually gifted secondary school children. *Pakistan Journal of Psychology*. 2013;44:220–231.
19. Il'in EP. *Psikhologiya obshcheniya i mezhlchnostnykh otnoshenii* [Psychology of communication and interpersonal relations]. Saint Petersburg: Piter; 2009. 576 p. Russian.
20. Knyazev GG, Mitrofanova LG, Razumnikova OM, Barchard KA. Adaptation of the Russian language version of K. Barchard's «emotional intelligence questionnaire». *Psikhologicheskii zhurnal*. 2012;33(4):112–120. Russian.
21. Mitina OV, Rasskazova EI, J. Kuhl's and A. Fuhrman's self-government test: psychometric properties of Russian language version. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2019;40(2):111–127. Russian. DOI: 10.31857/S020595920004061-3.
22. Osavoliuk EYu, Kurginyan SS. Person's cognitive flexibility: theory, measurement, and practice. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 2018;15(1):128–144. Russian. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-1-128-144.
23. Stroop JR. Studies of interference in serial verbal reactions. *Journal of Experimental Psychology*. 1935;18(6):643–662. DOI: 10.1037/h0054651.
24. Zalevskii GV. *Lichnost' i fiksirovannye formy povedeniya* [Personality and fixed forms of behaviour]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences; 2007. 336 p. Russian.
25. Batarshhev AV. *Diagnostika sposobnosti k obshcheniyu ili opredelit' organizatorskie i kommunikativnye kachestva lichnosti* [Diagnostics of the ability to communicate or determine the organisational and communicative qualities of the person]. Moscow: Vldos; 1999. 688 p. Russian.
26. Nesterova AA. Development and validation of «resilience of person» questionnaire. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2017;38(4):93–108. Russian. EDN: YTM BPN.
27. Knyazev GG, Mitrofanova LG, Bocharov AV. Validization of Russian version of Goldberg's «Big-five factor markers» inventory. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2010;31(5):100–110. Russian. EDN: MULXCL.
28. Galazhinsky EV. Mental rigidity as an integral index of the extent of the openness of psychological system (in the context of the problem of self-realisation of the personality). *Siberian Psychological Journal*. 2001;14–15:48–53. Russian. EDN: VXADUR.
29. Sysoeva TA. Theoretical analysis of emotional Stroop effect mechanisms. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 2014;11(1):49–65. Russian. EDN: TWHXGR.
30. Pevneva AN. The construct of rigidity in the concept of cognitive-personal development. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2023;2:84–92. Russian.

Статья поступила в редколлегию 14.08.2023.
Received by editorial board 14.08.2023.

УДК 159.9.072.433

ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В УСТАНОВКАХ К СЕКСУ И ДИСПОЗИЦИОННЫХ СЕКСУАЛЬНЫХ МОТИВАХ ИНДИВИДОВ В ПЕРИОДЫ РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

Ж. В. ГРОДЬ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлены результаты исследования особенностей половозрастных различий в установках к сексу и диспозиционных сексуальных мотивах индивидов в периоды ранней взрослости. Раскрыта значимость вопросов сексуальности человека, в частности его сексуальных установок и мотивов. Описаны опросник установок к сексу и опросник аффективных мотивационных ориентаций в сексуальной жизни. Определены показатели установок к сексу и диспозиционных сексуальных мотивов женщин и мужчин в начальный и поздний периоды ранней взрослости. Выявлено, что существуют как половые, так и возрастные различия в установках к сексу и диспозиционных сексуальных мотивах индивидов. Сделан вывод о том, что изучение сексуальных установок и мотивов человека может привести к улучшению понимания способов их влияния на сексуальные действия, а также к предсказанию сексуального поведения.

Ключевые слова: установки; мотивы; сексуальные установки; сексуальные мотивы; сексуальное поведение; ранняя взрослость.

SEX AND AGE DIFFERENCES IN SEXUAL ATTITUDES AND DISPOSITIONAL SEXUAL MOTIVES AMONG INDIVIDUALS IN EARLY ADULTHOOD

J. V. GROD^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

This article presents the results of the study of sex and age differences in sexual attitudes and dispositional sexual motives among individuals in periods of early adulthood. The significance of human sexuality issues, in particular sexual attitudes and motives, is revealed. The methodological approach to the study of sexual attitudes and dispositional sexual motives, a questionnaire of sexual attitudes and a questionnaire of affective motivational orientations in sexual life are described. The indicators of sexual attitudes and dispositional sexual motives in women and men in the initial and late periods of early adulthood were determined. It was revealed that there are both sex and age differences in sexual attitudes and dispositional sexual motives in individuals. Thus, the study of human sexual attitudes and motives can lead to a better understanding of the way they influence sexual actions, as well as to the prediction of sexual behaviour.

Keywords: attitudes; motives; sexual attitudes; sexual motives; sexual behaviour; early adulthood.

Образец цитирования:

Гродь ЖВ. Половозрастные различия в установках к сексу и диспозиционных сексуальных мотивах индивидов в периоды ранней взрослости. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;1:100–106.
EDN: YKAARH

For citation:

Grod JV. Sex and age differences in sexual attitudes and dispositional sexual motives among individuals in early adulthood. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;1:100–106. Russian.
EDN: YKAARH

Автор:

Жанна Валерьяновна Гродь – аспирантка кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор И. А. Фурманов.

Author:

Janet V. Grod, postgraduate student at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.
grod_janet@mail.ru

Введение

Проблема социальных установок и мотивов личности относится к числу фундаментальных вопросов психологии. В то же время в последние годы общественность бурно обсуждает сексуальные отношения. Изучение сексуальной сферы имеет большое значение для понимания многих аспектов личности человека, его поведения, социального функционирования и культуры.

Вступая в отношения и совместно формируя их, мужчины и женщины вплотную подходят к решению актуального для периода ранней взрослости вопроса о создании пары и семьи [1]. Актуальность настоящего исследования заключается в изучении такого сложного и противоречивого феномена, как сексуальные отношения индивидов в период ранней взрослости, которые являются немаловажной частью жизни человека. В современном обществе пересматриваются сексуальные нормы, а также происходит трансформация смысла и форм семейных союзов.

С каждым годом сексуальные темы обсуждаются более открыто, множество сексуальных практик становятся приемлемыми в обществе, тем не менее еще существуют нераскрытые вопросы и неоднозначные мнения. По этой причине сегодня проводятся различные исследования в данной области. В Беларуси теме сексуальности уделяется мало внимания, а недостаток информирования в сексуальной сфере, в том числе ее научного изучения, может привести к ухудшению качества жизни населения.

Результаты исследования, проведенного в Беларуси в 2015 г. [2], показали, что воздействие средств массовой информации, социальных сетей, а также сексуальных партнеров на формирование сексуальных

установок современной молодежи увеличивается, тогда как влияние родителей и семьи на эти установки и поведение детей снижается. Однако конкретные установки к сексу в указанной статье не раскрываются.

В 2020 г. в Беларуси было проведено масштабное исследование «Дженерейшен энд гендер сервей», в задачи которого входило изучение динамики и причин изменений семейных (партнерских) отношений, а также демографических показателей за последние годы. Выяснено, что в стране до сих пор существуют традиционные гендерные ценности, а нормативные ожидания в отношении мужественности и женственности продолжают формировать полоролевое поведение, установки к сексу, семье и т. д. Тем не менее авторы указанного исследования считают, что Беларусь близка к «второй половине гендерной революции»¹ [3, p. 1195], а его результаты отражают, что религия продолжает влиять на установки индивидов к сексу, семье и деторождению, причем женщины более подвержены этому воздействию. Индивиды, выросшие в религиозном окружении, имеют более низкую сексуальную дозволенность, быстрее вступают в брак и заводят больше детей [4].

Несмотря на проведенные исследования, по-прежнему ощущается недостаток конкретных эмпирических данных, характеризующих особенности сексуальных отношений, диспозиционных мотивов и установок белорусской молодежи к сексу.

Таким образом, в настоящей статье была поставлена цель – выявление особенностей установок к сексу и диспозиционных сексуальных мотивов женщин и мужчин в периоды ранней взрослости.

Материалы и методы исследования

В работе использовались такие методики, как опросник установок к сексу, разработанный Г. Айзенком и адаптированный С. Д. Бирюковым, и опросник аффективных мотивационных ориентаций в сексуальной жизни, созданный К. А. Хиллом и Л. К. Престоном и адаптированный И. А. Фурмановым, который направлен на выявление диспозиционных сексуальных мотивов. Кроме того, для сравнения установок к сексу и диспозиционных сексуальных мотивов мужчин и женщин высчитывались *U*-критерий Манна – Уитни и уровень значимости.

В настоящей статье опросник установок к сексу применялся в полной форме (он включает 159 вопросов, 11 обобщенных шкал и 3 шкалы более высокого порядка). Наряду с исследованием установок к сексу названный опросник может использоваться для прогноза удовлетворенности браком и выявле-

ния отклонений в сексуальном поведении, а также для диагностики маскулинности и феминности [5].

Опросник аффективных мотивационных ориентаций в сексуальной жизни направлен на определение диспозиционных сексуальных мотивов. Его авторы предложили 8 специфических типов (соответствуют 8 шкалам опросника) внутренних побуждений, мотивирующих сексуальное поведение. Методика включает 62 вопроса, которые представляют собой определенные утверждения, не затрагивающие нюансы интимной жизни опрашиваемых. Для оценки утверждений используется пятибалльная шкала Лайкерта в соответствии со степенью согласия от 1 (полностью не согласен) до 5 (полностью согласен) баллов².

Выборку данного исследования составили 368 респондентов (женщины и мужчины от 18 до 40 лет, имеющие сексуальный опыт).

¹Перевод наш. – Ж. Г.

²Hill C. A. Affective and motivational orientation related to erotic arousal questionnaire // Handbook of sexuality-related measures. 3rd edition / ed. by T. D. Fisher [et al.]. N. Y. : Routledge, 2011. P. 572–575.

Результаты и их обсуждение

Проведенное эмпирическое исследование позволило рассмотреть сексуальные установки женщин и мужчин в периоды ранней взрослости.

На рис. 1 представлены результаты сравнения установок женщин и мужчин к сексу, в табл. 1 приведены значения показателей.

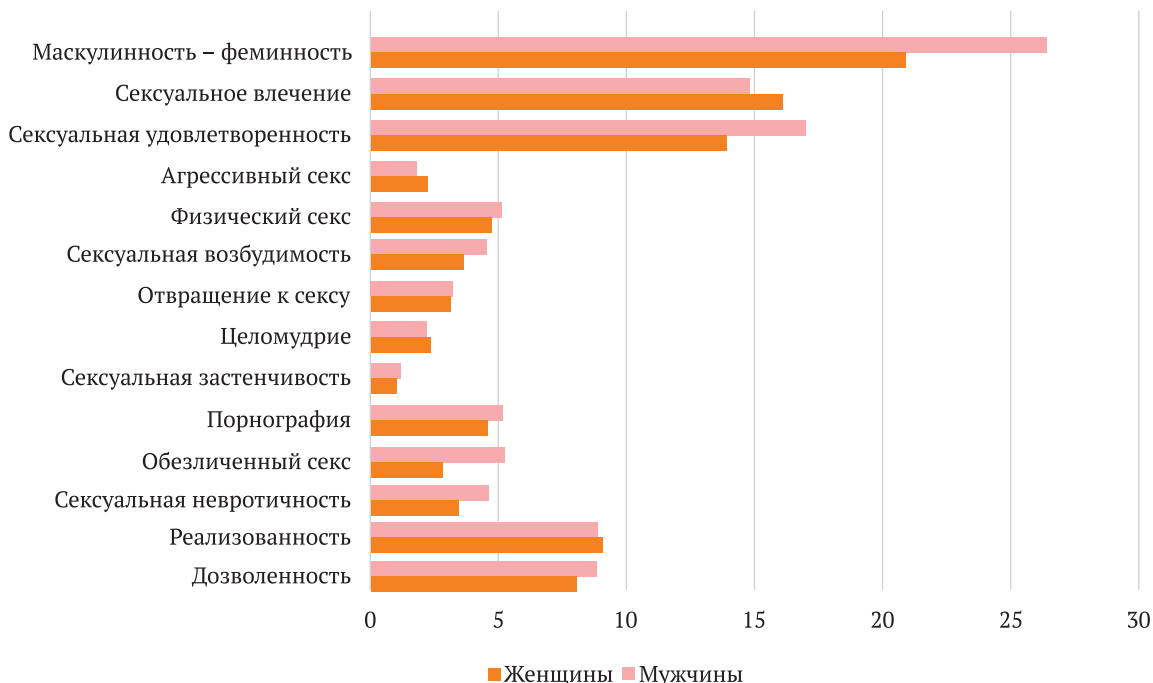

Рис. 1. Среднее значение установок женщин и мужчин к сексу
 Fig. 1. Mean values of sexual attitudes of women and men

Таблица 1

Значения показателей установок женщин и мужчин к сексу

Table 1

Values of indicators of sexual attitudes of women and men

Установка к сексу	U-критерий Манна – Уитни	Уровень значимости
Маскулинность – феминность	$U = 111,6$	$p \leq 0,001$
Сексуальное влечение	$U = 4,9$	$p = 0,03$
Сексуальная удовлетворенность	$U = 14,6$	$p \leq 0,001$
Агрессивный секс	$U = 11,9$	$p \leq 0,001$
Физический секс	$U = 4,8$	$p = 0,03$
Сексуальная возбудимость	$U = 21,0$	$p \leq 0,001$
Порнография	$U = 11,4$	$p \leq 0,001$
Обезличенный секс	$U = 73,5$	$p \leq 0,001$
Сексуальная невротичность	$U = 15,6$	$p \leq 0,001$
Дозволенность	$U = 12,1$	$p \leq 0,001$

Примечание. Статистически значимых различий показателей по шкалам «отвращение к сексу», «целомудрие», «сексуальная застенчивость» и «реализованность» у женщин и мужчин не обнаружено ($p \geq 0,050$).

По результатам исследования можно сделать выводы о различиях в установках у обоих полов к сексу. У мужчин дозволенность половых отношений выше, чем у женщин. Сексуальная не-

вротичность в большей степени характерна для мужского пола. К обезличенному сексу мужчины склонны больше, чем женщины, которые стремятся к агрессивному сексу. Мужчины в большей мере

интересуются порнографической продукцией и показывают более высокую сексуальную возбудимость. Факт физического секса важнее для мужчин, чем для женщин, и они в большей мере уделяют внимание сексуальным успехам в отношениях. Сексуальная удовлетворенность у женщин значительно ниже, чем у мужчин, а сексуальное либидо – выше. Женщины склонны к феминному сексуальному по-

ведению, а мужчины проявляют бóльшую маскулинность.

На рис. 2 представлены результаты сравнения установок индивидов в зависимости от возраста к сексу, в табл. 2 приведены значения показателей. Определены два возрастных периода: начальный (18–22 года) и поздний (23–45 лет) периоды ранней взрослости.

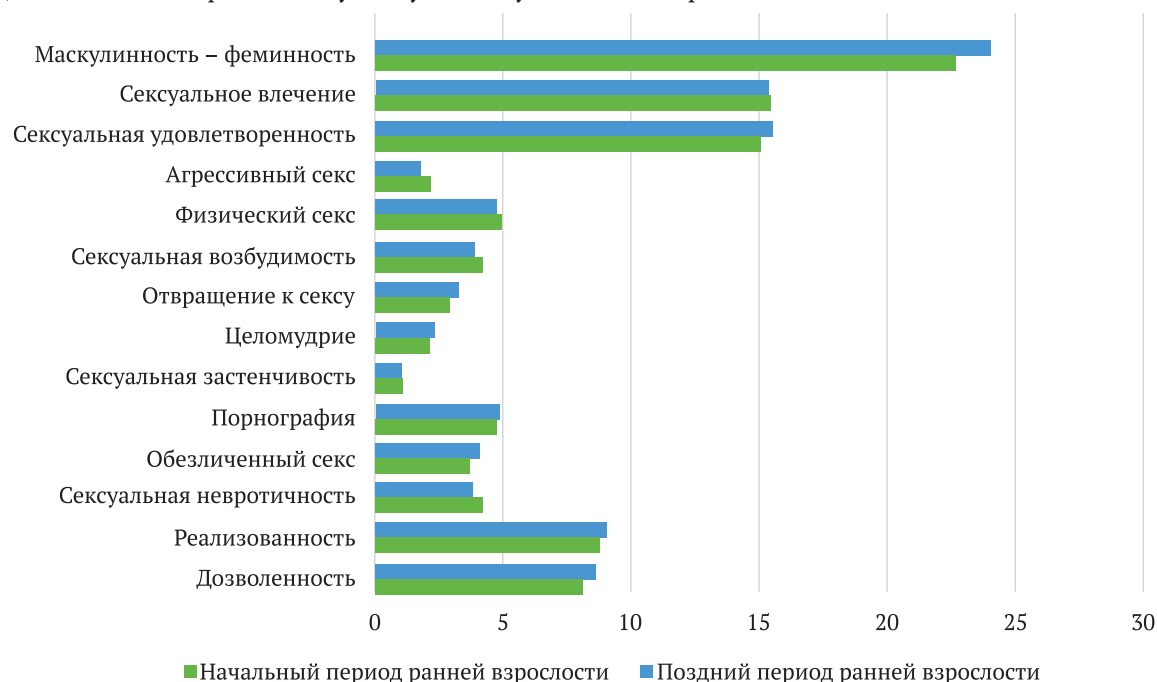

Рис. 2. Среднее значение установок индивидов в начальный и поздний периоды ранней взрослости к сексу
Fig. 2. Mean value of sexual attitudes of individuals in the early and late periods of early adulthood

Таблица 2

**Значения показателей установок индивидов
в начальный и поздний периоды ранней взрослости к сексу**

Table 2

**Values of indicators of sexual attitudes of individuals
in the early and late periods of early adulthood**

Установка к сексу	U-критерий Манна – Уитни	Уровень значимости
Маскулинность – феминность	$U = 5,3$	$p = 0,02$
Агрессивный секс	$U = 10,7$	$p \leq 0,001$
Отвращение к сексу	$U = 8,1$	$p = 0,005$
Дозволенность	$U = 4,9$	$p = 0,03$

Примечание. Статистически значимых различий показателей по шкалам «сексуальное влечение», «сексуальная удовлетворенность», «физический секс», «сексуальная возбудимость», «целомудрие», «сексуальная застенчивость», «порнография», «обезличенный секс», «сексуальная невротичность» и «реализованность» у индивидов в начальный и поздний периоды ранней взрослости не обнаружено ($p \geq 0,050$).

С учетом изложенного можно сказать, что существуют различия в установках индивидов в начальный и поздний периоды ранней взрослости к сексу. У личностей в поздний период ранней взрослости

дозволенность сексуальных отношений выше, чем у индивидов в начальный период ранней взрослости. В поздний период ранней взрослости личность чаще испытывает отвращение к сексу. Индивид

в начальный период ранней взрослости склонен к феминному сексуальному поведению, он в большей степени стремится к агрессивному половому акту, а индивид в поздний период ранней взрослости проявляет бóльшую маскулинность (в исследо-

вании участвовали мужчины и женщины с гетеросексуальной ориентацией).

На рис. 3 представлены результаты сравнения диспозиционных сексуальных мотивов женщин и мужчин, в табл. 3 приведены значения показателей.

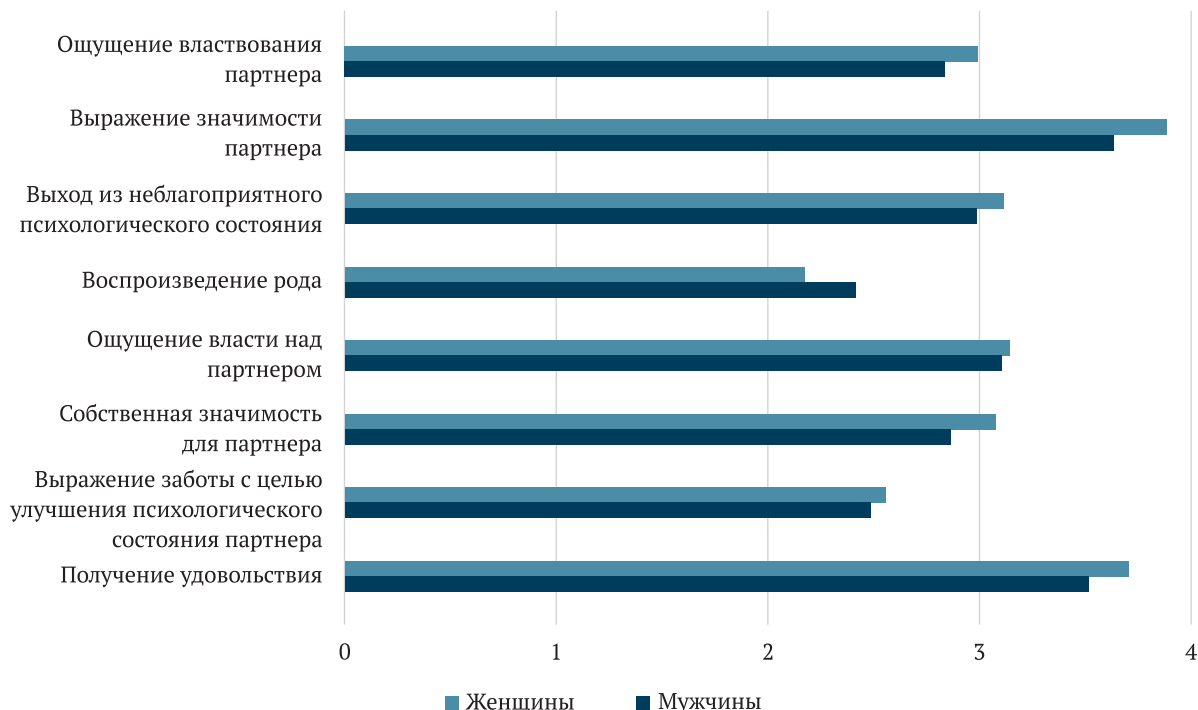

Рис. 3. Среднее значение диспозиционных сексуальных мотивов женщин и мужчин

Fig. 3. Mean value of dispositional sexual motives of women and men

Таблица 3

Значения показателей диспозиционных сексуальных мотивов женщин и мужчин

Table 3

Values of indicators of dispositional sexual motives of women and men

Диспозиционные сексуальные мотивы	U-критерий Манна – Уитни	Уровень значимости
Получение удовольствия	$U = 7,667$	$p = 0,006$
Собственная значимость для партнера	$U = 9,673$	$p = 0,002$
Воспроизведение рода	$U = 9,528$	$p = 0,002$
Выражение значимости партнера	$U = 14,506$	$p \leq 0,001$
Ощущение властвования партнера	$U = 3,929$	$p = 0,048$

Примечание. Статистически значимых различий показателей по шкалам «выход из неблагоприятного психологического состояния», «ощущение власти над партнером» и «выражение заботы в целях улучшения психологического состояния партнера» у женщин и мужчин не обнаружено ($p \geq 0,05$).

Таким образом, женщины в сексуальных отношениях желают чувствовать доминирование партнера в большей степени, чем мужчины. Кроме того, у женщин половой акт является подтверждением собственной значимости для партнера и значимости партнера для них. Мужчины вступают в сексуальные контакты

в целях воспроизведения потомства чаще, чем женщины, которые делают это ради получения удовольствия.

На рис. 4 представлены результаты сравнения диспозиционных сексуальных мотивов индивидов в зависимости от возраста, в табл. 4 приведены значения показателей.

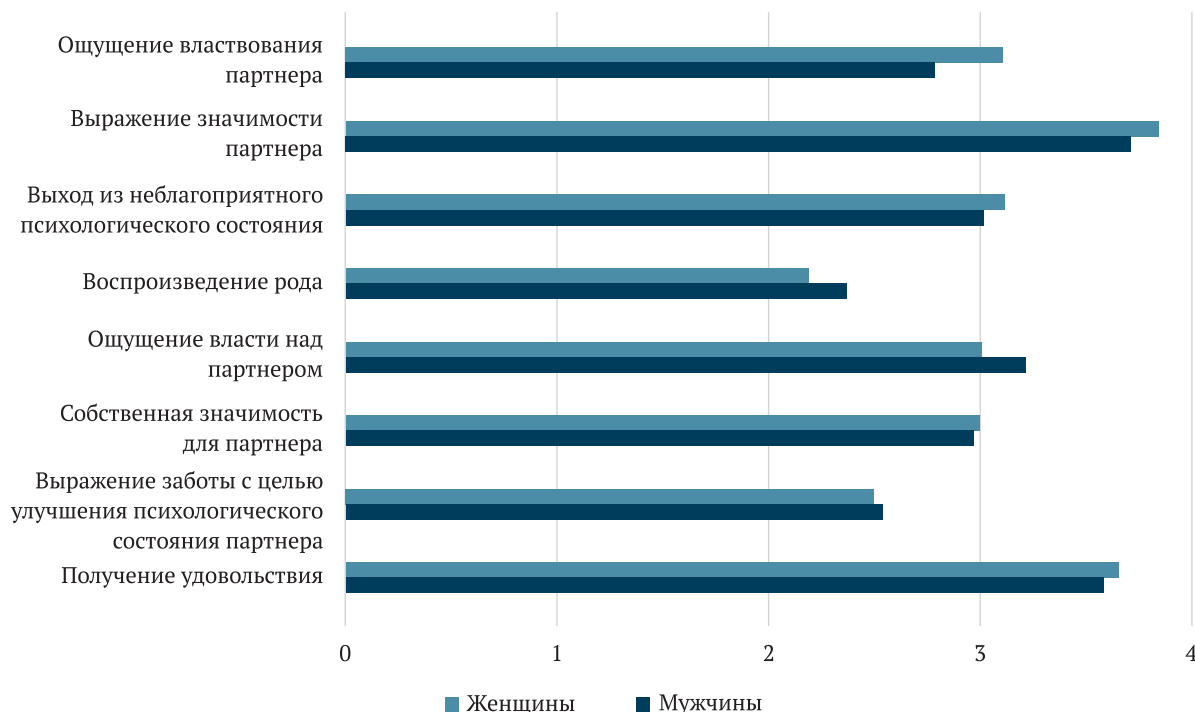

Рис. 4. Среднее значение диспозиционных сексуальных мотивов индивидов в начальный и поздний периоды ранней взрослости

Fig. 4. Mean value of dispositional sexual motives of individuals in the early and late periods of early adulthood

Таблица 4

Значения показателей диспозиционных сексуальных мотивов индивидов в начальный и поздний периоды ранней взрослости

Table 4

Values of indicators of dispositional sexual motives of individuals in the early and late periods of early adulthood

Диспозиционные сексуальные мотивы	U-критерий Манна – Уитни	Уровень значимости
Ощущение властвования партнера	$U = 0,018$	$p \leq 0,001$
Выражение значимости партнера	$U = 1,941$	$p = 0,064$
Воспроизведение рода	$U \leq 0,001$	$p = 0,016$
Ощущение власти над партнером	$U = 0,001$	$p = 0,004$

Примечание. Статистически значимых различий показателей по шкалам «выход из неблагоприятного психологического состояния», «собственная значимость для партнера», «выражение заботы с целью улучшения психологического состояния партнера» и «получение удовольствия» у индивидов в начальный и поздний периоды ранней взрослости не обнаружено ($p \geq 0,05$).

Таким образом, индивиды в начальный период ранней взрослости в большей степени желают чувствовать доминирование партнера в сексуальных отношениях, они более склонны с помощью сексуального акта подтвердить значимость парт-

нера. Личности в поздний период ранней взрослости чаще вступают в сексуальные контакты в целях воспроизведения потомства, а также в большей степени желают чувствовать свое доминирование над партнером.

Заключение

Существуют различия в установках к сексу и диспозиционных сексуальных мотивах у женщин и мужчин в периоды ранней взрослости. Результаты иссле-

дования подтверждают, что в белорусском обществе продолжают существовать традиционные взгляды на половое поведение, где женщине предписано

быть недоступной, скромной и услужливой, а также осуждается проявление активного стремления к сексу, и это приводит к низкой удовлетворенности сексуальными отношениями. Женщины в большей степени подстраиваются под сексуальные желания партнера и подавляют свои потребности. У них проявляется сильное сексуальное либидо, желание агрессивного сексуального поведения со стороны партнера, они настроены получать удовольствие от секса, что свидетельствует о становлении более современного и открытого отношения к сексу. В свою очередь, мужчины выступают активными потребителями порнографической продукции, стремятся к приобретению большего количества сексуальных связей, а такие качественные показатели, как личностные характеристики партнера, гармония в эмоциональной и ценностной сферах, для них же являются существенными, что ведет к разбалансиро-

ванности в отношениях пар. С возрастом изменения в установках к сексу и диспозиционных сексуальных мотивах характеризуются упрощением взглядов на сексуальные отношения, у индивидов ослабляется влияние традиционных представлений о половом поведении, увеличивается диапазон дозволенности и снижается интерес к сексу. У них трансформируются мотивы, связанные с властью: снижается подчинение и усиливается желание доминирования в сексуальных отношениях. С возрастом индивиды более склонны ценить партнера, демонстрировать важность и привязанность посредством сексуального поведения, а также увеличивается интенсивность мотива деторождения. Таким образом, изучение сексуальных установок и мотивов человека может привести к улучшению понимания способов их влияния на сексуальные действия, а также к предсказанию сексуального поведения.

Библиографические ссылки

1. Голод СИ. *XX век и тенденции сексуальных отношений в России*. Санкт-Петербург: Алетейя; 1996. 192 с.
2. Богданова МА. *Сексуальные установки и поведение молодежи*. Могилёв: Могилёвский областной центр гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья; 2015. 32 с.
3. Steinbach A, Maslauskaitė A. Childcare in Lithuania and Belarus: how gendered is parenting in Eastern European countries? *Journal of Family Studies*. 2022;28(3):1181–1197. DOI: 10.1080/13229400.2020.1806903.
4. Buber-Ennser I, Berghammer C. Religiosity and the realisation of fertility intentions: a comparative study of eight European countries. *Population, Space and Place*. 2021;27(6):1–25. DOI: 10.1002/psp.2433.
5. Айзенк ГЮ, Вильсон Г. *Как измерить личность*. Белопольский А, переводчик. Москва: Когито-центр; 2000. 283 с.

References

1. Golod SI. *XX vek i tendentsii seksual'nykh otnoshenii v Rossii* [20th century and tendencies of sexual relations in Russia]. Saint Petersburg: Aleteiya; 1996. 192 p. Russian.
2. Bogdanova MA. *Seksual'nye ustanovki i povedenie molodezhi* [Sexual attitudes and behaviour of young people]. Mogilev: Mogilev regional centre for hygiene, epidemiology and public health; 2015. 32 p. Russian.
3. Steinbach A, Maslauskaitė A. Childcare in Lithuania and Belarus: how gendered is parenting in Eastern European countries? *Journal of Family Studies*. 2022;28(3):1181–1197. DOI: 10.1080/13229400.2020.1806903.
4. Buber-Ennser I, Berghammer C. Religiosity and the realisation of fertility intentions: a comparative study of eight European countries. *Population, Space and Place*. 2021;27(6):1–25. DOI: 10.1002/psp.2433.
5. Eysenck HJ, Wilson G. *Know your own personality*. Harmondsworth: Penguin Books; 1976. 206 p. Russian edition: Eysenck HJ, Wilson G. *Kak izmerit' lichnost'*. Belopol'skii A, translator. Moscow: Kogito-tsentr; 2000. 283 p.

Статья поступила в редколлегию 23.01.2023.
Received by editorial board 23.01.2023.

ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПРОСОЦИАЛЬНЫХ ЛИЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ОСУЖДЕННЫХ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

О. В. БИНДАСОВА¹⁾

¹⁾Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова,
ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилёв, Беларусь

Рассмотрены половые различия в просоциальных характеристиках осужденных, отбывающих наказание за незаконный оборот наркотических средств в исправительных учреждениях. Изучены особенности криминальной личности, ее нравственные и просоциальные установки. Выборку составили 146 респондентов в возрасте от 20 до 61 года (73 мужчины и 73 женщины). Установлено, что у мужчин более высокие показатели публичного, эмоционального и альтруистического типов просоциального поведения, а также фантазирования, эмпатической заботы, нормы социальной ответственности, нормы взаимности, нормы справедливости и нормы затрат – вознаграждений, у них в большей степени проявляется способность поставить себя на место другого. Определено, что у женщин выше показатели экстренного просоциального поведения и личностного дистресса.

Ключевые слова: просоциальные характеристики; эмпатия; социальные нормы; осужденные за незаконный оборот наркотических средств; преступники; пол; мужчины; женщины.

SEX DIFFERENCES IN PROSOCIAL PERSONALITY CHARACTERISTICS OF THOSE CONVICTED OF DRUG TRAFFICKING

O. V. BINDASOVA^a

^aMogilev State A. Kuleshov University,
1 Kasmanawtaw Street, Magiliow 212022, Belarus

The article examines the sex differences in the prosocial characteristics of convicted persons serving sentences for drug trafficking in correctional institutions. The features of criminal personality, its moral and prosocial settings have been studied. The sample consisted of 146 respondents aged 20 to 61 (73 men and 73 women). It has been found that men have higher indicators of public, emotional and altruistic types of prosocial behaviour, fantasy, empathic care, norm of social responsibility, norm of reciprocity, norm of equity and norm of cost – remuneration, they're more capable of putting themselves in someone else's shoes. It has been found that women have higher rates of emergency prosocial behaviour and personal distress.

Keywords: prosocial characteristics; empathy; social norms; convicted of drug trafficking; criminals; sex; men; women.

Образец цитирования:

Биндасова ОВ. Половые различия в просоциальных личностных характеристиках осужденных за незаконный оборот наркотических средств. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2024;1:107–113.
EDN: YPYJFP

For citation:

Bindasova OV. Sex differences in prosocial personality characteristics of those convicted of drug trafficking. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2024;1:107–113. Russian.
EDN: YPYJFP

Автор:

Ольга Владимировна Биндасова – аспирантка кафедры психологии и коррекционной работы факультета педагогики и психологии детства. Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор И. А. Фурманов.

Author:

Olga V. Bindasova, postgraduate student at the department of psychology and correctional work, faculty of pedagogy and psychology of childhood.
bindasova.olga@bk.ru

Введение

Криминальное поведение является болезненной проблемой любого общества, потому что его последствия так или иначе касаются каждого человека. Несмотря на формирование нормативного поведения у людей различными социальными институтами, закрепление ответственности за поступки на законодательном уровне и работу исправительных учреждений, ежегодно совершаются преступления различной степени тяжести.

Преступником, по мнению авторов книги «Личность преступника», считается человек, совершивший противозаконное действие вследствие присущих ему психологических особенностей, антиобщественных взглядов, отрицательного отношения к нравственным ценностям и выбора общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей [1]. Совокупность тех или иных психологических характеристик предопределяет направленность поведения личности.

В зарубежных криминологических исследованиях зачастую делается акцент на изучении механизмов и факторов, а также личностных черт, способствующих совершению преступлений [2–4]. Предполагается, что у преступника отсутствуют или являются недостаточно развитыми положительные и социально одобряемые черты. Вместе с тем в ходе своего развития личность интериоризирует социальные и культурные нормы, проходя через различные воспитательные и образовательные институты, приобретает навыки эмпатии и сочувствия с раннего детства и наблюдает альтруистические действия. Соответственно, структура преступной личности включает в себя черты различной направленности – как асоциальной, так и просоциальной.

В работе Дж. П. Бевана и его коллег установлено, что преступники и правопослушные граждане имеют различия в уровнях эмпатических характеристик (способность поставить себя на место другого, эмпатическая забота и фантазирование): у первых они ниже, чем у вторых [5]. Таким образом, просоциальные черты преступников имеют особенности.

Просоциальная сторона преступной личности остается малоизученной. Можно предположить, что преступники рассматривают просоциальные и нравственные нормы искаженно и двойственно. По мнению А. П. Фиске и Т. С. Рай, собственные нравственные установки и взгляды преступников создают мотивацию для совершения насилия и противозаконных поступков: насильственный акт воспринимается преступниками, а в некоторых случаях и самими жертвами, как справедливый [6]. Это может свидетельствовать о том, что большинство из них оправдывают свои преступления и проступки, они считают, что не могли поступить иначе. Определенное понимание нравственных и просоциальных установок происходит через представление стан-

дартов, свойственных членам референтной группы, с которой соотносит себя преступник. Так, для конкретного преступника совершать насилие считается аморальным, а проявлять физическую агрессию – недопустимым. Однако, полагаясь на мнение членов своей группы, он одновременно может принимать тот факт, что если тебя ударили, то необходимо ударить в ответ. Наличие такой установки может повлечь за собой совершение преступления из убеждения, что оно правильное и справедливое. Соответственно, некоторые преступления и проступки могут совершаться из-за недостаточно развитых просоциальных черт и искаженных нормативных убеждений.

В исследовании взаимосвязи между усвоенными нравственными нормами и преступным поведением установлено, что давление со стороны сверстников и общества влияет на процесс принятия решения о совершении (не совершении) преступления. Кроме этого, следование нравственным нормам не всегда является основой законопослушного поведения [7]. Характеристики преступной личности могут меняться в зависимости от ее социального статуса и социальной роли. Личность может приобретать дополнительные характеристики, связанные с внешними условиями – изоляцией, режимом, а также криминальным окружением, состоящим из лиц ее пола. Стоит отметить, что не все ценности преступников и осужденных имеют асоциальную направленность. Некоторые стандарты криминальных групп заслуживают положительной оценки: не доносить на своего товарища, чтить родителей, особенно мать, и не воровать у своих [8, с. 52]. Однако знания этих норм и приверженности им недостаточно для успешной адаптации и жизни в правопослушном обществе, что рано или поздно может спровоцировать рецидив. В некоторых исследованиях осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях, делятся на группы асоциальной, просоциальной и нейтральной направленности. Численность первой группы составляет примерно 20–30 % человек, второй группы – около 50–60 % индивидов, третьей группы – порядка 18–25 % личностей [8, с. 55]. Следовательно, большинство осужденных осознают целесообразность и значимость просоциальных норм и придерживаются их.

По мнению В. М. Позднякова, чтобы исправить преступников, необходимо «создать условия для проявления... просоциальной активности, их жизнедеятельность должна быть приближена к требованиям нормального человеческого общежития» [9, с. 23]. Однако в исправительных учреждениях осужденные не имеют возможности в полной мере проявить просоциальную активность и наблюдать ее у других. Вместе с тем просоциальные характеристики, такие как заботливость, альтруизм, чуткость и эмпатичность,

способны выступать ингибиторами антисоциальности преступников. Иными словами, просоциальные характеристики могут оказывать снижающее воздействие на развитие и проявление асоциальных тенденций в личности преступника. Этот эффект является ключевым для работы, направленной на ресоциализацию лиц, совершивших преступления, поскольку уменьшает риск рецидивности к совершению преступлений.

Фактор пола учитывается как в социально-психологических, так и в криминологических исследованиях. Биологические и культурные предпосылки принадлежности к определенному полу воздействуют на особенности просоциальности. При исследовании половых различий в моральных суждениях зафиксировано, что женщины имеют более высокие баллы по показателям заботы и справедливости, чем мужчины [10]. Женщины совершают меньшее количество преступлений и правонарушений, поскольку они в большей степени подвергаются строгому воспитанию и родительскому контролю [11]. По мнению ряда исследователей, преступное поведение и причины его возникновения у разных полов носят объяснительный характер. Ученые указывают на необходимость получения экспериментальных данных, которые будут учитываться при разработке специфических половых теорий и моделей профилактики и коррекции преступности [12–14].

Кроме этого, фактор пола может предопределять особенности индивидуальных черт, связанных с просоциальностью, у преступников и осужденных вследствие отбытия ими наказания (соблюдение режим-

ных требований, депривация потребностей, а также условия изоляции в окружении лиц своего пола). Как отмечали Д. В. Сочивко и О. А. Тоболевич, «комплекс изменений, который проходит личность в период адаптации к местам лишения свободы, затрагивает наиболее глубокие ее архетипические слои и прежде всего архетип “мужественности – женственности”» [15, с. 117]. Некоторые просоциальные черты (например, заботливость) в тюремной субкультуре могут быть признаком слабости среди лиц мужского пола. В этой среде мужественность связана с агрессивностью. Среди осужденных женщин признаком силы и лидерских качеств зачастую считается проявление маскулинных черт.

В сравнительном исследовании нравственных характеристик осужденных установлено, что мужчины обладают более высокими показателями нравственных установок, когнитивной эмпатии и внутреннего локуса контроля [16].

Таким образом, асоциальные и просоциальные характеристики не являются взаимоисключающими компонентами в структуре личности осужденных. Однако исследований, в которых рассматриваются просоциальные характеристики осужденных и их различия в зависимости от пола, не обнаружено. В этой связи научный интерес представляет изучение половых различий в просоциальных характеристиках, таких как эмпатия (и ее виды), тенденции оказания помощи в различных ситуациях (норма социальной ответственности, норма взаимности, норма социальной справедливости, норма затрат – вознаграждений) у осужденных, отбывающих наказание.

Материалы и методы исследования

В качестве методов исследования использовались методика «измерение просоциальных тенденций» Г. Карло и Б. А. Рэндалла, адаптированная Н. В. Кухтовой [17] (состоит из шести шкал, таких как уступчивое просоциальное поведение, публичное просоциальное поведение, анонимное просоциальное поведение, экстренное просоциальное поведение, эмоциональное просоциальное поведение и альтруистическое просоциальное поведение); методика «межличностный индекс реактивности» М. Дэвиса, адаптированная Н. В. Кухтовой [18] (состоит из четырех шкал, таких как способность поставить себя на место другого, фантазирование, эмпатическая забота и личностный дистресс); методика «социальные нормы просоциального поведения», разработанная И. А. Фурмановым и Н. В. Кухтовой [19] (состоит из

четырёх шкал, таких как норма социальной ответственности, норма взаимности, норма социальной справедливости и норма затрат – вознаграждений).

Выборку составили 146 осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях за незаконный оборот наркотических средств, в возрасте от 20 до 61 года (73 мужчины и 73 женщины).

Снижение эффекта социальной желательности при ответах на вопросы обеспечивалось анонимностью и самостоятельностью заполнения анкет, а также присутствием при опросе только сотрудников из числа психологической службы.

Для статистической обработки данных использовались *t*-критерий Стьюдента и программа *SPSS 17.0*. Кроме того, рассчитывались среднее значение, стандартное отклонение и уровень значимости.

Результаты и их обсуждение

Половые различия в просоциальных характеристиках осужденных за незаконный оборот наркотических средств представлены в табл. 1.

Сравнительный анализ позволил установить значимые различия. У осужденных мужчин уровни пуб-

личного, эмоционального и альтруистического типов просоциального поведения выше, чем у осужденных женщин. Кроме того, у лиц женского пола преобладает уровень экстренного типа просоциального поведения.

Таблица 1

Половые различия в просоциальных характеристиках осужденных за незаконный оборот наркотических средств

Table 1

Sex differences in prosocial characteristics of convicted of drug trafficking

Просоциальные характеристики	Среднее значение		Стандартное отклонение		Уровень значимости
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	
Уступчивое просоциальное поведение	6,94	6,43	1,54	1,73	$p = 0,064$
Публичное просоциальное поведение	11,38	9,95	3,44	2,76	$p = 0,007$
Анонимное просоциальное поведение	15,42	14,84	4,13	2,95	$p = 0,335$
Экстренное просоциальное поведение	2,54	9,19	2,44	2,68	$p \leq 0,001$
Эмоциональное просоциальное поведение	15,52	14,06	2,70	2,45	$p = 0,001$
Альтруистическое просоциальное поведение	19,71	16,61	5,07	3,51	$p \leq 0,001$

Полученные результаты свидетельствуют о том, что мужчины в большей степени склонны к эмоциональному сопереживанию, оказанию помощи в присутствии окружающих и бескорыстной помощи. Женщины помогают в чрезвычайных ситуациях чаще, чем мужчины. Возможно, осужденным мужчинам важно мнение окружающих об их поступках, так как, оказывая публичную, эмоциональную и альтруистическую помощь, они могут продемонстриро-

вать другим свои качества и черты: силу, надежность и бескорыстие. Женщины-осужденные, принимающие активное участие в чрезвычайных ситуациях, что является физически сложным и опасным поступком, могут показывать свое лидерство, организованность, а также независимость от мужской физической силы. Половые различия в характеристиках эмпатии осужденных за незаконный оборот наркотических средств представлены в табл. 2.

Таблица 2

Половые различия в характеристиках эмпатии осужденных за незаконный оборот наркотических средств

Table 2

Sex differences in the characteristics of empathy of convicted drug trafficking

Характеристики эмпатии	Среднее значение		Стандартное отклонение		Уровень значимости
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	
Способность поставить себя на место другого	23,12	19,65	3,86	3,44	$p \leq 0,001$
Фантазирование	23,05	21,04	6,45	4,06	$p = 0,025$
Эмпатическая забота	23,73	21,17	5,48	3,17	$p = 0,001$
Личностный дистресс	17,78	20,67	4,84	3,58	$p \leq 0,001$

Установлено, что уровни способности поставить себя на место другого, фантазирования и эмпатической заботы выше у осужденных мужчин. Следовательно, они более склонны к когнитивной оценке ситуации других людей и способны представить их переживания и мысли, а также испытать чувства теплоты и сострадания. У женщин в большей степени проявлен показатель личностного дистресса, они переживают собственную неловкость и дискомфорт в ситуациях оказания помощи. Возможно, вследствие

своего предыдущего опыта осужденные женщины рассматривают сочувствие другим как качество, которое может привести к потерям личных ресурсов (энергии, времени, возможностей). Полученные результаты в некоторой степени согласуются с выводами исследования Т. Е. Девульфа и его коллег [16].

Половые различия осужденных в позициях присвоения социальных норм оказания помощи осужденных за незаконный оборот наркотических средств представлены в табл. 3.

Таблица 3

Половые различия в позициях присвоения социальных норм оказания помощи осужденных за незаконный оборот наркотических средств

Table 3

Sex differences in the attribution of social norms of assistance to convicted of drug trafficking

Позиции присвоения социальных норм оказания помощи	Среднее значение		Стандартное отклонение		Уровень значимости
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	
Норма социальной ответственности	62,97	39,63	7,05	7,33	$p \leq 0,001$
Норма взаимности	41,73	36,13	7,36	3,62	$p \leq 0,001$
Норма социальной справедливости	54,27	50,53	6,59	7,73	$p = 0,002$
Норма затрат – вознаграждений	36,95	30,60	5,82	5,12	$p \leq 0,001$

Как видно из таблицы, осужденные мужчины и женщины имеют значимые различия в показателях позиций присвоения социальных норм. Показатели нормы социальной ответственности, нормы взаимности, нормы социальной справедливости и нормы затрат – вознаграждений выше у осужденных мужчин. Предположительно, они склонны брать ответственность в ситуациях оказания помощи, они ориентируются на взаимность, т. е. помогают тому, кто ранее помогал им. Мужчины-осужденные учитывают принцип справедливости (равномерный вклад в совместную деятельность). Кроме того, они соизмеряют свои усилия и полученные результаты при оказании помощи: если усилия (затраты) будут увеличиваться, то мужчины предпочтут иной способ снятия собственных переживаний в чрезвычайных ситуациях (например, покинут место происшествия). Из этого можно предположить, что мужчины, осужденные за незаконный оборот наркотических средств, в большей степени склонны к нормативности своего поведения, в то время как осужденные женщины могут вырабатывать свои нормы, считая, что быть взаимным и справедливым, а также брать ответственность за других ресурсозатратно.

Таким образом, мужчины, осужденные за незаконный оборот наркотических средств, отличаются от женщин более высокими показателями публич-

ного, эмоционального и альтруистического типов просоциального поведения, фантазирования, эмпатической заботы, нормы социальной ответственности, нормы взаимности, нормы социальной справедливости и нормы затрат – вознаграждений, а также способностью поставить себя на место другого. Показатели уступчивого и анонимного типов просоциального поведения у обоих полов значимо не различаются. Полученные данные противоречат выводу исследования на выборке правонарушителей К. А. Спенсер и ее коллег [20] о том, что женщины имеют более высокий уровень просоциальных черт, чем мужчины. Однако предположения в некоторой степени схожи с исследованием на выборке осужденных за насильственные преступления [21].

Полученные результаты свидетельствуют о том, что мужчины, осужденные за незаконный оборот наркотических средств, в большей степени проявляют просоциальное поведение. Женщины не склонны к оказанию помощи в различных ситуациях, кроме чрезвычайных, а также к проявлению эмпатических реакций в виде фантазирования, эмоционального сочувствия и умения понимать ситуацию другого. При оказании помощи они не ориентируются на чувство справедливости и взаимности, не взвешивают затраты, а также не берут ответственности на себя.

Заключение

Аналогичных работ, где изучаются просоциальные тенденции на выборке из числа осужденных, отбывающих наказание за незаконный оборот наркотических средств, не обнаружено. Проведенное исследование показало, что существуют статистически значимые различия у мужчин и женщин из названной категории преступников. Экстренный тип просоциального поведения в большей мере свойствен женщинам. У мужчин выше показатели фан-

тазирования, эмпатической заботы, а также способности поставить себя на место другого. Социальные нормы оказания помощи преобладают у осужденных мужчин. Показатели уступчивого и эмоционального просоциального поведения у обоих полов значимо не различаются.

Можно заключить, что формирование просоциальных личностных характеристик необходимо организовывать с учетом пола. Полученные выводы

могут быть использованы в разработке коррекционных программ и включенных в них элементов моделирования эмоционального и альтруистического поведения, формирования способности когнитивной эмпатии и сострадания, а также повышения осведомленности о социальных нормах просоциального поведения для осужденных женщин. Представляется актуальным также включить в процесс формирова-

ния просоциального поведения осужденных мужчин методики по активизации эмпатических тенденций в ответ на эмоции других и вовлечению в просоциальную активность в трудных чрезвычайных ситуациях. Это позволит осуществить целенаправленную работу психологов исправительных учреждений по формированию у осужденных конкретных просоциальных характеристик в условиях отбывания наказания.

Библиографические ссылки

1. Антонян ЮМ, Кудрявцев ВН, Эминов ВЕ. *Личность преступника*. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс; 2004. 366 с.
2. Andiyani Yanuari, Naomi Soetikno, Riana Sahrani. Criminality and antisocial behavior in young adult. In: *Proceedings of the 1st Tarumanagara international conference on medicine and health* [Internet]. 2021 [cited 2023 January 14]. Available from: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/ticmih-21/125965093>.
3. Ajzen I. The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1991;50:179–211. DOI: 10.1016/0749-5978(91)90020-T.
4. Gudjonsson GH, Sigurdsson JF. Motivation for offending and personality. A study among young offenders on probation. *Personality and Individual Differences*. 2007;42(7):1243–1253. DOI: 10.1016/j.paid.2006.10.003.
5. Beven JP, O'Brien-Malone A, Hall G. Using the interpersonal reactivity index to assess empathy in violent offenders. *International Journal of Forensic Psychology*. 2004;1(2):33–41.
6. Fiske AP, Rai TS. *Virtuous violence: hurting and killing to create, sustain, end, and honor social relationships*. Cambridge: Cambridge University Press; 2015. 384 p. DOI: 10.1017/CBO9781316104668.
7. Thompson R, Newton A, Reeves C. Exploring the relationship between morality and offending through the use of the moral foundations questionnaire. *Crime Prevention and Community Safety*. 2021;23:381–399. DOI: 10.1057/s41300-021-00126-w.
8. Антонян ЮМ, Кольшницына ЕН. *Мотивация поведения осужденных*. Москва: ЮНИТИ-ДАНА; 2017. 144 с.
9. Поздняков ВМ. Психология просоциального соучастования осужденных в местах лишения свободы. *Прикладная юридическая психология*. 2007;1:19–37.
10. Atari M, Lai M, Dehghani M. Sex differences in moral judgements across 67 countries. *The Royal Society* [Internet]. 2020 [cited 2023 January 14]. Available from: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rspb.2020.1201>.
11. Mata R, Frey R, Richter D, Schupp J, Hertwig R. Risk preference: a view from psychology. *Journal of Economic Perspectives*. 2018;32(2):155–172. DOI: 10.1257/jep.32.2.155.
12. Blokland A, Os R. Life span offending trajectories of convicted Dutch women. *International Criminal Justice Review*. 2010;20(2):169–187. DOI: 10.1177/1057567710368.
13. Fontaine N, Carbonneau R, Vitaro F, Barker ED, Tremblay RE. Research review: a critical review of studies on the developmental trajectories of antisocial behavior in females. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2009;50(4):363–385. DOI: 10.1111/j.1469-7610.2008.01949.x.
14. Ivert AK, Andersson F, Svensson R, Pauwels LJR, Levander MT. An examination of the interaction between morality and self-control in offending: a study of differences between girls and boys. *Criminal Behaviour and Mental Health*. 2018;28(3):282–294. DOI: 10.1002/cbm.2065.
15. Сочивко ДВ, Тоболевич ОА. Феминность и маскулинность в условиях лишения свободы: сравнительно психологический анализ гендерной самоидентификации. *Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина*. 2009;2:114–133.
16. DeWolfe TE, Jackson LA, Winterberger P. A comparison of moral reasoning and moral character in male and female incarcerated felons. *Sex Roles*. 1988;18:583–593. DOI: 10.1007/BF00287962.
17. Кухтова НВ. Адаптация методики «измерение просоциальных тенденций» (Г. Карло, Б. А. Рэндалл). *Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 3, Филология. Педагогика. Психология*. 2011;3:102–107. EDN: UTRCZQ.
18. Кухтова НВ. Адаптация методики «межличностный индекс реактивности» (М. Дэвис). *Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки*. 2011;11:211–218. EDN: UTURWQ.
19. Кухтова НВ, Доморацкая НВ. *Просоциальное поведение специалистов, ориентированных на оказание помощи: теоретические основы и методики их изучения*. Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова; 2011. 49 с.
20. Spenser KA, Bull R, Betts L, Winder B. Gender differences in theory of mind, empathic understanding, and moral reasoning in an offending and a matched non-offending population. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2022;66(5):587–603. DOI: 10.1177/0306624X211010287.
21. Биндасова ОВ. Гендерные различия в просоциальных тенденциях личности осужденного. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2022;3:95–100.

References

1. Antonyan YuM, Kudryavtsev VN, Eminov VE. *Lichnost' prestupnika* [The identity of the criminal]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press; 2004. 366 p. Russian.
2. Andiyani Yanuari, Naomi Soetikno, Riana Sahrani. Criminality and antisocial behavior in young adult. In: *Proceedings of the 1st Tarumanagara international conference on medicine and health* [Internet]. 2021 [cited 2023 January 14]. Available from: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/ticmih-21/125965093>.

3. Ajzen I. The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1991;50:179–211. DOI: 10.1016/0749-5978(91)90020-T.
4. Gudjonsson GH, Sigurdsson JF. Motivation for offending and personality. A study among young offenders on probation. *Personality and Individual Differences*. 2007;42(7):1243–1253. DOI: 10.1016/j.paid.2006.10.003.
5. Beven JP, O'Brien-Malone A, Hall G. Using the interpersonal reactivity index to assess empathy in violent offenders. *International Journal of Forensic Psychology*. 2004;1(2):33–41.
6. Fiske AP, Rai TS. *Virtuous violence: hurting and killing to create, sustain, end, and honor social relationships*. Cambridge: Cambridge University Press; 2015. 384 p. DOI: 10.1017/CBO9781316104668.
7. Thompson R, Newton A, Reeves C. Exploring the relationship between morality and offending through the use of the moral foundations questionnaire. *Crime Prevention and Community Safety*. 2021;23:381–399. DOI: 10.1057/s41300-021-00126-w.
8. Antonyan YuM, Kolyshnitsyna EN. *Motivatsiya povedeniya osuzhdennykh* [Motivation for the behaviour of convicts]. Moscow: YuNITI-DANA; 2017. 144 p. Russian.
9. Pozdnyakov VM. [Psychology of prosocial participation of convicts in places of deprivation of liberty]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*. 2007;1:19–37. Russian.
10. Atari M, Lai M, Dehghani M. Sex differences in moral judgements across 67 countries. *The Royal Society* [Internet]. 2020 [cited 2023 January 14]. Available from: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rspb.2020.1201>.
11. Mata R, Frey R, Richter D, Schupp J, Hertwig R. Risk preference: a view from psychology. *Journal of Economic Perspectives*. 2018;32(2):155–172. DOI: 10.1257/jep.32.2.155.
12. Blokland A, Os R. Life span offending trajectories of convicted Dutch women. *International Criminal Justice Review*. 2010;20(2):169–187. DOI: 10.1177/1057567710368.
13. Fontaine N, Carbonneau R, Vitaro F, Barker ED, Tremblay RE. Research review: a critical review of studies on the developmental trajectories of antisocial behavior in females. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2009;50(4):363–385. DOI: 10.1111/j.1469-7610.2008.01949.x.
14. Ivvert AK, Andersson F, Svensson R, Pauwels LJR, Levander MT. An examination of the interaction between morality and self-control in offending: a study of differences between girls and boys. *Criminal Behaviour Mental Health*. 2018;28(3):282–294. DOI: 10.1002/cbm.2065.
15. Sochivko DV, Tobolevich OA. [Femininity and masculinity in conditions of imprisonment: a comparative psychological analysis of gender self-identification]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*. 2009;2:114–133. Russian.
16. DeWolfe TE, Jackson LA, Winterberger P. A comparison of moral reasoning and moral character in male and female incarcerated felons. *Sex Roles*. 1988;18:583–593. DOI: 10.1007/BF00287962.
17. Kukhtova NV. [Adaptation of the «measuring prosocial tendencies» methodology (G. Carlo, B. A. Randall)]. *Vestnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 3, Philology. Pedagogy. Psychology*. 2011;3:102–107. Russian. EDN: UTRCZQ.
18. Kukhtova NV. [Adaptation of the «interpersonal reactivity index» methodology (M. Davis)]. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. Istoricheskie i psikhologo-pedagogicheskie nauki*. 2011;11:211–218. Russian. EDN: UTURWQ.
19. Kukhtova NV, Domoratskaya NV. *Prosotsial'noe povedenie spetsialistov, orientirovannykh na okazanie pomoshchi: teoreticheskie osnovy i metodiki ih izucheniya* [Prosocial behaviour of helping-oriented professionals: theoretical foundations and methods of their studies]. Viciebsk: P. M. Masherov Vitebsk State University; 2011. 49 p. Russian.
20. Spenser KA, Bull R, Betts L, Winder B. Gender differences in theory of mind, empathic understanding, and moral reasoning in an offending and a matched non-offending population. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2022;66(5):587–603. DOI: 10.1177/0306624X211010287.
21. Bindasova OV. Gender differences in prosocial tendencies of convicted murderers. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2022;3:95–100. Russian.

Статья поступила в редакцию 03.02.2023.
Received by editorial board 03.02.2023.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DESPOSITED IN BSU

УДК 101.1:316(082)

Актуальные вопросы современных социально-гуманитарных исследований [Электронный ресурс] : сб. науч. ст. участников XXIX Респ. конкурса науч. работ студентов / БГУ ; [редкол.: Т. В. Бурак (отв. ред.), Е. И. Климушко]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 74 с. : табл. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/304085>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 01.11.2023, № 009501112023.

В сборник включены статьи студентов и магистрантов факультета философии и социальных наук БГУ, а также авторов работ второй и третьей категорий XXIX Республиканского конкурса научных работ студентов 2022–2023 гг.

УДК 101.1:316(06)

Человек. Культура. Общество [Электронный ресурс] : сб. науч. ст. 20-й ежегод. науч. конф. студентов и аспирантов фак. филос. и соц. наук Белорус. гос. ун-та (Минск, 27 апр. 2023 г.) / БГУ ; [редкол.: Т. В. Бурак (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 927 с. : табл. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/304088>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 01.11.2023, № 009601112023.

В сборник включены доклады студентов, магистрантов и аспирантов факультета философии и социальных наук, естественно-научных и гуманитарных факультетов БГУ, учреждений высшего образования Беларуси, представленные на 20-й ежегодной научной конференции студентов и аспирантов «Человек. Культура. Общество».

УДК 159.947.5(075.8)

Трухан Е. А. Психология мотивации. Тексты [Электронный ресурс] : учеб.-метод. пособие / Е. А. Трухан ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 446 с. : ил., табл. Библиогр. в подстр. примеч. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/304541>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 14.11.2023, № 010214112023.

В учебно-методическом пособии представлены фрагменты классических и современных работ по базовым вопросам изучения потребностей и мотивов человека с учетом разнообразия научных идей и подходов. Лучшие работы отечественных и зарубежных психологов по проблемам мотивации, отражающие их основные теоретические взгляды, адаптированы для учебного процесса. Пособие включает тексты из сочинений всемирно известных психологов, не публиковавшиеся более ста лет, а также впервые переведенные на русский язык. Адресуется студентам и преподавателям психологических дисциплин, а также тем, кто интересуется психологией мотивации.

УДК 101.1:316(06)

Философия и общество в эпоху социальной турбулентности [Электронный ресурс] : сб. науч. ст. и материалов XVII междисциплинар. науч.-теорет. семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии» (Минск, 23 нояб. 2023 г.) / БГУ ; [редкол.: А. С. Лаптёнок (отв. ред.), О. В. Новикова]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 294 с. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/304913>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 21.11.2023, № 010721112023.

Представлены научные статьи и материалы докладов участников XVII междисциплинарного научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», который состоялся 23 ноября 2023 г. на факультете философии и социальных наук БГУ. Адресуется молодым ученым, преподавателям, научным и педагогическим работникам, аспирантам, студентам и всем, кто интересуется актуальными проблемами современной философии, трансдисциплинарной науки и социально-гуманитарного познания.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Рубанов А. В.</i> Мудрость М. Монтеня в книге «Опыты»	4
<i>Никонов А. Н.</i> Проблема научной терминологии в творческом наследии М. М. Бахтина (на примере понятий «карнавал», «смеховое слово» и «мениппея»)	16
<i>Коховец Я. А.</i> Экзистенциалы гностического мифа на примере папирусов собрания книг «Библиотека Наг-Хаммади»	23

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Курбачёва О. В.</i> Этнические стереотипы в живописи сквозь призму философской рефлексии....	29
<i>Ходадади Х.</i> Проблема неконтрафактности Д. Парфита	41
<i>Ягело Я. А.</i> Шпенглеровский ренессанс и концепция глобальной истории	46
<i>Стаськевич С. А.</i> Феномен символа в пространстве повседневности.....	59

ФИЛОСОФИЯ ТЕХНИКИ

<i>Доброродный Д. Г., Верещако А. И.</i> Статус технических объектов с искусственным интеллектом в современном обществе	66
---	----

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

<i>Савлукова Е. В., Барсук И. А.</i> Эвристический потенциал и пределы применимости антропного принципа	75
---	----

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Кокина Т. В., Кунцевич А. И., Дьяков Д. А., Фурманов И. А.</i> Медико-психологические аспекты формирования образа полета у оператора беспилотного летательного аппарата	84
<i>Певнева А. Н.</i> Структурная организация эмоционального компонента ригидности	91
<i>Гродь Ж. В.</i> Половозрастные различия в установках к сексу и диспозиционных сексуальных мотивах индивидов в периоды ранней взрослости	100
<i>Биндасова О. В.</i> Половые различия в просоциальных личностных характеристиках осужденных за незаконный оборот наркотических средств	107
Аннотации депонированных в БГУ работ	114

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Rubanau A. V.</i> The wisdom of M. Montaigne in the book «Essais»	4
<i>Nikonov A. N.</i> The problem of scientific terminology in the creative heritage of M. M. Bakhtin (by the example of the concepts «carnival», «laughter word» and «menippea»)	16
<i>Kakhavets Ya. A.</i> Existentials of the gnostic myth on the example of the papyrus of the collection of books «Nag Hammadi library»	23

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Kurbacheva O. V.</i> Ethnic stereotypes in painting through the prism of philosophical reflection	29
<i>Khodadadi H. D.</i> Parfit's non-identity problem	41
<i>Yahela Ya. A.</i> Spengler renaissance and the concept of global history	46
<i>Staskevich S. A.</i> The phenomenon of the symbol in the space of everyday life	59

PHILOSOPHY OF TECHNOLOGY

<i>Dabrarodni D. G., Verashchaka A. I.</i> The place of artificial intelligence technologies in the modern society	66
--	----

PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

<i>Savlukova E. V., Barsuk I. A.</i> Heuristic potentiality and applicability limits of the anthropic principle....	75
---	----

PSYCHOLOGICAL RESEARCH

<i>Kokina T. V., Kuntsevich A. I., Djakov D. A., Fourmanov I. A.</i> Medical and psychological aspects of image of flight formation at unmanned aerial vehicle operator	84
<i>Pevneva A. N.</i> Structural organisation of the emotional component of rigidity	91
<i>Grod J. V.</i> Sex and age differences in sexual attitudes and dispositional sexual motives among individuals in early adulthood	100
<i>Bindasova O. V.</i> Sex differences in prosocial personality characteristics of those convicted of drug trafficking	107
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU	114

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета.
Философия. Психология.
№ 1. 2024**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Философия. Психология»
издается с 2007 г.

До 2017 г. выходил под названием
«Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редактор *М. А. Жура*
Технические редакторы *Н. Ю. Окуневиц, М. М. Баулина*
Корректоры *М. Д. Баранова, Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 31.01.2024.

Тираж 55 экз. Заказ 177.

Республиканское унитарное предприятие
«СтройМедиаПроект».
ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.
Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2024

**Journal
of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology.
No. 1. 2024**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Journal of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology»
published since 2007.

Until 2017 named
«Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editor *M. A. Zhuro*
Technical editors *N. Yu. Okunevets, M. M. Baulina*
Proofreaders *M. D. Baranova, L. A. Mekrul'*

Signed print 31.01.2024.

Edition 55 copies. Order number 177.

Republic Unitary Enterprise
«StroiMediaProekt».
License for publishing No. 02330/71, 23 January, 2014.
13/61 V. Haruzhaj Str.,
Minsk 220123, Republic of Belarus.

© BSU, 2024